

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 2 (69) 2019

Донецк

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Научный журнал Донецкого национального университета
Исторический факультет
сетевое издание

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Заместитель главного редактора – Бобровский А.С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Разумный В.В. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)
Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Цыганков П.А. – д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Рецензенты: д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Колесник А.В., д.филос.н. Муза Д.Е., к.и.н. Разумный В.В., д.и.н. Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г., к.и.н. Шкрибько Е.А.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 12 от 24.012.2019 г.

Журнал зарегистрирован Министерством информации ДНР, Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г., и наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (095) 360-43-70, (071) 305-59-87; e-mail: nvn2015@rambler.ru, nicols46@mail.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Смоляк А.Р. Раздоры донецкие: к вопросу об антропогенных ландшафтах на Нижнем Дону.	7
Шульга Д.П., Дудукин К.А. К вопросу о проблемах изучения скифоидных культур.	12
Нарожный Е.И. Парное кочевническое захоронение у сел. Каменка в Донбассе: его датировка, аналогии и этнокультурная атрибуция.	18
Набиев Р.Ф. Древние северы-северяне – кто они?	28
Шумилов Е. Н. О времени появления в Донбассе торков.	37
Абуков С.Н. Влияние фактора рождения от разных матерей на княжеские отношения Рюриковичей (последняя четверть X – начало XI вв.)	40
Поляков А. Н. Проблемы историко-географического изучения похода князя Игоря на половцев в 1185 г.	46
Даниленко Е.Г. К вопросу о применении труда китайских рабочих в годы Первой мировой войны в Донбассе.	54
Разумная Н.Н. Торговое дело на территории Донбасса (1914 – 1917 гг.).	61
Ковба В.И., Чугунов Е.А. «Позвала их Россия...»: офицеры Костромского гарнизона в революционном процессе 1917 г.	72
Руденко М.В. Реорганизация революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии в военное отделение Донецкого губернского революционного трибунала.	80
Стадник В.А. Роль Органов КК-РКИ в проведении социалистической модернизации сельского хозяйства и формировании продовольственных фондов Донбасса в начале 1930-х гг.	91
Манжула Е.В. Становление материально-технической базы и организационной структуры учреждений телевидения Донбасса в 1950-х – 1960-х гг.	98
Дмитриевский А.В. Малые сёла в Донецкой области в 1985 – 1991 гг.: социальные аспекты.	103

Всемирная история

Ковба В.И., Чугунов Е.А. Крестьянская война в Германии в аспекте творческого сознания Альбрехта Дюрера. 108

Международные отношения

Муза Д.Е. Евразийский вектор актуальной русской геополитики и внешнеполитическая ориентация Донецкой Народной Республики. 120

Политология

Горулько А.А. Гражданство как фактор формирования идентичности. 125

CONTENT

Domestic and regional history

Smolyak A.R. The contention is Donetsk: on the issue of anthropogenic landscapes in the Lower Don.	7
Shulga D.P., Dudukin K.A. To the question of the study of Scythoid cultures.	12
Narozhniy E.I. Pair nomadic burial near villages. Kamenka in Donbass: its dating, analogies and ethnocultural attribution.	18
Nabiev R.F. Ancient northerners - who are they?	28
Shumilov E. N. About the time of the appearance of torques in the Donbass.	37
Abukov C.N. The influence of the factor of birth from different mothers on the princely relations of the Rurikovichs (the last quarter of the X - the beginning of the XI centuries).	40
Polyakov A. N. Problems of historical and geographical study of the campaign of Prince Igor to the Polovtsy in 1185	46
Danilenko E.G. To the question of the use of labor by Chinese workers during the First World War in the Donbass.	54
Razumnaya N.N. Trading business in the territory of Donbass (1914 - 1917).	61
Kovba V.I., Chugunov E.A. "Russia called them ...": officers of the Kostroma garrison in the revolutionary process of 1917.	72
Rudenko M.V. Reorganization of the revolutionary military tribunal of the Donetsk Labor Army into the military branch of the Donetsk provincial revolutionary tribunal.	80
Stadnik V.A. The role of the KK-RCT Bodies in carrying out socialist modernization of agriculture and the formation of food funds in the Donbass in the early 1930s. ...	91
Manzhula E.V. Formation of the material and technical base and organizational structure of Donbass television institutions in the 1950s - 1960s.	98
Dmitrievsky A.V. Small villages in the Donetsk region in 1985 - 1991: social aspects.	103

The World History

Kovba V.I., Chugunov E.A. The peasant war in Germany in the aspect of the creative consciousness of Albrecht Durer. 108

International relationships

Muse D.E. The Eurasian vector of current Russian geopolitics and the foreign policy orientation of the Donetsk People's Republic. 120

Political science

Gorulko A.A. Citizenship as a factor in the formation of identity. 125

Отечественная история

УДК 336.2

А.Р. Смоляк

Комитет по охране культурного наследия Ростовской области

ГАУК РО «Донское наследие», РФ

e-mail: smoleakdon@mail.ru

РАЗДОРЫ ДОНЕЦКИЕ: К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОГЕННЫХ ЛАНДШАФТАХ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Аннотация

Статья посвящена вопросам изучения антропогенного влияния на поймоформирующие процессы в бассейне Нижнего Дона в районе устья реки Северский Донец. Данные археологических исследований, позволили автору сделать предварительное заключение об имевших место воздействиях человека в древнее время и Средние века на ландшафт донской поймы, формирующийся естественным путем. На повестку дня поставлен вопрос о перспективности дальнейшего комплексного изучения памятников археологии и примыкающих к ним палеоландшафтов методами археологии и естественных наук.

Ключевые слова: *поймоформирующие процессы, позднечетвертичные отложения, антропогенный ландшафт, геоморфология, палеоландшафт, стратиграфия, маркирующий слой, гавань, ерик, канал, шурф, культурный горизонт.*

Summary

The article devoted to the study of anthropogenic influence on floodplain processes in the Lower Lon basin near the mouth of the Seversky Donets river. Archaeological research data allowed the author to make a preliminary conclusion about the human impact in ancient times and the Middle ages on the landscape of the don floodplain, formed naturally. The issue of prospects of further complex study of archaeological monuments and adjacent paleolandscapes by methods of archeology and natural Sciences was put on the agenda.

Keywords: *River floodplain forming processes, late Quaternary deposits, anthropogenic landscape, geomorphology, paleolandscape, stratigraphy, marking layer, Harbor, Erik, canal, pit, cultural horizont.*

Участок поймы реки Дон, ниже устья реки Северский Донец, ввиду существования здесь некогда разветвленной сети многочисленных протоков и

ериков, с XVI-XVII вв. назывался «Раздоры», «Раздорный остров» или «Раздоры Донецкие» [1,2,3,4]. Указанный участок поймы представляет собой обширную котловину, западная часть которой сформировалась в условиях воздействия активных дельтоформирующих процессов реки Северский Донец, южная – реки Сал. «Раздорскую» котловину окаймляют – с севера и запада, высокий коренной правый берег, являющийся юго-восточной оконечностью Донецкого кряжа; с юго-востока – Семикаракорская возвышенность; с юго-запада – остров Поречный, который запирает собой выход из котловины русловых проточных вод.

Анализ литературы, посвященной геоморфологии Нижнего Дона, позволяет нам констатировать, что остров Поречный, сложен позднечетвертичными отложениями и является, по всей вероятности, юго-западной оконечностью Семикаракорской возвышенности, отрезанной от последней проточными водами. Это подтверждается динамикой поперечных руслоформирующих процессов р. Дон, которая была такова, что ложе основного русла реки неоднократно меняло свое положение, то отступая к северо-востоку, по направлению к Семикаракорской возвышенности, то к юго-западу, прорезая при этом гряду в разных местах. Последние кардинальные изменения, произошли в 1917 году, когда в результате мощного половодья основное русло реки Дон обошло остров Поречный с северо-восточной и северо-западной сторон и отрезало его от коренного, правого берега [5]. С этого времени общая динамика деформации острова сводится в основном к процессу сокращения его площади из-за утрат участков вдоль неукрепленной абразивной береговой полосы. Остров треугольной формы с вдающейся вглубь его территории южной стороной, отделен от остальной части поймы руслом «Старый Дон» (Рис. 1).

В высотном отношении остров состоит из двух частей: восточной и юго-западной, отделенных друг от друга ериком Перекопское озеро [7]. Территория острова к востоку и северо-востоку от озера сложена плотными суглинками (Рис.2), является самой древней и высокой с отметками выше 7 м БСВ. Юго-западная территория острова, в целом на 1 м ниже и понижается в сторону нижней оконечности острова до отметок 6-3,5 м в БСВ. Эта часть острова является зоной активного аккумуляирования наносов, свита которых, в вертикальном сечении, представляет собой довольно сложную геоморфологическую структуру, состоящую из слоев и чередующихся прослоек песка, супеси, суглинков, включая суглинки с различным процентом содержания органики, или карбонатов (Рис. 3) [10].

Начало археологических исследований на острове было положено доцентом РГПИ З.А. Витковым, который в 1950 году, впервые произвел разведку в юго-западной части острова, на участках под названиями «Городок» и «Петровская гавань», а так же в восточной части, где выявил многослойное поселение эпохи бронзы–раннего железного века в урочище «Матюхин бугор» [7].

Нижний Дон, остров Поречный

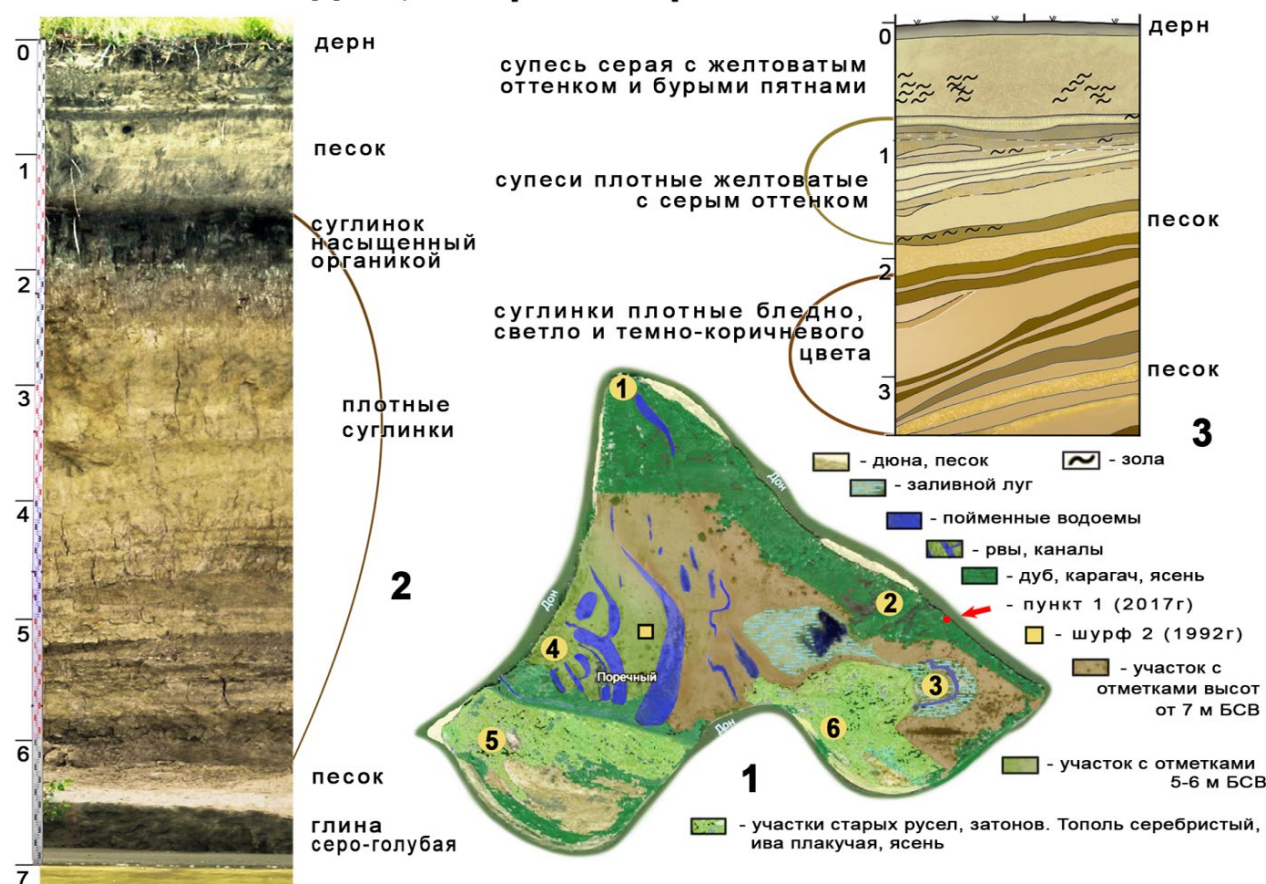

Рис.1.Памятники археологии острова Поречный. Поселения: 1-Ракушечный Яр; 2-Матюхин Бугор; 3-Черный Яр; 4-Перекопское. Гавани: 5-Петровская; 6-Черный Яр. Рис.2.Стратиграфическая колонка: восточный берег острова, пункт1. Рис.3 Стратиграфия: юго-западный участок острова, шурф 2, восточный борт

В дальнейшем, на северной оконечности острова, были выявлены и исследовались Т.Д. Белановской могильник и многослойное поселение эпохи неолита-бронзы – Ракушечный Яр [8]. С 2008 года памятник активно исследуется сотрудниками Донского археологического общества. С помощью современных методов исследования были получены новые данные о стратиграфии памятника и геоморфологии северной оконечности острова Поречный [9].

С 1992 г. по инициативе директора Раздорского этнографического музея-заповедника была создана Раздорская археологическая экспедиция, в задачу которой входило сплошное археологическое обследование территории острова, выявление памятников археологии, определение их хронологии и культурной принадлежности, установление границ, с последующей постановкой вновь выявленных памятников археологии на учет и охрану.

Экспедицией были выявлены неизвестные ранее памятники археологии, такие как Могильник Матюхин Бугор, поселение Черный яр, а так же весьма специфические, такие как «Перекопское» (укрепленное поселение?) или археологический объект Гавань «Черный Яр», в основе происхождения которых бесспорно лежат природные поймоформирующие процессы. Вместе с тем, на этих объектах нам удалось зафиксировать многочисленные следы человеческого

воздействия: валы, рвы, (доки?), подсыпки и столбовые ямки на гребнях валов, подчистки и вместе с тем, весьма скромные археологические материалы, представленные прослойками гари, скоплениями древесных углей, остеологических материалов, обломков каменных предметов и, в отдельных случаях, единичными маловыразительными фрагментами керамики, маркирующими участки культурного палеоландшафта.

На участках восточного берегового обнажения острова Поречный, методом зачистки и в юго-западной части острова методом шурфовки, нами были зафиксированы ямки искусственного происхождения, прослойки гари, золы, мелких древесных углей и костей животных, опускающихся по слою ниже современного уровня воды в реке Дон [10]. Специфика выявленных нами пойменных объектов не позволяет изучить их в достаточной мере при помощи доступного оборудования и только археологических методик. На значительной территории острова, в том числе и на некоторых участках археологических объектов, методом шурфовки нами были выявлены свиты отложений (чередующиеся слои лессовидной супеси, тонких, ленточных прослоек глины, суглинков черного цвета с включениями органики, линз, отсыпок песка и др.). Были так же выявлены и зафиксированы погребенные слои (прослойки) с явными следами начавшегося процесса образования дерна по верхнему краю.

В результате мы пришли к убеждению, о необходимости проведения комплексных исследований, в которых необходимо сделать упор на геоморфологическое изучении свиты отложений энеолита-новейшего времени, выявлении базовых (маркирующих) слоев и прослоек речных отложений, образовавшихся в процессе половодий, определении их хронологии естественно-научными и археологическими методами. Это позволит датировать специфические пойменные объекты археологии с маловыразительными или отсутствующими маркирующими материалами; связать с конкретными археологическими объектами обширные по площади участки острова, находящиеся между памятниками археологии и содержащие явные следы древнего антропогенного воздействия; определить степень и характер антропогенного воздействия на естественноформирующиеся ландшафты; получить новые материалы, существенно дополняющие современные научные представления о древних и средневековых культурах народов Дона, в части воздействия носителей этих культур на процессы русло и поймоформирующих процессов: земледелие, ирригация, укрепление берегов и др.

Ссылки и примечания:

1. Сахаров П.П. Материалы по истории колонизации и быта Земли донских казаков в XVIII веке // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 2010. Вып. 10; Выписка по челобитным об оказании казакам помощи против набегов крымцев 1648 год, февраля 6 // «Донские дела», книга III. Спб, 1909.

2. Витков З.А. К вопросу о местоположении нижнедонских казачьих городков // Сб. Ученые записки Мурманского педагогического гос. пед. института (серия историко-филологическая). Вып. 2. Т. 2. Мурманск, 1958.
3. Козаченко А.С. Пространственная культура казаков Нижнего Дона конца XVI – XVII вв. Ростов-на-Дону: «Донской издательский дом», 2000.
4. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Махин: Информационно-издательский центр «Дончак», 2001.
5. Дандара Н.Т., Дандара А.Н. Ландшафт центральной части Нижнего Дона, проблемы его охраны и восстановления и пути их решения // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. С. 89–94. Дандара Н.Т., Дандара А.Н., Борисов С.В. Руслоформирующие и поймообразующие процессы в устьевой части Нижнего Дона и их влияние на исторический выбор местоположения поселений // http://www.razdory-museum.ru/c_streamflow-1.html.
6. Отчет об археологических исследованиях в 1993 г. на острове Поречный Усть-Донецкого района Ростовской области. Ростов-на-Дону, 1995 // Архив ИА РАН. 1995.
7. Витков З.А. Отчет об археологической разведке Раздорского казачьего городка Ростовской области. М.: Институт археологии АН РФ, 1950.
8. Белановская Т.Д. «Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону». Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983 г. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Дона: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб: Изд-во СПбГУ, 1995. 200 с.
9. Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий Т.В. и др. Новые исследования ранненеолитических слоев поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. №3 (24). Самара: Самарский ГСПУ, 2018. – С. 127-136 // <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv24.pd>
10. Смоляк А.Р. Исследование памятников археологии на территории Раздорского музея-заповедника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Выпуск 13. Азов, 1994.

УДК 94(510).03

Д.П. Шульга

кандидат исторических наук,

Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

e-mail: alkaddafa@gmail.com

К.А. Дудукин

международный центре ABIE, г. Хучжоу

e-mail: zurvan@ngs.ru

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ СКИФОИДНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация

В отечественной скифологии неизменно важным оставался вопрос сложения государственности у ранних кочевников. И если материалы Кубани, Новороссии и Крыма исследованы в этом отношении достаточно неплохо, то восточные регионы скифского мира, столь необходимые для получения аналогий, всё еще почти неизвестны русскоязычным учёным. Между тем процессы, происходившие на территории севера нынешней КНР в конце раннескифского времени, имеют массу параллелей с Придоньем, Поднепровьем и сопредельными регионами.

Ключевые слова: скифы, ранние кочевники, Евразия, Северный Китай, образование государства.

Summary:

The Russian studies of the Scythes was centered on the issue of developing of the statehood. Despite the archeological remains in Kuban, Novorossiya and Crimea had been thoroughly studied there is still a vague area for Russian scientists that covers eastern regions of Scythes living territory, which is considered to be of a big importance for getting analogies. Furthermore, the processes which had been taking place in China during early antiquity were similar to that happened in the area of Don River, Dnieper River and adjacent regions.

Keywords: Scythians, early nomads, Eurasia, Northern China, state formation.

Не подлежит сомнению историческая роль культур «скифского круга» на огромной территории Евразии (как минимум от Днепра до Хуанхэ). Конечно, многочисленные исследования показывают, что объединять ранних кочевников данного региона надо с большой осторожностью, так как они различались и антропологически [ЧжанЦзюнь, 2002; ЧжанЦюаньчао и др., 2005; ВэйДун и др.,

2012], и хозяйственно, и, вероятно, по языку. Вместе с тем, можно констатировать существование единой традиции в искусстве («звериный стиль»), вооружении и конской сбруе (естественно с региональными особенностями. Ввиду вышесказанного, на наш взгляд, большую важность имеет введение в научный оборот данных, касающихся различных частей «скифского мира», дабы исследователи Европейской Скифии (понимаемой в настоящем исследовании как юго-запад современной РФ, Северное Причерноморье, Приазовье, Донбасс, Восточная Украина) имели возможность сопоставлять свои наработки с тем, что известно по наиболее восточным общностям ранних кочевников.

Сохранившиеся на севере нынешней пров. Хэбэй (от уезда Чжанцзякоу на северо-западе и до восточной части – уездов Луаньпин и Лунхуа) памятники раннескифского времени представляют из себя уникальное культурное явление. Наиболее яркие материалы получены из расположенного в горах Цзюньдушань памятника Юйхуанмяо. В китайской литературе, помимо собственно названия «культура юйхуанмяо» бытуют наименования «культура горных жунов» и «бэйсиньбао». Имеются разные точки зрения на облик, возраст и этническое происхождение культуры юйхуанмяо.

Существующие исследования показывают, что культура Юйхуанмяо располагается преимущественно на севере пров. Хэбэй, в северном пригороде Пекина и на юго-западе пров. Ляонин. По мнению китайских учёных, создание наиболее ранней части могильника Юйхуанмяо датируется периодом Чуньцю (ок. 770-670 гг. до н.э.). Находки из уезда Яньцин, а именно мечи и ножи, не обладали характерными особенностями культуры Юйхуанмяо. Найденные медные ложки, резцы, поясные украшения прямоугольной формы, декорированные спиралевидными узорами, поясные крюки, найденные в Наньшань, содержат орнамент, характерный для периода династии Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). К находкам в районе уезда Пинцюань относятся мечи и ножи, рукоятки которых также украшены спиралевидными узорами, конец рукоятки имеет немного расширенную часть. Лезвия таких мечей содержат на себе зооморфный орнамент.

Обратим внимание, что самые ранние мечи относят к культуре «верхнего слоя Сяцзядянь», они были найдены в районе Наньшань. Такие мечи были распространены в пров. Хэбэй и на территории Монголии. Таким образом, можно говорить, что на территории от Ляодунского острова до Ордоса шло смещение культурного центра с востока на запад. В пров. Ляонин в уезде Линьюань на востоке горы Хушань были обнаружены погребения, где инвентарь и обряд свидетельствуют как минимум о близости с культурой юйхуанмяо, несмотря на удалённость от её центра. Кинжалы с ножами и на территории Хэбэя, и на территории Ляонина, часто располагались в районе тазовых костей покойного, а наконечники стрел – в ногах. Рядом нередко обнаруживается еще одна любопытная категория инвентаря – «цзао». Многие китайские исследователи склонны интерпретировать их как долота, однако, судя по параллелям из Южной Сибири и Европейской Скифии перед нами чеканы.

Две группы родственных памятников – западная и юго-восточная – имеют ряд различий и, очевидно, делятся на культуру Юйхуанмяо и культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» (обе явно относятся к наследию ранних скифоидных кочевников). Артефакты культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» позволяют судить о том, что население её оставившее имело высокий уровень хозяйственного и культурного развития. После упадка культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» в VII в. до н.э. культура Юйхуанмяо начинает своё развитие. Культуру Юйхуанмяо называют «самой восточной культурой скифо-сибирского округа» из-за того, что она сформировалась в результате смешения культур «верхнего слоя Сяцзядянь» с культурами северных кочевых племен.

Важно отметить, что на данный процесс, несомненно, повлияло китайское царство Янь. Одно из доказательств – характерные «северные наконечники стрел» сменили наконечники «южного», традиционного для Центральной равнины Китая, типа.

В Юйхуанмяо была обнаружена в большом количестве бронзовая посуда. На севере пров. Хэбэй присутствует также большое количество бронзовых клевцов гэ, и прочего вооружения, включая кинжалы. Клевцы, обнаруженные в могильнике Шанцуньлин, расположены рядом и относятся к раннему периоду Чуньцю (сер. VIII – нач. VII вв. до н.э.).

Стоит отметить, что по современным представлениям о хронологии, бронзовая ритуальная утварь (её больше всего в могильниках Силянгуан и Юйхуанмяо) датируется несколько позднее. Например, треножник из могильника Ганыцзы принадлежит к среднему периоду Чуньцю (сер. VII–VI вв. до н.э.) [Ян Цзяньхуа, 2004].

Споры вызывает не только происхождение, но этническая привязка культуры юйхуанмяо. В настоящее время существует две точки зрения: культуру идентифицируют с племенами горных *жунов*, либо с племенем *ди*. Данные общности в письменных источниках имеют, например, следующую характеристику (даётся в переводе Д.П. Шульги): «Северные ди. Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию

и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – она конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника». Любопытные известия есть и о «жунах»: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий»[Шульга, Мерзликин, 2016].

Каждая позиция имеет свои доказательства в китайских письменных источниках. Согласно историческим сведениям, горные жуны жили к северу от Янь и представляли собой скотоводческие племена. Чаще всего жунами называли кочевников (нередко данный «этноним», как мы видим, носил весьма собирательный характер). Кочевники ни раз нападали на Западное Чжоу. Однако, в начале VII в до н.э. случилось нашествие жунов на Янь (формально, правитель царства считался вассалом вана Чжоу). Самые ранние памятники Юйхуанмяо относятся как раз к этому времени. Впрочем, некоторые исследователи считают, что могильники Юйхуанмяо относятся к периоду не ранее середины VII в до н.э. Как это часто бывает при попытках связать археологическую культуру с этносом, пока доказательств, напрямую позволяющих увязать юйхуанмяо с горными жунами, нет.

Этому не стоит удивляться. Несмотря на то, что исследования скифов Северного Причерноморья и Приазовья длится уже несколько веков, исследователям до сих пор не ясно, где конкретно обитали «скифы-пахари» или «царские скифы». Теорий существует масса, но неопровержимой привязки к группам памятников «этнонимов» Геродота мы до сих пор не имеем (если таковая вообще возможна).

И ровно также, как и в Скифии Европейской, ситуация с этнической привязкой становится куда более ясной после образования государственности в

процессе развития раннекочевоего общества (при условии внешних влияний). Не в последнюю очередь это объясняется проникновением извне письменности, древнегреческой в случае с царством Скилура, древнекитайской в случае с первым государством скифоидных номадов в Китае – царством Чжуншань (которое, конечно, постепенно китаизировалось) [Хэбэйский исследовательский..., 2005; Цао Инчунь, 2011].

Царство Чжуншань в период Чуньцю (770-403 гг. до н.э.) называли «Сяньюй Бай-ди», что можно перевести как «относящееся к племени сяньюй из белых ди». Это племя в ранний период Чуньцю проживало в княжестве Цзинь к западу от бассейна р. Хуанхэ (на северо-западе современной пров. Шэньси), затем, судя по письменным источникам, начало продвижение к востоку от гор Тайханшань. Но, археологические данные, подтверждающие это, пока не были обнаружены.

Сходства культуры Юйхуанмяо и Чжуншань ограничиваются «скифской триадой». Во-первых, в глаза бросается специфическая форма удил, во-вторых, обилие изображений тигра на металлических элементах поясной и сбруйной фурнитуры, в-третьих, достаточно близка форма бронзовой посуды (включая материалы, найденные в 1923 г. в горной долине околосела в уезде Хуньюань). Сюда же можно отнести похожий состав бронзы с заметной долей олова и свинца как в юйхуанмяо, так и в памятниках царства Чжуншань [Ян Цзяньхуа, 2004].

Таким образом, проанализировав, можно увидеть, что культура Юйхуанмяо и белые ди Чжуншаня имеют общую культурную связь, а, следовательно, могут иметь и общего предка. Более поздняя культура Чжуншань обладала более высоким культурным и социальным уровнем развития, нежели предшествовавшая ей Юйхуанмяо. Например, в культуре Чжуншань «звериный стиль», в том числе и изображения тигра, причудливо переплетаясь с китайскими мотивами, продолжали бытовать и изменяться.

Большая часть из указанных выше вопросов (хронология, соотношение родственных культур, соотношение археологических и письменных источников, политогенез у ранних номадов, внешние влияния земледельческих цивилизаций, связь археологических культур с этносами) злободневна и для исследователей скифов Северного Причерноморья и Приазовья. Думается, что исследование этно-культурных процессов ранних кочевников Евразии в целом позволит разрешить ряд исследовательских проблем.

Ссылки и примечания:

1. Чжан Цзюнь. Синьцзян Цемосянь Цзявайжикэ муди жэньгудэчжужаояньцзюцзелунь [张君。新疆且末县加瓦艾日克墓地人骨的主要研究结论 // 现代人类学国际研讨会论文集。上海: 2002年] Итоги исследования человеческих костей из могильника Цзявайжикэ в синьцзянском уезде Цемо // Сборник статей Современного антропологического

- международного конгресса (Proceedings of The International Symposium of Anthropological Studies). Шанхай, 2002. С. 61–63.
2. Чжан Цюаньчао, Ван Минхуэй, Цзинь Хайянь, Чжу Хун. Синьцзян хэцзинсянь Чаухугоукоусыхао муди чутужэньгухуасюэюаньсудэханьянфэньси [张全超, 王明辉, 金海燕, 朱泓。新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析//人类学学报2005年第4期] Анализ содержания химических элементов в человеческих костях из могильника Чауху-4 (уезд Хэцзин, Синьцзян) // Жэньлэйсюэбао (Антропологический вестник). 2005. №4. С. 328–333.
 3. Вэй Дун, Чжао Юншэн, Чан Сиэн, Чжу Хун. Хами Тяньшаньбэйлу муди чутулугудэ дэ цэлянсинчжуан [魏东, 赵永生, 常喜恩, 朱泓。哈密天山北路墓地出土颅骨的测量性状//人类学学报2012年第4期] Измерения черепов из могильника Тяньшаньбэйлу в уезде Хами // Жэньлэйсюэбао (Антропологический вестник). 2012. №4. С. 395–406.
 4. Ян Цзяньхуа. Цай лунь юйхуанмяовэньхуа [杨建华。再论玉皇庙文化//边疆考古研究2004第2辑] Дальнейшее обсуждение культуры Юйхуанмяо // Бяньцзянькаогуюньцзю (археологические исследования приграничья). 2004. Вып. 2. С. 1–13.
 5. Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.
 6. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоучэн [河北省文物研究所。河北省文物研究所] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. – Пекин: Вэньчубаньшэ, 2005. 393 с.
 7. Цао Инчунь. Фэйюэюйтунбу Чжуншаньгоцзин цзифачжань тедяньфэньси [曹迎春。《飞跃》与《同步》中山国经济发展特点分析//河北师范大学学报] Стремительный скачок и «шаг в ногу» – анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 137–140.

УДК 902/904

Е.И. Нарожный

доктор исторических наук,

НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар (Российская Федерация)

e-mail: zai_ein@mail.ru

ПАРНОЕ КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ У СЕЛ. КАМЕНКА В ДОНБАССЕ: ЕГО ДАТИРОВКА, АНАЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

Аннотация

В работе сделана попытка подборки новых аналогий вещевому инвентарю их парного кочевнического захоронения у сел. Каменка на Донбассе. Исследованное в 1976 году и опубликованное только в 1985 году как «половецкое», «конца XI-начала XII в.», погребение рассматривается вновь. Отдельные артефакты, сопровождавшие мужской скелет, представляются более поздними. Украшения и бытовые предметы, связанные со скелетом женщины – трубчатые височные в 1,5 оборота, веточки коралла, подвески из лазурита ныне известны по аналогиям XIII-XIV вв. Из кочевнических захоронений на Северном Кавказе. Там же ныне есть и близкие парные захоронения, как и близ Одессы, в Побужье и Поднестровье, связываемые с черными клобуками, вытесненными сюда из южнорусских степей монгольским вторжением. Данные аналогии вполне определяют не только новую датировку, атрибуцию и этнокультурный контекст появления интересующего нас захоронения на Донбассе.

Ключевые слова: Средневековые номады, Донбасс, Северный Кавказ, парные захоронения кочевников, черные клобуки, монгольское завоевание Поросья.

Summary

In this work made an attempt of selection of new analogues to burial inventory from paired nomadic burial near village Kamenka on Donbas. Researched in 1976 it was published in 1985 as the «polovtsian», «of end of XI-beginning of XII», this burial is considering again. The separate artifacts which accompanied the male skeleton are seems to be a more late. Decorations and domestic subjects connected with female skeleton - tubular temple in 1.5 turn, twigs of coral, pendants from lazurite, now are known by analogues of XIII-XIV centuries from nomadic burials on North Caucasus. On the North Caucasus now are known close paired burials to burials near Odessa, in Pobujie and Dniester region connected with the chjernie kloubuki, which was forced out from the southern Russians steppes to the North Caucasus within the Mongolian

invasion. These analogues quite determinate not only new date, attribution and ethnical and cultural context of appearance of interesting to us burial on Donbas.

Keywords: *Medieval nomads, Donbas, North Caucasus, paired burials of nomads, chernie kloubuki, the Mongolian conquest of Russia*

В 1985 г., в научный оборот были введены материалы раскопок кургана № 1 (исследования 1976 г.) из «зоны. строительства оросительной системы на землях колхоза «Заря» (Старобешевский р-н Донецкой области)». Курган, из-под «сел. Каменка», содержал парное кочевническое захоронение с остовом лошади на приступке [1]. Проанализировав специфику погребального обряда захоронения и сопровождающий его погребальный инвентарь, авторы публикации справедливо указали на достаточно редкий тип кочевнических захоронений, в конечном итоге предложили его датировку в пределах «половецкого времени», «концом XI - началом XII в.», но при этом они справедливо указали и на сохраняющуюся открытость проблем, связанной с генезисом и этнокультурной атрибуцией подобных парных захоронений [2]. Предложенную ими историко-культурную атрибуцию погребального комплекса, позднее разделила не только часть отечественных авторов, но и зарубежных исследователей [3], учитывавших, или же использовавших данные материалы в своих характеристиках «половецкого периода» в истории как Донбасса, так и всей Восточной Европы. Между тем ныне появились новые археологические материалы, не только позволяющие вернуться к парному кочевническому захоронению у сел. Каменка, но и высказать некоторые новые наблюдения.

Прежде всего, укажем на инвентарь из разрушенного кочевнического захоронения из-под ст. Староминской на Кубани. Представлен он височными кольцами [4] (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову [5]); вместе с фрагментами (верхние части) четырех мелких бронзовых пуговиц-бубенчиков [6] и набором лазуритовых подвесок и украшений из коралловых веточек [7]. Их сопоставление с идентичными предметами, сопровождавшими женский скелет в парном захоронении у сел. Каменка, позволяет утверждать, что в комплексе из-под ст. Староминской сохранились точно такие же височные и шейные украшения. Идентичность сравниваемых наборов, к тому же, заставляет «переносить» и на каменский комплекс чуть более позднюю датировку «половецкого» староминского набора предметов», определенную его публикаторами в пределах «XII-XIII вв.» [8], без каких-либо оговорок принятую отдельными современными исследователями. Однако и это уточнение датировки, на что мы уже обращали внимание специалистов [9], по-прежнему не учитывает наличия в сравниваемых между собой комплексах совершенно тождественных украшений из коралловых веточек, которые, например, присутствовали и в элитном, раннеджучидском захоронении курганного могильника «Джухта-2» на Ставрополье [10]. К золотоордынскому времени можно отнести и лазуритовые подвески не только из староминского, но и каменского комплексов, на что указывают другие северокавказские их аналогии – из кочевнического погребения могильника

Николаевского-II в Восточном Приазовье [11], а также в Северо-Восточном Причерноморье, где временной диапазон таких находок определяется с «XIII по XIV вв.» [22]. Ныне, лазуритовые подвески и их дериваты из золотоордынского кашина, известны и среди материалов XIII-XV вв. из высокогорной Ингушетии, куда они, бесспорно, попадали через золотоордынский «город Верхний Джулат» [23]. Эти аналогии дают некоторые основания для того что бы и оба сравниваемых нами погребальных комплекса (у сел. Каменка и у ст. Староминской), также «уводить», как минимум, в раннеджучидское время. При этом нельзя исключать и «миграционного» фактора, обусловившего относительно синхронное появление двух, удаленных друг от друга (Донбасс и Кубань) погребальных кочевнических комплексов.

На возможность отнесения к более позднему времени захоронения у сел. Каменка указывают и другие предметы из его инвентаря, сопровождавшего скелеты как мужчины, так и женщины. Среди них можно указывать на полые, из бронзы, «несомкнутые трубочки» – «серьги в полтора оборота, находившиеся по обе стороны от черепа погребенной» [24]. Помимо них, это же демонстрирует и бронзовое зеркало с крестовидным орнаментом, но без «бортика» [25]. Если сравнивать указанные предметы с аналогиями, то «трубчатые серьги» хорошо известны, например, на Северном Кавказе – среди инвентаря женского захоронения (погр. 3) в кургане №6 у ст. Новотитаровской [26]. В нем бронзовое височное украшение, отнесено к «XII - первой пол. XIII вв.». Аналогии им приведены из пока неопубликованных таких «адыгских» погребальных комплексов, как Убинский могильник и «Бжид-1» [27] и из «касожского» могильника «Кедровая роща» под г. Геленджиком [28]. К этому же отрезку времени были отнесены и точно такие же украшения из захоронения кочевницы-«половчанки» [29]. В то же время тождественные украшения из кочевнического захоронения «половецкого времени» курганного могильника «Пластуновский-54», которые были датированы более реально – «XIII-XIV вв.» [30.]. На наш взгляд к золотоордынскому времени относятся и другие находки аналогичных украшений, изготовлявшиеся не только из бронзы, но и серебра, и из золота, из других археологических памятников Северного Кавказа [31]. Эта точка зрения вполне согласуется и с наблюдениями других исследователей, которые подобные височные украшения, вне зависимости от того были ли они свернуты в одно несомкнутое кольцо, или же «в один с четвертью оборот», аналоги имеют в погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья «XIII - XIV вв.» [32].

Что касается находки зеркала в парном погребении (женский скелет) у сел. Каменка, то и оно показательно. Зеркала, как известно, не только характеризуют характер ремесленного производства, но используются и как показатели развития внешней и внутренней торговли [33], а также и в системе погребальной обрядности [34] и пр. Нередко они используются и как маркер в относительной датировке. Опираясь на аналогии интересующего нас типа зеркал, их можно привести, например, из женского погребения Цемдолинского курганно-

грунтового могильника под г. Новороссийском, а также, из «адыго-причерноморских памятников X-XII вв.» и «половецких «X-XIII вв.» [35], хотя такая датировка для зеркал данного типа представляется несколько заниженной. В.А. Косиков и В.К. Гриб справедливо ссылаются на Г.А. Федорова-Давыдова такие же зеркала включившего в тип Е II [36]. Еще один экземпляр происходит с Болгарского городищ; отнесен к типу ЕI – с крестовидным орнаментом и утолщением по краю (как и у зеркал, учтенных Г.А. Федоровым-Давыдовым), датировано «XI-XII вв.» [37], хотя на рисунке, судя по разрезу зеркала, оно такое же как и зеркало из каменского захоронения. Однако указанные аналогии отличаются от каменского зеркала наличием на них утолщения-«бортика» вдоль края диска. На зеркале в каменском захоронении, у зеркала бортик отсутствует, что позволяет, например, дополнить типологию Г.А. Федорова-Давыдова, отнеся зеркало к новому типу – ЕIII, образцы которых сегодня известны и в материалах эпохи Золотой Орды. Среди них – находка зеркала интересующего нас типа (по типологии их публикаторов – тип Д I) с территории золотоордынского Укека; обнаружено в «богатом женском погребении, интерпретированном как монгольское XIV в.» [38]. Указанные аналогии, как представляется, позволяют интересующее нас парное захоронение из-под сел. Каменка на Донбассе, относить, все-таки, к золотоордынской эпохе [39].

Вслед за авторами публикации парного захоронения у сел. Каменка остается соглашаться в том, что опубликованное ими захоронение, достаточно редко встречающееся, хотя к настоящему времени, их известно несколько, в т.ч., например, на территории Северного Кавказа. Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев указывают, к сожалению, на пока неопубликованное парное захоронение, сопровождавшееся и скелетом лошади в одном из курганов могильника «Кедровая роща» под г. Гелегджиком [41]. В одном ряду с ним, вероятно, стоят и другие, немного более поздние, уже утратившие обязательность сопровождения парных захоронений скелетом лошади. Это парное захоронение из «межкурганного пространства» на территории Цемдолинского курганный-грунтового могильника под Новороссийском [42]. Заманчиво таким же, парным грунтовым погребением считать и захоронения «№№ 1 и 2 кургана 42 площадки 68» Убинского курганного могильника в Краснодарском крае [43], два погребения (№105 и №111) на территории грунтового могильника поселения «Железнодорожное-2» [44]; к ним, вероятно, следует отнести и разрушенное захоронение с территории Северо-Западного Прикаспия [45]. Любопытно, что подобные, парные кочевнические захоронения ныне хорошо известны и на других территориях, например, на Одессчине, в Побужье и Поднестровье, где их распространение рассматривают как результат смещения местных кочевников с пришлыми черными клобуками, вытесненными сюда из Поросья монгольским завоеванием туда [46]. Однако нельзя исключать и того, что подобные парные захоронения, сопровождаемых и скелетом лошади – не только одно из свидетельств миграций черных клобуков, но и один из маркеров такого перемещения наряду с распространением, например, на Северном Кавказе и

такого типа погребального обряда, как Б XIII [47], наряду с распространением здесь и типичных женских украшений типов IV и V [48]. Украшения эти, в условиях Северо-Восточного Причерноморья – условиях процесса этнокультурных смешений, получили свое дальнейшее развитие, в рамках которого полая бусина таких украшений становится ассиметричной. Судя по их находкам, ареал их распространения охватывает территорию, примерно, от Геленджика до г. Крымска [49], однако отдельные их образцы известны и на значительном удалении от указанного ареала, вплоть до болгарского Тырново [50]. Указанные материалы, в совокупности с другими, позволяют рассматривать их в едином историческом контексте, связанном с отрезком времени, последовавшем после подчинения черных клобуков в южнорусских степях монгольским завоевателям. Специфика ситуации, вероятно, вынудила значительную часть черных клобуков к далеким перемещениям. По-всей вероятности, уже в нач. 260-х гг., ведомые Ногаем [51], отправленного на Северный Кавказ, под Дербент, черные клобуки, вместе с половцами и др., подчиненными ему войсками, переместились в новые регионы и, вероятно, не только под Дербент, но и в Северо-Восточное Причерноморье. Здесь, скорее всего, черные клобуки не только используются Золотой Ордой в ее попытках завладеть т.н. «дорогой Запада», со стороны Абхазии контролировавшейся закавказскими союзниками и вассалами Ильханов [52]. Районы, прилегающие к округам современных городов Геленджик-Новороссийск, где наиболее сконцентрированы ныне известные не только «следы» нахождения здесь черных клобуков, но и примеры их интеграции в местную этнокультурную среду [53]. Потомки черных клобуков, смешавшихся с представителями иных тюркоязычных кочевого населения Северо-Восточного Причерноморья, со временем мигрируют в Западное и Нижнее Закубанье, где в зоне их кочевий возникает целая серия крупных сельских поселений открытого типа [54]. Несмотря на разный характер восприятия данной «схемы» (реконструкции) северокавказского этапа истории черных клобуков [55], рассмотренный выше погребальный комплекс из сел. Каменка на Донбассе – еще один «промежуточный» черноклобуцкой, оставлены на маршруте переселения этих кочевых групп из Поросья на Северный Кавказ.

Ссылки и примечания:

1. Косиков В.А., Гриб В.К. Парное кочевническое из кургана у села Каменка в Донецкой области // СА. 1985. № 2. С.257–261.
2. Там же
3. Gołębiowska-Tobiasz A. Precious and decorative stones and other raw minerals in Polovtsian burial inventories (11th – beginning of 13th century) // Rossica AnItQua. 2014. №1. S.33-34.
4. Анфимов Т.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического захоронения у станицы Староминская //

- МИА Кубани. Вып. 2 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2002, С. 146, рис.1, 1-2.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. С. 38, рис. 6, тип IV.
 6. Анфимов Т.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу ... С. 147, рис. 1,3-6
 7. Там же. С. 146, рис. 1, 7-20
 8. Там же. С. 147
 9. Нарожный Е.И. Половцы или черные клобуки? (По поводу полемических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа – Вып.2 /Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ, 2003. С. 222–233.
 10. Доде З.В. Костюм кочевников Золотой Орды из могильника «Джухта-2» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа – Вып. II: Археология, антропология, палеоэкология / Под ред. А.Б. Белинского. М.: «Памятники исторической мысли», 2001. С. 133, рис.2, 10–11.
 11. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / Под ред. М. В. Горелика. Армавир-М., 2011. С. 54, 149-150, рис. 17. С такой датировкой лазуритовых украшений из этого же захоронения не согласен д.и.н. К.А. Руденко (г. Казань). Указывая на «захоронение курганного могильника Николаевский II (см.: [12])», автор пишет, что в его инвентаре «были и украшения из лазурита», из-а которых это погребение «вряд ли может быть датировано золотоордынским временем и, судя по инвентарю, относится к XII – первой трети XIII в.» [13] Признавая такую возможность, особенно в контексте того, что значительная часть опубликованных в книге погребений, включая и то, о котором идет речь, мы связываем с миграциями из Поросья. Различные «привнесения» оттуда, вполне могут являться несколько ранними. Тем не менее, датируя процесс миграции временем, не раньше 1260-х гг. [14]. Такие же украшения из лазурита, ныне известны и в Северо-Восточном Причерноморье [15], как впрочем и гораздо восточнее [16], на что также уже обращалось внимание [17]. К тому же, в захоронении наряду с лазуритовыми подвесками были, хотя и фрагментированные височные подвески типа IV (с биконической гладкой бусиной [18] тип которых по Г.А. Федорову-Давыдову – золотоордынского времени. В том же захоронении была и две тонкие пластины от головного убора [19], тождественные таким же пластинам – т.н. «рога» из нескольких кочевнических погребений Прикубанья [20]. При различной их датировке, наиболее поздние погребения с такими предметами датированы XIII-XIV вв. [21]. В совокупности – это позволило отнести погребение, вместе с его инвентарем к золотоордынскому времени.
 12. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые ... С. 54, С. 149-150, рис. 17.

13. Руденко К.А. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соёнова. // Горно-Алтайск: ГАГУ. 2014. №7 (19). С. 229.
14. Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе: о времени и условиях перемещения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С.138–150.
15. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. / Серия: Археология. М.: Наука, 2003. С. 134, табл.48,21.
16. Нарожный Е.И. О северокавказских находках подражаний украшениям раннесредневековой Белой Вежи // Сб. РИО – Т.4 (152): От Тмутароканя до Тамани // Науч. ред. и сот. В.А. Захаров, отв. ред. И.А. Настенко. М.: «Русская панорама», 2002. С. 99–104.
17. Нарожный Е.И. Половцы ... С. 216–217.
18. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники ... С. 54, рис. 17, 4–5, 14. С. 131, рис.55,1.
19. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники ... С. 54, рис. 17.
20. Там же. С.114, рис. 64, 5–12.
21. Голубев Л.Э. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // МИА Кубани. Вып.4 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. 2004. С. 249–253.
22. Нарожный Е.И. О северокавказских находках ... С. 99–104.
23. Там же.
24. Косиков В.А., Гриб В.К. Парное ... С. 261–262, 261, рис. 4, 9
25. Там же. С. 262, 261, рис. 4, 23
26. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Вып.1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев – Армавир-М., 1995. С.155, рис.1,3
27. Там же, с. 155–156.
28. Признателен автору раскопок курганов данного могильника - А В. Шишлову за любезно предоставленную информацию.
29. Зеленский Ю.В., Цокур И.В. Погребение половчанки из Прикубанья // МИА Кубани Вып.3 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 209 –212
30. Голубев Л.Э. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // МИА Кубани. Вып.4 / Под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 249–253, рис. 1,4. При такой датировке интересующего нас погребального комплекса, трудно согласиться с Л.Э. Голубевым в том, что оно – «половецкое время», как указано в заглавии его статьи.
31. Маркоин В.И. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // ИАА Вып.2 /Под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир-М. 1996. С. 190, рис.11, 11–12; Жилина Е.В., Нарожный Е.И. О датировке половецких погребальных памятников Северного Кавказа // МИА Северного

- Кавказа. Вып. 4 / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ, 2004. С. 355–357.
32. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир-М., 1997. С. 106, «второй тип».
 33. Валеев Р.М. Металлические зеркала как предмет внешней и внутренней торговли в Золотой Орде // Вестник Челябинского государственного университета. № 37 (175). История. Вып. 36. 2009. С. 47–53.
 34. Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды // Поволжская археология. Казань. № 4 (22). 2017. С. 297–309.
 35. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый ... С. 104, рис.13, 11, с. 107.
 36. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. С.79, рис. 13, тип Е II, с. 81.
 37. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. Золотая Орда: Археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дешт-и-Кипчак – №1–2(12-13). 2004. С. 136, рис.1, 19- Е
 38. Недашковский Л., Ракушкин А. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. Казань. №1(2). 1998. С. 37-38, 51, рис.3,12; Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 58, рис.11,12.
 39. Среди погребального инвентаря, сопровождавшего погребение женщины в парном захоронении у сел. Каменка были и фрагментированные несомкнутые височные кольца [40]– от украшений с несохранившимися на них дутыми биконическими бусинами из металла (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову).
 40. Косиков В.А., Гриб В.К. Парное ... С. 261, рис. 4, 10-11.
 41. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник М. -СПБ: «Нестор-история», 2014. 132 с.
 42. Там же. С. 13
 43. Хачатурова Е.А., К истории исследования Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы научной конференции (9 июня 2011 г., г. Краснодар). Краснодар, 2012. С. 97 рис.4, 1.
 44. Нарожный Е.И. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I-го международного нахского научного конгресса (11–12 сентября 2018 г). Грозный: АН ЧР, 2018. С. 718.
 45. Нарожный Е.И. Черные клобуки ... С. 138–150.
 46. Добролюбский А.О. Черные клобуки в Побужье и Поднестровье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып.1 / Отв. ред. Г.Н. Тоцев. Запорожье: ЗГУ, 1990. С. 153– 159; Корецкий А.В. Позднекочевнические погребения на

- могильнике у сел. Глинное // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 178–185.
47. Нарожный Е.И. Черные клобуки ... С. 139-150; Нарожный Е.И. Половцы ... С. 212-223; Нарожный Е.И. Об «этнокультурных ... С. 718 37. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники ... С. 153.
48. Нарожный Е.И. Половцы ... С. 212-223; Армарчук Е.А. Половецкие серьги // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой. (МИА Поволжья. Вып. 3.) / Отв. ред. И.Л. Кызласов. Москва-Йошкар-Ола: Изд-во МариГУ, 2006. С. 207–216.
49. Нарожный Е.И. Половцы ... С. 217; Армарчук Е.А. Половецкие ... С. 210, с. 214, рис.1, 4; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский ... С. 44.
50. Владимирова Г. Археологические находки от западната пристройка на църквата «Св. Четиредесет мъченици» в Търново. Волжкобългарски аристократ, кумански войн, или златоордински посланник е погребан в гроб 47? // Приноси към българската археология. Т. VII. 145 години Българска академия на науките (1869–2014). Сборник памяти профессор Рашо Рашев (1943–2008 гг.). София, 2013. С. 141, обр.5.
51. Нарожный Е.И. Черные клобуки ... С. 138–150.
52. Нарожный Е.И. Основные торгово-стратегические коммуникации в северокавказских пределах Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация – Вып. 10. Казань, 2017. С. 219–223.
53. Нарожный Е.И. Половцы ... С. 22–233; Нарожный Е.И. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII–XV вв.). // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей: «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток «Дальнаука», 2017. С. 208–215; Нарожный Е.И. Об «этнокультурных» ... С. 713–715 м сл.
54. Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдилова – Казань-Ялта-Кишинев: Stratum, 2016. С. 221–224; Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле и Белокурихе Сборник научных статей. Т.2 / Отв. ред.: акад. РАН А.П. Деревянко; д.и.н., проф. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С.283–287.
55. В литературе уже высказывались точки зрения И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского, высказавших версию о возможном перемещении черных клобуков к Дербенту лишь в качестве «ограниченного воинского контингента» [56] . С этим вариантом трактовки событий соглашаться сложно, т.к. на Северном

Кавказе есть находки женских украшений черноклобуцкого круга, в т.ч. и с явными признаками их местного эволюционного развития и модернизации. На этом фоне речь можно вести о массовом характере предполагаемой миграции, в рамках т.н. процесса «освоения новых территорий» [57]. Есть и иные возражения, например, связывающие указанные украшения с половцами [58], с чем соглашаться сложно [59]. Опубликованы и точки зрения, прямо сомневающиеся в реальности таких процессов [60]. Не вдаваясь в детали этой точки зрения, сошлюсь на мнение д.и.н, проф.. В.А. Иванова (г. Уфа), статистически обработавшего северокавказские черноклобуцкие захоронения в одной выборке с позднекочевническими захоронения других регионов. В результате, как подчеркнул исследователь: «хорошо согласуются с концепцией», повторенной в коллективной монографии И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе и Е.И. Нарожного [61] - версия «о переселении кочевников ... южнорусского пограничья – черных клобуков на Северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» [62]. Эту точку зрения усиливают и новые погребальные комплексы, указанные нами выше.

56. Анфимов Т.Н., Зеленский Ю.В. К вопросу ... С. 146
57. Нарожный Е.И. Черные клобуки ... С. 138–150; Нарожный Е.И. Половцы ... С. 222–233; Нарожный Е.И. Кочевники ... С. 208–215 и др.
58. Армарчук Е.А. Половецкие серьги ... С. 207–216
59. Нарожный Е.И. Об «этнокультурных» ... С. 718
60. Блохин В.Г., Петров П.А. Средневековые комплексы с височными подвескам из Волгоградского Поволжья // РА, 2013. №3. С. 37–50; Блохин В.Г. Несколько этюдов об этнокультурной идентификации золотоордынских погребальных памятников Нижней Волги // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС, 2014. № 1. ... С. 77–80.
61. Дружинин И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники ... указ. раб.
62. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. С. 61.

УДК 93/94+908+81

Р.Ф. Набиев

доктор исторических наук,

КЮИ МВД РФ

e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

ДРЕВНИЕ СЕВЕРЫ-СЕВЕРЯНЕ – КТО ОНИ?

Аннотация

В статье предпринимается попытка выяснить, каким языком пользовались древние северяне, для чего автор привлекает сведения разных отраслей знаний и наук. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что за длительный период исторического развития сабары/северы использовали разные языки, из которых уверенно можно говорить об угорском, тюркском и славянском периодах. Не исключено, что тунгусо-маньчжурский субстратная ономастика, выявляемая на территории всех анклавов суваров/северов также использовался ими.

Ключевые слова: *Сабар, сувар, север, этноним, топоним, гидроним*

Summary

The author of the article is trying to find out what language the ancient norths used, for which the author draws on information from various branches of knowledge and science. As a result of the study, the author comes to the conclusion that over a long period of historical development, Sabara / North used different languages. We can confidently speak about the Ugrian, Turkic and Slavic periods.

Keywords: *Sabar, Suvar, North, ethnonym, toponym, hydronym, written sources*

В этой статье автор хотел бы поделиться некоторыми своими размышлениями в отношении этничности и особенностей языка северов/суваров¹, сделанные на основе обобщения и анализа разнородных источников. Следует оговориться, что академик М.З. Закиев полагает, что все отмеченные в статье этнонимы типы *сувар, сабыр/сыбыр, север* и т.п. являются вариантами одного термина. Автор разделяет эту позицию.

¹ Автор специально оговаривается: в компаративистике признаком научности служит латинская транскрипция приводимых терминов. Однако в виду того, что статья предназначена для учёных разных специальностей, автору видится целесообразным применение кириллицы.

Особенностью методики автора является учёт тунгусо-маньчжурской культуры, которая некогда господствовала в Северной Евразии и до сих пор надёжно выявляется среди субстратных гидронимов.

Разумеется, не каждому учёному доступно сопоставительное сравнение маньчжурского, венгерского и тюркских языков с иранскими или славянскими, однако, в силу специфики региона, предложенные нами версии должны вызвать интерес у широкого круга читателей.

Северы начинают упоминаться в источниках очень рано – ещё в античный период, однако, создается впечатление, что значительный объём информации по их истории намеренно обходится учёными. Северов/суваров упоминают источники Рима и Китая, им платили дань Византия и Иран. Наиболее раннее упоминание о них (*сапир*) можно встретить у Геродота, персы указывали *субарда*, *субар-ки*, некогда вытесненных из долины реки Нижний Заб (приток Тигра).

Это от них в разных регионах Евразии остались названия типа *Сувар*, *Шабир*, *Сибир*, *Север* и пр. Самое восточное упоминание этого народа встречается в легендах барабинских татар, один из корней которых легенда связывает с *сыбырами* [2], которые «ушли в Казахстан» и, как след этой миграции, можно расценивать процветающий некогда город *Сауран* на Сыр-Дарье. Где то (у г. Отрара) страну *Сувар* отмечал Ибн-Фадлан и «Огуз-намэ». Среди тобольских татар было распространено предание, что до них территорию по Среднему и Нижнему Иртышу занимал народ сывыр или сибыр¹. На Западе северяне как этническая группа, упоминалась в составе дунайских болгар и Валахии (банат *Северина*) [3].

Плиний С. В своё время писал: *Сабария/Савария* – колония Клавдия на Дунае (Истр), предположительно – в Паннонии. Противопоставляется варварам: карнам, япидам, ретиям и даже норикам [4].

В русской истории северов/северян/севрюков традиционно считают славянами и относят к русской истории. Наверное, с рубежа XVI-XVII веков это так и было, но обращаясь к источникам, исследователь обязательно выйдет на некогда могущественный народ, оказывавший существенное влияние на большую часть государств и народов Евразии. Даже в IX веке они ещё отмечались как значимая держава. К примеру, «Географ Баварский» так описывал их: «...*Шеббировсы* (имеют 90 городов)...» [1].

На северо-западе самый отдалённый пункт *Сувар* был обнаружен нами в Белоруссии вблизи с группой алтайских гидронимов (*Ула*, *Бирула*). На западной Двине – *Сувари*. Они приобретают особую значимость в сочетании с самоидентификацией белорусов – *сябры*.

На юге – кроме древнего *Сувара* в Дагестане, южнее упоминался ещё и *Шабран*. *Шабран* и *Ширван* расположены относительно недалеко от провинции

¹ Информатор - В.П. Чернецов.

Утик сабаров, принявших христианство и вскоре армянизированных, а также с местами ранней локализации сабиров в долине реки Заб. В Армении в раннем средневековье (около IX в.) их называли *севордик*, причём некоторое время так называли и хазар. В Афганистане – *Шабирган/Шиберган* (город Шибер). Как видно, держава, созданная ими, временами была огромна. Гунны-сувары назывались огромным и бесчисленным, и какое-то время были господствующим народом в Северной Евразии. Конец их господству был положен объединением булгар и авар и созданием Аварского каганата, в войсках которого они упоминались впоследствии византийцами как значительная сила.

По всей видимости, именно аварский каганат навсегда разделил суварско-савиирские анклавы, разбросав их по окраинам державы. Не исключено, что отдельные группы савиров вошли в состав других народов. Так, например, имеются сведения о том, что грузинские сваны называли осетин их *савиар*.

Волжский соперник Булгара – город Сувар (со своими войсками и сферой влияния) имел предшественником Сувар дагестанский¹. Но последним регионом, в котором сувары/северы отмечались в качестве самостоятельной силы это было черниговское княжество и Северская земля, простиравшаяся от Северского Донца до Брянщины (а возможно, и далее – на северо-запад). Эта территория содержит целый ряд топонимов и гидронимов, которые не переводятся с тюркских, славянских и угорских языков, а также ряд топонимов, прямо указывающих на суварское прошлое (Савур-могила).

Для донецкого региона поволжский Сувар интересен тем, что оттуда в регион концентрации северов/суваров переходит значительная часть добулгарского населения т.н. «именьковской» археологической культуры. Их совершенно безосновательно относят, то к славянам, то балтам, и лишь в Татарстане и на Северщине некоторые учёные помнят о *суварах/северах/севрюках*. Тем интереснее мнение археологов, отмечавших возможную миграцию именковцев в доно-днепровский регион и формирование на базе «Роменской» новой т.н. «Волынцевской» культуры.

По нашему мнению, попытки славянизировать эти культуры основаны преимущественно на неадекватной трактовке археологических и письменных источников, а также политизированностью подхода. При этом практически единственный источник, который мог бы подсказать характер основного языка этих культур и северов не используется многочисленными сторонниками «славянской» или «балтской» версии. Это – субстратная топонимика, а ещё точнее – гидронимия, которая более устойчива по отношению к последующим культурам.

¹ Напр.: «При халифе Джафаре Мансуре (754-775) благоустроили Сувар, Митаи, Кемах, Семнан, которую ныне называют Черки» [5].

Что примечательно, часть старых топонимов не имеет надёжного перевода с современных языков. В Татарстане давно обратили внимание на сходство ряда топонимов и гидронимов в этих регионах. В том числе особо значимые для нашей темы – схожие в Волго-уральском регионе и Северщине. Например: *Кинель – Хинель, Самара/Самара; Миус-Миас, Волга-Волга, Меша – Меша*.

При этом автор, в отличие от большинства учёных, способен выделять среди субстратных гидронимов и топонимов некоторые тюркские и маньчжурские термины, поэтому имеется возможность выделить неопределённые названия, которые могут относиться к суварам. К примеру, гидронимы типа *Волга/Олга/Ольха/Ольховатка* мы относим типично тюркским архаизмам, происходящим от стандартного *елга/олга* – ‘река’.

Иранских типа *-руд* или *-дарья* в регионе не сохранилось. Характерными маньчжурскими гидронимами являются названия, содержащие форманты *бира/вера, ула/яла, моке/можжа/мёша/мозе...*

В то же время имеется возможность некоторыми русскими гидронимами видеть переводными народную этимологию предыдущего тюркоязычного населения. К таковым мы относим многочисленные речки и ручьи типа *Волчья, Змеиная, Медвежья...* Как, например, могли назвать Медведицей реку, на которой не было медведей со времен обледенения? Учитывая смену русскоязычным населением предшествующего тюркского, наиболее вероятным представляется, что «медведица» – это перевод с татарского некоего гидронима типа *Аюлы*. Таковых множество в северной Евразии (*Ула/Вилия/Или*). На маньчжурских это слово означает ‘река’. Это типичное семантическое содержание большинства гидронимов. Примечательно, что схожие гидронимы присутствуют и в Северщине. Это *-рр. Сухая и Мокрая Яли* (+ с. *Улаклы*), ур. *Яловицина* в Черниговщине и т.п. [20].

Ещё более интересны «змеиные» реки, в их основе должны быть гидронимы типа *елань/жилан* (таких гидронимов также великое множество), но более всех выдаёт тунгусо-маньчжурский субстрат «волчьи» реки и ручьи. Тоже странный гидроним: а) это нетипичное название среди других народов, б) такое название не может быть характерной чертой (где в Евразии нет волков?). Автор этой статьи предполагает, что в основе гидронима мог лежать типичный для северной Евразии гидроним *Бирула/бурулы/веря /буря*, который тюрки стандартно переводят как ‘волчий’. На самом деле этот типичный гидроним тунгусо-маньчжурского происхождения и он широко распространен от Тихого океана до Белоруссии. В узнаваемом виде они встречаются и в северском регионе (*Берестовица, Бречь, Вир, Боромля, Братеница, Ворскла, Ворожба и др.*).

Проблемой для учёных, соприкасающихся с проблематикой сабаров\северов, является их язык. К какой группе и семье языков его относить? Как определять этническую принадлежность? В рамках русской исторической традиции их принято считать славянами (в современном

значении этого слова). Но обращение к документам не позволяет принять эту версию уже хотя бы потому, что их никто славянами не называл (также как и они сами себя).

Исследования северских городков позволяют учёным сделать вывод о том, что в период относительной самостоятельности они находились в орбите болгарской культуры.

В технологии строительства крепостей А.В. Григорьев видит следы влияния ближайших юго-восточных соседей северян – носителей салтово-маяцкой культуры (аланы и болгары, входившие в состав Хазарского каганата). Оружие характерное для русских княжеств (наконечники стрел) появляется с конца X века [6].

В описаниях казаков, севрюки отмечались и как их составная часть и как отдельная общность. Если обратить внимание на более ранние источники, то можно обратить внимание на обособленность «северян» среди русских княжеств. Так, например, в битве при Листвене в 1024 г. по её итогам князь Мстислав глядя на поле усеянное трупами северов и вражеского войска, удовлетворённо отмечал: *"Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела"* [7]. То есть, в XII в. северяне были этнически чужды русским князьям. Раскопки некоторых северских городов (Капыстичи) свидетельствуют о том, что они были уничтожены русами. Да и позже севрюки нередко отмечались обособленно от русских и славян.

В этом отношении не выглядит удивительным, что «свои» же подвели Михаила Черниговского под монгольскую казнь, что единственным окончательно упразднённым было северское Черниговское княжество.

Так, например, Петр Петрей в XVII веке писал: *«Северия — большое и плодородное княжество и всегда имело своих князей и царствующих государей. Но великий князь Василий Иванович взял всех его князей в плен, а крепости покорил Москве»*[8]. Действия северских городов, похожие на скоординированное выступление можно отследить по сообщениям «Смутного времени».

С сожалением следует отметить, что последующие «зачистки» населения со стороны региональных держав того времени [9], а также переселение их территорий новым населением привели севрюков к полной утрате национальных особенностей и ассимиляции. В силу чего совершенно бессмысленно отрицать их славянство примерно с XVI-XVII вв. Но для более ранних времен имеется противоречивая информация, не позволяющая делать однозначный вывод, не смотря на то, что вопрос о языке сабиров/северов является наиболее интересным для учёных нескольких регионов.

Даже при поверхностном знакомстве с письменными источниками, содержащиеся в них сведения не позволяют делать однозначный вывод об этнической принадлежности суваров/северов. Фактический материал группируется в рамках нескольких версий.

Гуннская версия. Некоторые источники связывают между собой этнонимы (?) гунны и савиры. Так, Феофан Византиец под 508 г. отмечает: «В сем году гунны, называемые савирами... Гуннов, называемых сивирами...». Надо сказать, что со времен гегемонии гуннов существует некоторая неясность в определении господствующего у них языка. Не смотря на то, что языком гуннов считается тюркский, прямыми потомками гуннов считаются и венгры, которые называли свою страну не только *Magyarország*, но и *Hungary* – гунны. Иногда даже славян называли гуннами. Таким образом, упоминания о гуннах-сабарах практически ничего на не дают в деле определения их языка.

К наиболее ранним упоминаниям, позволяющим делать приблизительные выводы об этничности сабаров/северов можно отнести сведения письменных источников об их связях с уграми.

Казалось бы, естественный вывод об угорской природе суваров, первоначально кажется сомнительным (учитывая древние упоминания в Центральной Азии (но они имеются, несмотря на отношение к ним тех или иных учёных).

Версия угорская. Лев Николаевич Гумилев предполагал, что к середине II в. н.э. сабиры обитали в лесостепной зоне Западной Сибири и, вслед за П. Хайду, относил их к «угро-самодийской группе» [10].

Константин Порфирогенет писал: первоначально турки (Н.Р. - венгры) проживали близ Хазарии на р. Хингул и назывались *савартами-асфалами* [12]. Он же отмечал, что кавары (Н.Р. - савары?) ушли от хазар и в земле пачинакитов (Н.Р. - печенегов) обучили турков (венгров) языку хазар [13]. Не вносит ясности и тот факт, что род с таким названием *кангар/кунгур* отмечался у многих алтайских народов, в т.ч. и у печенегов. Но может быть «странные» сведения некоторых авторов станут более понятными, если учесть, что бытовая речь (части?) венгров Закарпатья – тюркская. Как, впрочем, и топонимика.

Среди опубликованных списков русских летописей привлекает к себе внимание оригинальными сведениями «Никофоровская летопись». Не совсем четкие предложения летописи о северах, нам кажется, следует трактовать следующим образом: < роды *север(ы)*, *лонь*, *мордва*, *мурома* происходят от болгар («*сих же роды*») > [14]. Таким образом, летописец перечислял северов (не ясно, правда, каких) в ряду финно-угорских народов, но, при этом выводил их из болгарской общности.

Сипир. Слово «сипир» порой считался синонимом имени манси-вогулов. Исходя из подобной информации, ряд исследователей и учёных считает, что в древности савирами или сабирами называлось угорское население Западной Сибири, само название которой восходит к их имени [15]. То есть предположение некоторых учёных о том, что савирами назывались финно-угорские племена юга Сибири [16] имеет достаточно веские основания.

Таким образом, более оправданной выглядит позиция тех учёных, которые считали возможным оценивать северов как угров, подвергшихся

тюркизации [17]. Наверное, эта точка зрения ближе к истине, учитывая регулярно отмечавшуюся полиэтничность крупных степных образований.

Отдельный язык. Некоторые источники отмечают своеобразие языка северов. Так, например, С. Герберштейн и А. Гваньини в работе «Описание европейской Сарматии» указывал, что «*провинция Сибирь при реке Каме, между областями Пермью и Вяткой... ее жители пользуются собственным языком*» [18].

Версия хазарская. С языком хазар полной определённости нет, но большинство учётных полагает, что это был тюркский язык. В армянских источниках Алп-Илитвер известен как князь савир и хазарский хахан... Имеются указания на то, что сабары владели языком хазар. Вне всякого сомнения остается тот факт, что за века правления хазары должны были оказать мощнейшее влияние на соседние языки. Некоторые свидетельства позволяют сделать вывод о своеобразии языка хазар, но несколько достоверно известных хазарских слов являются типично тюркскими. Арабский историк ал-Масуди (X в.) в «Золотых лугах» называет хазар «*тюркскими савирами*».

Именно о тюркском языке суваров/сабиров чаще всего прямо указывали компетентные современники. Так, Махмуд Кашгарский описывал диалектные особенности тюркского языка у огузов, кыпчаков, йябгу, жителей Аргу и кочевников от Суварин до Баджнук: «...в наречиях ... *суварин* — до Рус» ... заменяют начальный «м» на «б». Например, вместо *ман*, говорят *бан*. Он же называет особенностью одежды суварских купцов разновидность хлопчатой ткани [19].

М.И. Артамонов обратил внимание на то, что в Новом списке «Географии» Моисея Хоренского они отмечаются вместе в гуннами, а царь их, — говорится, — называется *каган*, а жена кагана — *хатун*. Это тюркизмы. К тому же и неславянская субстратная топонимика Северской земли — преимущественно тюркская, с включением ряда гидронимов и топонимов маньчжурского типа. Даже находясь в составе Московской державы они называли себя с тюркским уменьшительным суффиксом *-юк*.

Таким образом, мы полагаем, что динамика трансформации языковой культуры суваров/савиров на территории европейской части северной Евразии могла развиваться в несколько этапов.

Более того, учитывая, что в этом союзе состояло несколько народов, может быть правильнее говорить не об одном, а о нескольких и основном языке сабаров? Как, например, под этнонимом *татар* в период т.н. «Золотой Орды» европейцы или индийцы понимали всё население огромной державы и тюрков; позднее, в Московской державе — все восточные народы и тюрков, в конечном итоге — преимущественно потомков болгар и суваров.

Кроме того, мы должны учитывать, что в течение тысячелетий в разных уголках Евразии анклавы этого народа должны были приобрести, как минимум, диалектные отличия в языке. Так народы болгаро/болгарской общности, осознавая единство культурно-государственного происхождения, тем не менее,

в наше время говорят на языках, относящихся к разным языковым семьям и группам.

Объяснение разнообразия языкового (культурного) развития может заключаться ещё в одной особенности этнонима. В некоторых языках (караимск.) этноним переводится, как ‘пастух, скотник, всадник’; *сабэри* (манч.) – ‘разбросанный, несчастный, редкий’. Также назывались и некоторые степи на территории современного Узбекистана. Знакомство с историческими источниками позволяет предположить, что значение ‘всадники, кочевники, степняки’ могло быть первоначальным. Особенно, если упоминание о *саварт-асфал* этимологизировать с осетинского (*æfsæ* – ‘лошадь’). В таком случае будут вполне прозрачными косвенные указания источников на «равенство» или близость суваров с разноразличными степными этносами и объединениями: гуннами, булгарами, хазарами, кипчаками, казаками, а затем и русскими. Вполне возможно, что на одном из ранних этапов этим термином попросту обозначался союз степных кочевых народов.

Таким образом, исходя из имеющихся источников, автор статьи не может однозначно заявить об определённой этничности сабаров/суваров/северов. Основываясь на существующей базе данных, было бы опрометчиво однозначно утверждать, что сувары/северы пользовались исключительно тем или иным языком.

По всей видимости, в период гегемонии в их державе функционировало несколько языков. Кроме того, по мере своего разделения, разные анклавы сабаров/северов развивались в различных языковых средах и утратили языковое единство. В ономастике Северщины обнаруживаются следы угров, иранцев и тюрков. Языковым субстратом, который пока не учитывается в социальной антропологии европейской части Евразии и этногенезе сабаров/суваров/северов являются диалекты тунгусо-маньчжурских языков, проявляющие близость к классическому маньчжурскому языку.

Ссылки и примечания:

1. Галкина Е. С. Тайны русского каганата. М.: Вече, 2002. С. 46-51.
2. Миненко Н.А. История Новосибирской области с древнейших времён до конца XIX в. Новосибирск, 1975. С.18-19; Легенда народе “сыбыры”. URL: http://www.vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/ M.Asien/ XVI/1560-1580/ Folklor_sib_tatar/ text.htm (дата обращения: 12.01.2019).
3. Три древнейших славяно-валашских грамоты. URL: http://vostlit.info/Texts/ Dokumenty/Rumanien/XIV/1360-1380/Slav_valas_gramoty/frametext.htm (дата обращения: 12.01.2019).
4. Свод древнейших сведений о славянах / под ред. Л.А. Гиндина. М., 1994. Т.1. С. 23, 27.
5. Дагестанские исторические сочинения / А.Р.Шихсаидов Т.М. Айтберов, Г.М. Оразаев. М.: Востлит, 1993. С.38.

6. Зорин А.В. Русы и северяне: из истории военного противостояния. URL: <http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation/> (дата обращения: 20.01.2019).
7. Лаврентьевская летопись. Ленинград, 1926-1928. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148, 149.
8. Петрей П. История о Великом Княжестве Московском. С. 181. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 21.01.2008)
9. Зорин А.В. Северяне и русы. URL: http://www.xlegio.ru/armies/zorin/russ_war.htm (дата обращения: 20.01.2019).
10. Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojuden und die jennisischen Völkern // Acta Orientalia. (Budapest). 1953. Т.3. S. 88-89, 99; Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн.1. - М. : АСТ, 2002. Кн.1. С. 324.
11. Артамонов М.И. История хазар. СПб: Филол. ф-т СПбГУ. 2002. С. 93, 99.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл.38. О родословной народа турок и о том, откуда они происходят. С. 163. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml (дата обращения: 20.01.2019);
13. Багрянородный К. Об управлении государством // Из глубины столетий. Казань, 1999. С. 96. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 39. О народе каваров. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text39.phtml?id=6398 (дата обращения: 20.01.2019).
14. Никифоровская летопись. ПСРЛ. Т. 27. С. 141.
15. Данкир О. Хазарус. URL: <https://www.proza.ru/2018/03/01/1162> (дата обращения: 12.12.2018).
16. Новосельцев А.П. Хазарский каганат. М.: Ломоносов, 2017. – 272 с.
17. Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. С. 93, 99.
18. Гваньини А. Описание европейской Сарматии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/otryv2.phtml?id=3419> (дата обращения: 7.12.2018).
19. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер. и комм. З.-А. М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 71, 110, 507, 514.
20. Шекун О.В. До вивчення стародавніх водних шляхів Чернігівської землі. URL: http://archeology.narod.ru/BOOK/book_8.htm (дата обращения: 12.12.2018).

УДК 94(477.7)«9»

Е. Н. Шумилов

кандидат исторических наук,

г. Пермь РФ

e-mail: kinshum@yandex.ru

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ В ДОНБАССЕ ТОРКОВ

Аннотация: в статье рассматривается проблема появления на территории Донбасса кочевников торков. На основании письменных источников и данных археологии автор пришел к выводу, что они появились здесь после ухода в середине X в. оседлого населения, относившегося к лесостепному варианту Салтово-Маяцкой культуры.

Ключевые слова: Северский Донец, торки, Хазарский каганат, козары.

Summary: In the article deals with the problem of the appearance of nomads torks in the territory of Donbass. On the basis of written sources and archaeological data, the author came to the conclusion, they came here after leaving in the middle of the X century the settled population that belongs to forest-steppe variant of the Saltovo-Mayaki culture.

Keywords: Seversky Donets, torki, Khazar Kaganate, kozare.

В научных кругах распространено мнение, проникшее и в Википедию, согласно которому, торки пришли в Приазовье из Приаралья в XI в., но будучи малочисленными, не могли удержать новые владения, и вынуждены были покинуть их при приходе половцев. Основные кочевья торков, по данным археологов, располагались на территории Донбасса в бассейне реки Казенный Торец. Немногочисленные погребения торков выявлены у села Торское в Краснолиманском районе и города Ясиноватая. Во многом они схожи с печенежскими погребениями. Поэтому можно предположить, что торки, скорее всего, были частью «тюркских» печенегов, о которых упоминают восточные источники [1].

Торки, как и печенеги, вели полукочевой образ жизни, совершая ежегодные миграции в Приазовье с севера на юг, где вступали в контакт с проживавшими там болгарами, известными также как черные болгары. Несомненно, между ними существовала борьба за выпасные угодья. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в 985 г. торки приняли участие в совместном походе киевского князя Владимира на болгар и козар. Из «Повести временных лет» известно, что русское войско двигалось по воде, а торки сопровождали их на

конях берегом [2]. Водным путем, несомненно, являлся Северский Донец, так как именно он стал после похода 985 г. главным путем русов в Азовское море. Торки присоединились к русскому войску тогда, когда оно проходило по их территории. Болгары были побеждены [3]. Примечательно, что болгары через несколько лет участвовали в походе Владимира на Корсунь [4]. А это значит, что Владимиру вновь пришлось по Северскому Донцу и нижнему Дону, как более безопасному водному пути, в отличие от Днепра, где имелись опасные пороги и в любой момент могли напасть печенеги.

Когда же торки обосновались в Донбассе? На это дают косвенный ответ данные археологии. В середине X в., жившее в среднем течении Северского Донца оседлое население лесостепного варианта Салтово-Маяцкой культуры, внезапно покидает насиженные места [5]. Примечательно, что в это же время исчезает славянское население Боршевской культуры среднего течения Дона. Его уход выглядит не как катастрофа, а скорее как организованное переселение, так как боршевская керамика затем появляется на Нижнем Доне в районе Саркела и на Таманском полуострове [6].

Что же произошло тогда на Северском Донце и Дону – территории, ранее входившей в состав Хазарского каганата? В 30-е гг. X в. Хазарский каганат переживал не лучшие свои времена. Все завоевания, достигнутые хазарами ранее, в середине VIII в., в результате экспансии на запад и север, были потеряны. Северо-западная граница каганата стала проходить по среднему течению реки Дон близ летней резиденции хазарских каганов Саркела и Хамлиджа, в котором осуществлялся сбор налога с русских купцов. В конце IX в. печенеги окончательно отделили эти земли от хазар, проникнув вглубь хазарской территории [7]. К тому же обрела самостоятельность Волжская Булгария [8].

Казалось, что Хазария уже обречена. Если бы не появление на рубеже 930 – 940-х гг. талантливого полководца Песаха [9]. Важную роль сыграла и позиция иудизированной верхушки хазарского общества, которая обладала способностью искусно маневрировать в сложных условиях внешней и внутренней политики того времени, и использовать чужой потенциал в своих интересах. С утратой Волжской Булгарии, сделавшей в 920-е гг. ставку на ислам, хазары вынуждены были смириться, тем более что внутри страны они опирались на воинов-мусульман. Используя их, хазары могли поставить перед собой далеко идущую задачу: силой оружия вернуть утраченные ранее земли. В достижении этой цели немаловажное значение имел религиозный аспект: мусульман можно было использовать в борьбе с христианами и язычниками. В 930-е гг. у хазар появился для этого повод – притеснение иудеев в Византии. Свою провокационную роль в отношении Хазарии сыграли и крымские власти, организовав нападение русов на город Самкерц, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший хазарам [10].

В 930-е гг. византийский император Роман I предпринял гонения на евреев в Италии и других регионах страны. По сообщению арабского автора Аль-Масуди, часть византийских евреев нашла убежище в Хазарии [11]. Из сохранившегося

хазарского источника (написанного очевидцем событий, высокопоставленным хазарским евреем, находившемся в Константинополе) известно, что хазарский царь ответил на это преследованием христиан, а затем около 939 г. произошло вооруженное столкновение, которое началось с нападения русского князя Хельгу на Самкерц (Тмутаракань). Хазарский военачальник Песах ответными действиями разорил византийские владения в Крыму и осадил Херсон. Однако этим он не ограничился, а в ходе многомесячных военных действий победил Хельгу [12]. Хазарская дань была распространена на всю обширную территорию, включавшую земли вятичей, радимичей и большей части северян [13]. Тогда как ближайшие соседи Хазарии – представители Салтово-Маяцкой и Боршевской культур – как уже выше было сказано, покинули свои земли.

Куда было угнано или бежало местное население среднего течения Северского Донца пока неизвестно. Но показательно, что автор «Повести временных лет» упоминает козар, которые жили X в., как на Руси, так и в Крыму. Не исключено, что именно с крымским козарами имел дело в 985 г. киевский князь Владимир. Козарами они могли именоваться потому, что некогда входили в состав полиэтнического Хазарского каганата. Современные археологи считают салтовцев среднего течения реки Северский Донец мусульманами, указывая на их погребальный обряд, близкий к мусульманскому [14]. Но это были очень странные мусульмане, которые разводили свиней и занимались виноделием [15]. Возможно, что данные салтовцы являлись не мусульманами, а несторианами. Отсюда в Святогорье столько характерные для несториан пещерные храмы. На опустевших землях салтовцев после 940-х гг. и поселились торки.

Ссылки и примечания:

1. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. IV. С. 3 – 32.
2. Повесть временных лет (ПВЛ) // Библиотека Древней Руси. СПб. 1997. Т. 1. С. 133.
3. Шумилов Е.Н. Поход князя Владимира Святославича на «черных болгар» и новый водный путь киевлян в Крым // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XXII (VII). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения». Севастополь, 2017. С. 166 – 168.
4. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 110.
5. Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Киев – Харьков, 2004. Т. 3. С. 242 – 276.
6. Артамонов М.И. «Белая Вежа» – из истории русских поселений на Дону в X в. // Советская археология. 1952. № 16. С. 69 – 72.
7. Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 3 – 32.
8. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 67 – 68.
9. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 117 – 120

10. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 117 – 120
11. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X – XI веков. М., 1963. С. 193.
12. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 117 – 120
13. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 79.
14. Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7. С. 113 – 140.
15. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 62 – 74.

УДК 94 (367) : 929.5 «11/12»

С.Н. Абуков

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: legusha@list.ru

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА РОЖДЕНИЯ ОТ РАЗНЫХ МАТЕРЕЙ НА КНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ X-НАЧАЛО XI ВВ.)

Аннотация

Статья посвящена изучению такого фактора в межкняжеских отношениях Рюриковичей, как борьба между сыновьями, рожденными от разных матерей. Данная тема не получила комплексного исследования в научной литературе.

Ключевые слова: *Рюриковичи, Русь, сын, мать, князь, конфликт.*

Summary

The article is devoted to the study of such a factor in the inter-princely relations of the Rurikids, as the struggle between sons born to different mothers. This topic has not received a comprehensive study in the scientific literature.

Keywords: Rurikids, Rus', son, mother, prince, conflict.

Внутридинастические браки древнерусских князей представляют особый интерес для исследователя, так как открывают широкую панораму княжеских отношений Рюриковичей в их тесной связи с политикой, властью и владениями. Много нерешенных проблем существует также в связи с генеалогией правящей

династии Руси. В вопросе изучения внутридинастических браков Рюриковичей есть много аспектов, связанных, как с общим характером их заключения (брачный возраст и разрешенные степени родства, княжеская демография, брачная церемония, значение родства по женской линии и т.д.), так и со случаями заключения конкретных семейных альянсов.

Одним из них, емко обозначенным В.А. Кучкиным, является отношения между сыновьями князей, рожденных от разных матерей. Как отметил ученый, данная тема «плохо изучена в историографии» [1]. Отметим, что в антагонизме между детьми от разных браков Рюриковичи не были исключением, так как подобные конфликты и борьбу между их сторонниками мы видим во многих династиях Европы и Азии в период Средних веков. К сожалению, применительно к Руси, в отдельных случаях мы сталкиваемся с неполнотой источников и в некоторых вынуждены предполагать подобные ситуации, чем знать их наверняка. Отдельные браки древнерусских князей остаются контroversийными, как и дети, рожденные от них. Это общая проблема, основанная на андроцентричности летописей, где часто не только не указывается происхождение жены князя, но даже ее имя.

К сожалению, у нас есть только смутные представления о некоторых членах правящей династии Рюриковичей, отраженных в договоре с греками 944 [2]. Об отношениях между ними мы не знаем ничего, а сами эти боковые линии, возможно, не случайно оказались вне внимания летописца [3]. Попробуем рассмотреть на примерах двух поколений: сыновей Святослава Игоревича и Владимира Святославича в X-XI вв. Первый пример относится еще к языческому периоду – это война за Киев сыновей Святослава Игоревича в конце 70-х гг. X в.: Ярополка и Владимира. Кто был матерью Ярополка Святославича, мы не знаем, так как едва можем доверять известию Татищева, учитывая отнюдь не венгерское имя жены [4]. Что касается матери Владимира Малуши, то, ее низкий статус четко обозначен в период неудачного сватовства новгородского князя к полоцкой княжне Рогнеде. Неудивительно, что происхождение Малуши экстраполировалось на ее сына «робочича» [5]. Историки предприняли несколько попыток иначе объяснить нежелание полоцкой княжны «разуть» Владимира, но трудно представить данное слово в этническом, а не в социальном аспекте [6], либо видеть в этом намек на язычество новгородского князя [7]. Как и нелегко видеть в Малуше одно лицо с Малфридой, умершей в 1000 г. [8, 9]. Последнее имя явно скандинавское [10]. Оно диссонирует со славянскими именами семьи Малуши. К тому же не ясно, почему не указано, что Малфрида – мать Владимира Святославича, а летописец, сообщив о ней в ранний период, утратил к ней дальнейший интерес. Популярная до сих пор версия о матери Владимира как дочери древлянского князя Мала, перебравшегося в Любеч, является только догадкой, основанной на сходстве имен [11]. Никаких связей с древлянами у Владимира Святославича не наблюдается [12]. Не исключено, что помимо статуса ущербность Владимира объяснялась скандинавскими представлениями о законности наследования детьми от таких союзов [13]. Впрочем, предполагают,

Малуша могла быть одной из «главнейших служанок» матери Святослава [14]. Возможно, большее значение имело не столько происхождение дочери Малка Любечанина, о котором трудно сказать что-то определенное (хотя само его упоминание многое о нем говорит, как и высокое место при Владимире в Новгороде дяди Добрыни), сколько ее подчиненное положение при Ольге. Похоже, что она проигрывала матери Ярополка (дело, видимо, никак не связано с браком или его отсутствием в языческий период на Руси), что и дало повод для оскорбления ее Рогнедой. Для нашей темы важен факт того, что положение матери отразилось на статусе сына в его борьбе за власть.

Как видно, слова Рогнеды привели к еще большему обострению конфликта, по крайней мере, в противостоянии между Владимиром и Добрыней с одной стороны и Рогволодом и его семьей с другой. Не исключено, что и в окружении Ярополка будировалась тема происхождения Малуши. По крайней мере, отголоски неуважительного отношения к матери Владимира не могли попасть в летописи от сторонников крестителя Руси. В связи с этим обращает на себя внимание и факт жестокой и коварной расправы Владимира над Ярополком, как перед этим с семьей Рогволода [15]. В то же время, историки отмечают, что Ярополк неохотно начал войну с родным братом Олегом Древлянским, оплакивая затем его гибель в междоусобице [16].

И в следующем поколении уже сыновей Владимира Святославича мы видим очередной конфликт. В какой-то мере, оставив большое потомство от разных женщин, при неустойчивости принципа наследования, киевский князь заложил основы для борьбы за власть между наследниками. Значение имело не только старшинство Владимировичей, но и происхождение их матерей. Любопытна мысль, что через статус жен Владимир Святославич в свое время укреплял свое политическое господство [17]. Возможно, по этой причине Владимир отдавал предпочтение младшему Борису и хотел передать ему Киев после своей смерти [18]. Согласно «Повести временных лет», княжич был рожден от болгарыни [19]. Впрочем, часть историков хотела бы видеть матерью Бориса византийскую царевну Анну [20, 21, 22]. Но для этого мало оснований, кроме неких намеков и иносказаний о царственном происхождении [23]. Тогда, выходит, что Борис и Глеб были старше житийного возраста.

Впрочем, нетрудно заметить, что борьба, а также братоубийство Святополка Окаянного в 1015 г. летописцы пытались объяснить не столько разными матерями сыновей, сколько рождением Святополка от другого отца – Ярополка [24]. Действительно, в представлении автора летописи, вложившего позднее в уста Ярослава Мудрого слова о том, что потенциальная вражда между его сыновьями не должна иметь место, так как все они рождены от одной матери, не более, чем попытка объяснить борьбу в поколении Владимировичей, рожденных от разных матерей [25]. Такую наивную попытку понять причины вражды князей можно только исходя из восприятия реалий времени, когда соперничество между сыновьями от разных матерей было очевидным фактом. Кровавая борьба между Владимировичами, стоившая Святославу, Борису и Глебу жизни, Святополку

безвестной смерти, а Судиславу заточения проходила между сыновьями о разных матерей. Только сила Мстислава, младшего брата Ярослава, рожденного от «чехини», заставила сына Рогнеды считаться с ним, и произвести с братом раздел владений по Днепру в 1026 г. [26, 27]. Впрочем, неприкрытый в дальнейшем антагонизм между потомками Ярослава и Изяслава Владимировичей бросает тень на происхождение первого также от полоцкой княжны. Учитывая фальсификацию возраста киевского князя, который был явно моложе летописных лет, и такой вариант нельзя исключить [28]. Более того, некоторые исследователи предполагают, что Ярослав мог быть и бастардом, как его отец Владимир [29].

Таким образом, несмотря на скудость и запутанность сведений о матерях сыновей Святослава Игоревича и Владимира Святославича, следует отметить, что уже в ранний период существования династии Рюриковичей отмечены случаи конфликта между сыновьями киевских князей от разных матерей. Данный фактор не был определяющим в борьбе за власть, но усиливал антагонизм между наследниками, а статус матери князя отражался на ее сыне. Подобное отношение между сыновьями было понятно современникам, а примеры подобных конфликтов среди Рюриковичей мы сможем увидеть в XII-XV вв.

Ссылки и примечания:

1. Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. С. 74.
2. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. 2001. Т. 1. М.: Языки славянской культуры. С. 46.
3. Рукавишников А.В. Проблема «непризнания родства» в раннесредневековых хрониках и Повесть временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии : Тез. докл. / XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 17-19 апр. 2002 г. ; [Редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. М.: ИВИ, 2002. С. 202-203.
4. Татищев В.Н. История Российская. Т.1. М.-Л.: Наука, 1962. С. 372.
5. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... С. 75-76.
6. Мачинский Д. А. Вновь открытые источники по истории Руси в IX-XII вв. // Ладога - первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти А. Мачинской, Старая Ладога, 21-23 дек. 2002 г.: сборник статей. СПб., 2003. С. 197-200.
7. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-пресс, 2004. С. 167-169.
8. Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.: Кучково поле Академический проект, 2001. С. 269-270.
9. Петров А.В. Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. (Паліоросія. Альманах. Вып. 3). СПб., 2015. С. 11-12.

10. Пчелов Е.В. Скандинавская элита Руси в IX-X вв: генеалогия и антропонимия // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск 5. М.: Старая Басманная, 2019. С. 12-13.
11. Прозоровский Д. И. О родстве святого Владимира по матери // Записки Императорской академии наук. Т. 5. Спб.: Типография императорской Академии Наук, 1864. С. 21.
12. Карпов А. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 15.
13. Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков: Майдан, 2017. С. 314.
14. Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с греками // Русь в IX-XII вв. Общество, государство, культура. Москва, Вологда: Древности севера, 2014. С. 20.
15. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... С. 76, 78.
16. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... С. 81-82,
17. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Казус с Рогнедой: Сватовство Владимира в свете дохристианской правовой традиции Скандинавии / Отв. ред. Г.В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 103.
18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Мысль. 1988. С. 195.
19. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 67.
20. Грушевский М.С. Історія України-Русі: в 11 т. [редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін.]. Т. 1. Київ : Наукова думка, 1991. С. 532.
21. Никитенко Н.Н. София Киевская и ее создатели. Тайны истории. К-Подольский: Медобори-2006, 2014. С. 106-107.
22. Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник, вып. 6 (16), Спб., 1997. Электронный ресурс: режим доступа: http://annales.info/rus/novgorod/feofana.htm#_ftn15
23. Абрамович Д.И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы. Петроград: Типография императорской Академии Наук, 1916. С. 136.
24. ПСРЛ. Ипатьевская летопись... С. 66.
25. Там же. С. 161.
26. Шахматов А.А. Разыскания.... С. 103-105.
27. ПСРЛ. Ипатьевская летопись... С. 134-137.
28. Рохлин Д. Г. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава Мудрого // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.: АН СССР, 1940. Т. 7. С. 46-57.
29. Никитенко Н.Н. София Киевская... С. 215.

УДК 947

А.Н. Поляков

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» РФ

e-mail: polyakov150@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОХОДА КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ПОЛОВЦЕВ В 1185 Г.

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы историко-географического изучения похода Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Сложности в изучении похода, по мнению автора, создают отсутствие надёжных географических примет, спорные календарные рамки похода и разночтения в источниках.

Ключевые слова: поход, половцы, маршрут, календарь

Summary

The article deals with the main problems of historical and geographical study of the campaign of Novgorod-Seversky Prince Igor Svyatoslavich on Polovtsy in 1185. Difficulties in the study of the campaign, according to the author, create a lack of reliable geographical features, controversial calendar framework of the campaign and discrepancies in the sources.

Keywords: campaign, Polovtsy, route, calendar

Междуречье Днепра и Дона, в районе среднего течения Северского Донца, в древнерусскую эпоху было занято половцами. Здесь имели свои кочевья донские и приднепровские орды. В 1185 году в этом районе произошли известные события, нашедшие отражение в русских летописях и в «Слове о полку Игореве». Где-то в этих местах потерпел поражение от половцев новгород-северский князь Игорь Святославич, прославленный безымянным древнерусским поэтом.

Проблема маршрута похода князя Игоря на половцев в 1185 году занимает исследователей со времени первого издания «Слова о полку Игореве». Первым попытался привязать к местности описанные в летописях и «Слове о полку Игореве» события Н. М. Карамзин. Он пришёл к выводу, что «Каяла» «Слова» - это правый приток Дона - Кагальник. По его мнению, Игорь совершил поход в те же места, что и Владимир Мономах [1]. Со временем сложились три основные версии маршрута: донецкая (правобережная и левобережная), днепровская и донская (восходящая к Карамзину). Первой придерживались К. В. Кудряшов, В. Г. Фёдоров, М. Ф. Гетманец (правобережная версия), М. Т. Гойгел-Сокол,

Г. Е. Пядышев (левобережная) и другие. В пользу левобережной версии похода высказывался в ряде работ и я. Второй вариант предпочитал А. В. Лонгинов и Б. А. Рыбаков. Третий - Н. М. Карамзин, В. А. Афанасьев, В. М. Глухов.

К. В. Кудряшов доказывал, что все события произошли в бассейне Северского Донца, в районе впадения в него рек Оскола, Берека, Сухого и Кривого Торца [2]. Каялой в разное время он считал реку Кальмиус (1937 г.), Макатиху, расположенную на юго-востоке от Изюмской переправы (1946 г.), Каменку, протекающую к югу от переправы. В. Г. Фёдоров пришёл к заключению, что «Каяла» - это река Кривель, протекающая к западу от Северского Донца, вблизи слияния Орели с Орелькой. «Каяла», по его мнению, не географическое название реки, а символическое (от слова «каять»), означающее «окаянная река» [3]. Оригинальный подход к проблеме предложил М. Ф. Гетманец, который не только изучил все имеющиеся источники, но и проверил свои выводы на практике. В 1986 году он организовал переход конной группы от Новгорода-Северского до г. Изюма (место предполагаемой Сальницы), позволивший проверить гипотезу. М. Ф. Гетманец защищает точку зрения, согласно которой Сальница - небольшая речка, левый приток Северского Донца напротив большого кургана (гора Кременец), Сюурлий - р. Голая Долина, а Каяла - Макатиха, приток р. Голая Долина (версия предложенная краеведом Н. В. Сибилёвым и поддержанная К. В. Кудряшовым в 1946 году) [4].

М. Т. Гойгел-Сокол и Г. Е. Пядышев ищут место битвы до переправы в районе Изюма, на левом берегу Донца [5, 6]. Они обратили внимание, что «ни в "Слове", ни в летописях не содержится упоминаний о том, что войска Игоря и Всеволода, следуя от Оскола, где-то переправлялись через "Дон" (так Пядышев называет участок Донца от впадения в него р. Уды до устья)» [6].

Б. А. Рыбаков переносит и поход, и место решающей битвы ближе к Днепру. Перевод событий из Донецко-Донского в Днепровский бассейн опирается на указания «Слова» о «безводном поле», которое упоминается в «Плаче Ярославны», и на обращение Ярославны к Днепру. «Сказать так Ярославна, находившаяся на берегу Сейма (приток Десны, впадающий в Днепр) могла только в том случае, если система притоков Славутича прямо связывала Путивль с Каялой» - пишет Б. А. Рыбаков [7]. Место расположения рек «Сюурлий» и «Каялы» он находит просто, очерчивая на карте дугу радиусом в 40–80 км, начиная от Сальницы, которую он помещает, как и многие другие исследователи, в районе современного г. Изюма. Это то расстояние, считает Б. А. Рыбаков, которое конное войско могло пройти за полдня и короткую майскую ночь. Сюурлий для него река Гнилуша - «много быков». Течёт она с небольшого безводного плато и является притоком Самары, которая, в свою очередь, впадает в Днепр. Каялой Б. А. Рыбаков считает пятнадцатикилометровый овраг «Скелеватый», что переводится им как «каменистый», а по-тюркски, считает он, должно было звучать как «Каяла» [8].

Большое разнообразие версий связано с отсутствием надёжных ориентиров. Основной источник, предоставляющий информацию о маршруте похода, -

Ипатьевская летопись - не позволяет решить эту проблему однозначно. Географические приметы, отмеченные летописцем - Донец, Сальница, Сюурлий, Каялы - не имеют общепризнанного толкования. На исследователей оказывает влияние и «Слово о полку Игореве», завораживая своим высоким поэтическим стилем, яркими образами и сильными эмоциями. «Слово» заставляет искать место битвы где-то у Дона, потому что именно на реке быстрой Каяле у Дона Великого «падоша стязи Игоревы». Кроме «Слова», Дон упоминается в рассказе о походе Лаврентьевской летописи. Однако здесь он указан не в качестве места битвы или участка маршрута, а как объект необузданных желаний Ольговичей. Ипатьевская летопись, рассказывая о походе, Дон не упоминает вообще.

Главной проблемой для исследователей является определение расположения рек Сальница, Сюурлий и Каялы, которые могли бы помочь установить маршрут конечного этапа похода и место гибели Игоревы войска. Однако ни одна из этих рек не сохранила своё название. Правда, Сальница упоминается в Книге Большому чертежу и летописном рассказе о походе Владимира Мономаха на половцев в 1111 году, но этот факт не столько решает, сколько усугубляет проблему. Дело в том, что в Книге Большому чертежу Сальница описывается как правый приток Северского Донца в районе Изюма, а в летописи она находится где-то у Дона. Разнотчение в источниках вызывает у исследователей споры относительно места её нахождения и, как следствие, полемику по поводу древнерусского названия Северского Донца и расположения половецких городов, разорённых Владимиром Мономахом. Где находились Сюурлий и Каялы, независимо от проблемы «Сальницы», выяснить не представляется возможным. Сведения о реках оставляют немалый простор для самых разных версий маршрута похода, больше возбуждая у исследователей игру воображения, нежели давая им какие-либо твёрдые основания.

Установление пути движения Игоря связано и с проблемой календаря похода. Достоверность любой версии проверяется календарными сроками, затраченными на предполагаемый путь. Отправной точкой в расчётах служит указание Ипатьевской летописи о выходе Игоря из Новгорода-Северского 23 апреля, во вторник. Эта дата принимается очень многими современными исследователями. Она стоит в самом раннем Ипатьевском списке летописи, который датируется XV веком. В Хлебниковском, Ермолаевском и Погодинском списках Ипатьевской летописи стоит другая дата - 13 апреля. «Вторника» в указанных списках нет. Это и понятно, ведь 13 апреля не вторник, а суббота. Поскольку в них нет и «субботы», эта версия обычно не принимается как равноценная. Конец битвы во всех списках летописи назван неопределенно - «воскресенье». Некоторые исследователи (Б. А. Рыбаков, Б. И. Яценко, Б. Зотов) принимают сообщение В. Н. Татищева о том, что Игорь потерпел поражение во «вторую неделю [воскресенье] пасхи». «Татищевский текст, - пишет Б. А. Рыбаков, - исключает допущение о производстве таких расчётов самим Татищевым, так как, судя по языку, представляет собой перевод летописного текста с сохранением форм XII в.» [9]. Отмечая это, Б. А. Рыбаков утверждает, что

«второе воскресенье после Пасхи - 12 мая 1185 года». Как получилась эта дата, непонятно. «Пасха» в 1185 году приходилась на 21 апреля. Второе воскресенье Пасхи, согласно церковному календарю - антипасха, следующее воскресенье после неё - 28 апреля. На это указывал ещё В. Капнист: «Г-н Татищев уверяет, что если несчастное сражение кончилось во вторую неделю Пасхи, считавшиеся в 1185 г. 21 апреля... то вторая неделя была 28 числа...» [10]. Некоторые исследователи (Ваденюк, Шарлемань, Зотов) думали, что это 5 мая. Так получается, если вычислять дату как обычно по неделям: первое воскресенье - 28 апреля, второе - 5 мая, а 12 мая - уже третье. С Рыбаковым можно согласиться только в том, что В. Н. Татищев вряд ли высчитывал дату самостоятельно. Если бы он попытался это сделать, то у него получилась бы не «вторая неделя Пасхи», а сама «Пасха», поскольку в его варианте начало похода приходится на 13 число, а весь поход укладывается в одну неделю. В. Н. Татищев даже не заметил противоречия, когда указал, что затмение солнца произошло 1 мая [11]. Не мог же Игорь начать поход 13 апреля, 1 мая переправиться через Донец, а 28 апреля потерпеть поражение. Если признать указание Татищева на вторую неделю пасхи достоверной, восходящей к недошедшему до нас источнику, возникает дилемма: какую дату - начала похода (23 апреля) или окончания похода (28 апреля) - ставить в основу расчёта календаря. Совместить их невозможно. Противоречие можно разрешить только отказавшись от одной из них. Однако, какая дата правильная, понять крайне сложно.

Некоторые детали и факты, раскрывающие ход сражения, также требуют учёта. Игнорирование их неизбежно влияет на степень достоверности предлагаемых исследователями гипотез (и маршрута, и календаря). Как известно, в летописных рассказах о походе имеются существенные разночтения. Без выяснения того, в какой из летописей события излагаются ближе к правде (каким словам летописцев доверять можно, а каким нет), маршрут похода восстановить невозможно.

В Ипатьевской летописи весь поход укладывается в шесть дней - с 23 по 28 апреля. На это обратил внимание А. Г. Кузьмин [12]. Летописец называет только одну точную дату - 23 апреля, вторник - день выхода князя из Новгорода-Северского. После этого он перечисляет только дни недели, а затмение на Донце обозначает ещё более неопределенно - временем суток. В результате рассказ воспринимается следующим образом: князь Игорь, выехав из Новгорода 23 апреля, добрался до Донца «в годь вечерний», т.е. к вечеру того же дня. Затем он два дня ждал Всеволода (24 и 25 апреля, среду и четверг). С четверга на пятницу они встретили посланных вперёд разведчиков (сторожей). А утром следующего дня - в пятницу (26 апреля), захватили половецкие вежи. Ночь новгород-северские полки провели в степи, а затем началась вторая битва, продолжавшаяся два дня - субботу и воскресенье (27 и 28 апреля). В этой связи стоит вспомнить, как в ловушку, выстроенную летописцем, угодил известный советский историк М. Д. Присёлков. «Названия по дням, - рассуждал он, - даны, несомненно, для опровержения той версии событий, которая отразилась в летописце Владимира

Глебовича [Лаврентьевской летописи]» [13]. Наблюдая за текстом, исследователь обнаружил в нём противоречия: «Летописец говорит, что 1 мая (в среду) Игорь переехал Донец, затем вышел к Осколу «жда два дни брата своего Всеволода», т.е. ждал четверг и пятницу (2 и 3 мая). Соединившись, два брата (в пятницу) пошли к реке Сальнице, где узнали о близости половецких сил, и «чересь ночь заоутра же пятыкоу наставшоу во обеднее веремья» встретились с половецкими полками. Как же может быть, - удивлялся М. Д. Присёлков, - что после Пятницы и «чересь ночь» была опять же Пятница» [13]. Исследователь допустил сразу два просчёта в своих рассуждениях. Во-первых, он считал дни от 1 мая, а этой даты нет в Ипатьевской летописи, во-вторых, он не учёл, что за словом «приида» («и то рекъ перебрете Донецъ и тако приида ко Осколу» [14]) в зависимости от варианта маршрута, могут скрываться 2–3 дня. М. Ф. Гетманец называет даже большую цифру - 4 дня [15]. По Присёлкову же получается, что Игорь прибыл к Осколу в тот же день, в среду. Понять его не сложно, ведь он не занимался расчетом дней, а следовал тексту летописи. Это лишний раз подтверждает правоту слов А. Г. Кузьмина - поход действительно воспринимается как продолжающийся всего одну неделю. Привнесение даты солнечного затмения (1 мая), взятой из других летописей, полностью разрушает это впечатление и влечёт за собой непреодолимые противоречия. Растягивание похода до 5 или 12 мая является чисто логическим умозаключением, опирающимся на выстроенные исследователями маршруты похода, что никак не может служить доказательством их правильности.

В Лаврентьевском варианте похода все шесть дней полки Игоря проводят в степи (три дня стояния на вежах после первого сражения и три дня перестрелки во время второго сражения), а маршрут похода не описывается вообще. Здесь указывается, что после первого поражения «остатокъ бьеныхъ» половцев направился к соплеменникам сообщить о своей «погибели». Половецкие ханы пустили вперёд стрелков, которые должны были задержать полки Игоря до прибытия основных сил: «... и сняшася с ними стрелци и бишася 3 дни стрелци а копы ся не снимали а дружины ожидаючи а к воде не дадуче имъ ити...» [16]. Из текста следует, что стрелки, обнаружив русские полки, вступили с ними в перестрелку, а русичи пытались пробиться к воде. Далее становится ясно, что в эти три дня входит и окончательная схватка, которая началась с момента, когда русские воины достигли воды: «... и поступиша мало к воде по 3 дни бо не пустили бяху ихъ к воде. Видевше ратнии устремишася на нь и притиснуша и к воде и бишася с ними крепко и быс сеча зла велми...» [16]. Немаловажно и то, что между двумя событиями - приходом стрелков и подступом русских воинов к воде - в рассказе находятся сведения о прибытии основных сил половцев. Сразу, после указания на то, что «к воде не дадуче имъ ити» [16], следует: «... и приспе к ним дружина вся многое множество...» [16], т.е. получается, что после появления «всех половцев» перестрелка не прекратилась, а русские полки не оставили надежды пробиться к воде. И ещё один момент необходимо отметить - спешивание Игоревых воинов приходится по Лаврентьевской летописи на промежуток от

прихода основных половецких сил до подступа к воде, при этом автор указывает причину: «... изнемогли бо ся бяху безводьем...» [16], что вполне объясняет решение Игоря.

В Ипатьевской летописи те же события описываются по-другому. Первая битва длится один день (всё завершаются к вечеру), а вторая начинается уже утром следующего дня и длится двое суток. Сведения о бегстве половецкого «остатка бьеных» отсутствуют. Вместо этого Игорь произносит речь, в которой предлагает ночью уйти с места боя, ссылаясь на то, что скоро здесь будут все половцы. Утром в субботу половецкие полки действительно начинают выступать «акъ борове», появившись неизвестно откуда. Однако с этого момента, несмотря на общие расхождения, оба летописца рассказывают о битве почти в одних выражениях. В Ипатьевской летописи: «быс бо ихъ бещисленое множество» [14]. В Лаврентьевской: «и приспе к ним дружина вся многое множество» [16]. В Ипатьевской: «изоумешася князи Роуский» [14]. В Лаврентьевской: «наши же видевше ихъ оужасошася» [16]. Как и в Лаврентьевской, в Ипатьевской летописи, русичи через некоторое время после этого спешиваются и пытаются пробиться к реке Донец. Однако, объяснение этому другое - Игорь не захотел бросить «черных людей». По Ипатьевской летописи, битва продолжалась всю субботу, ночь и воскресенье. Важно отметить, что перед тем, как сказать о поражении, летописец написал: «Всеволодъ же толма бившеся яко и оружья роукоу его не доста и бяхоу бо ся идоуще в кроугъ при езере» [14]. Выходит, и по ипатьевскому рассказу русские полки дошли до воды, и не все, а только отряд Всеволода, и бились так, что «оружья в руках не доставало». Как и по лаврентьевскому: «и бишася с ними крепко и быс сеча зла велми» [16]. Следовательно, начиная с появления основных половецких сил, структура боя описывается в обеих летописях одинаково: прибытие «всех половцев» - изумление русских князей - спешивание - движение к реке - подступ к воде части войска - поражение. Автор ипатьевского рассказа опустил лишь один день второй битвы, который, по Лаврентьевской летописи, был затрачен на перестрелку с подоспевшими половецкими стрелками. Это выглядит странно. Принципиального значения - два или три дня продолжалась решающая битва - не имеет. Скорее всего, перед летописцем стояла задача удалить самое опасное обвинение в трёхдневном стоянии на вежах после первой битвы, выдвигаемое Игорю автором лаврентьевской версии. Вероятно, убирая эти три дня, он и переместил первую битву на пятницу, которая на самом деле, была началом второго сражения. Чтобы хоть как-то сгладить впечатление, ему пришлось оставить речь Игоря, которую он, произнёс действительно в ночь с пятницы на субботу, но в иной обстановке - после дня перестрелки с противником. В этом случае становится понятным, откуда Игорю было известно о «множестве половцев» и опасности оказаться в окружении. С появлением стрелков об этом не трудно было догадаться. Три дня стояния на вежах и день перестрелки, исчезнув из рассказа, всё спутали. Летописцу, убравшему эти дни, девать половецкое войско было некуда. Ничего не придумав, он оставил всё как было, представив дело так, будто Игорь произнёс

речь почти сразу после взятия веж, и получил сказочную картину внезапного появления «всех» половцев в субботу и завидную прозорливость новгород-северского князя (он почему-то знал, что на следующий день появятся превосходящие силы половцев). Сокращение текста привело и к другим недоразумениям. Опустив первый день второй битвы, неожиданно для себя летописец передвинул в начало битвы и спешивание. Чтобы решить этот вопрос, он придумал сцену с «черными людьми», которых исследователи очень часто стараются не замечать, представляя войско Игоря исключительно конным (будь «чёрные люди» конными, то зачем было спешиваться?).

Если рассматривать текст рассказа Ипатьевской летописи как пристрастное редактирование источника, то можно обнаружить и следы «ножниц». В месте, где летописец рассказал о возвращении молодых князей из погони, т.е. там, где по логике вещей должно было быть описание трёх дней стояния на вежах, стоит уточняющая фраза: «и яко собрашася Половци вси и речь Игорьь...» [14]. Получается, Игорь произносит речь сразу после прибытия молодых князей, и в то же время, как бы и не сразу, а после некоторого времени, затраченного половцами на сбор. Не значит ли это, что летописец в одно безобидное выражение уложил три неприятных для него дня? Некоторые исследователи (например, Б. А. Рыбаков [9]), слово «Половцы» заменяют на «полци», полагая, что оно более приемлемо в данном случае. На мой взгляд, эта замена неправомерна. Слово «половцы» напрямую связано с последующей речью Игоря. Уговаривая свою «братию» поехать в ночь, он ссылается на то, что «видихомъ полки Половецкийи оже мнози соуть, тоу же ци все си соуть совокоупили» [14]. Если поменять слово «половцы» на «полцы», речь Игоря потеряет смысл, ведь перед этим полки молодых князей гнались за небольшим половецким отрядом, а не всей «Половецкой землей». Откуда тогда Игорь мог узнать, что на завтра половцев станет «бесчисленное множество»? Видимо, для того, чтобы речь Игоря не казалась бессмысленной, летописец и заметил, что он произносит её не в момент, когда приехали с погони «полци» Святослава Олеговича и Владимира Игоревича, а когда собрались все половцы.

Получается, что ближе к действительному ходу событий стоит рассказ Лаврентьевской летописи. Игорь, разгромив половцев в первом сражении, три дня оставался на месте, в результате чего был окружён половецкими стрелками, а потом и превосходящими силами половцев, и сражался с ними ещё три дня. Между тем исследователи, воссоздавая маршрут похода, чаще всего исходят из версии Ипатьевской летописи, которая, несмотря на имеющиеся подробности и детали (в том числе географические приметы), ход событий существенно искажает.

Таким образом, отсутствие надёжных географических примет, спорный календарь похода и неясный ход основных событий (вернее, необоснованное предпочтение одного летописного варианта другому) не позволяют в настоящее время разрешить проблему историко-географического изучения похода Игоря окончательно. К решению вопроса, учитывая маловероятность появления более

надёжных и информативных источников, может привести только внедрение новых методов исследования и беспристрастный анализ существующих исторических источников, предполагающий учёт всех противоречивых данных.

Ссылки и примечания:

1. Карамзин, Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1991. Т.2-3. 832 с.
2. Кудряшов, К. В. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении // Слово о полку Игореве. М.: Гослитмузей, 1947. С. 43–94.
3. Федоров, В. Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла / В. Г. Фёдоров. М.: Молодая Гвардия, 1956. 176 с.
4. Гетманец, М. Ф. По следам князя Игоря / М. Ф. Гетманец // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 305–326.
5. Гойгел-Сокол, М. Т. Историко-географические аспекты «Слова о полку Игореве» / М. Т. Гойгел-Сокол. Днепропетровск, 1978. 23 с.
6. Пядышев, Г. Е. Поход Игоря в 1185 г. Место битвы / Г. Е. Пядышев // История СССР. 1980. № 4. С.42–65.
7. Рыбаков, Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая Гвардия, 1991. 286 с.
8. Рыбаков, Б. А. Историческая канва «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков // Наука и жизнь. 1986. № 9. С. 36–43.
9. Рыбаков, Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 295 с.
10. Бабкин, Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста / Д. С. Бабкин // «Слово о полку Игореве». М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 320–339.
11. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. М.: Ермак, 2005. Т. 2. 732 с.
12. Кузьмин, А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» / А. Г. Кузьмин // История СССР. 1968. № 6. С. 64–87.
13. Присёлков, М. Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник / М. Д. Присёлков // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 112–133.
14. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
15. Гетманец, М. Ф. К вопросу о месте битвы Игоря Святославовича с половцами / М. Ф. Гетманец // Актуальные проблемы «Слова о полку Игореве» Сумы, 1983. С. 42–45.
16. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

УДК 314.742;930.253

Е.Г. Даниленко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: gddgtu@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТРУДА КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОНБАССЕ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы организации найма и поставки китайской рабочей силы в Донбасс в годы Первой мировой войны. Автором собран большой документальный материал в фондах Государственного архива Донецкой Народной Республики, произведён их предварительный анализ.

Ключевые слова: *Донбасс, китайские мигранты, архивные документы.*

Summary

The article deals with the organization of the recruitment and supply of Chinese labor to the Donbass during the First World War. The author collected the large documentary material in the funds of the State Archives of Donetsk People's Republic, the preliminary analysis of this material was made.

Keywords: *Donbass, Chinese migrants, archival documents.*

В современном мире миграция стала глобальной проблемой, она оказывает влияние на экономическое, социальное и демографическое развитие каждого государства. Донбасс – это особый исторический феномен: на протяжении многих веков население Донецкого региона формировалось миграционными потоками, складывалось как переселенческое общество. В этом историческом процессе приняли участие и китайские рабочие мигранты в период Первой мировой войны, ставшие в тот сложный для промышленности Донбасса период необходимой частью экономики нашего края.

Первые немногочисленные китайские мигранты начали появляться на территории Донбасса еще в годы Русско-Японской войны. Однако массово китайцы стали прибывать сюда в ходе Первой мировой войны. Вопрос о недостатке рабочих являлся одним из наиболее острых вопросов в жизни горной промышленности Донецкого бассейна военного времени. Хронический недостаток рабочих на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна, дающий себя знать долгие годы в мирное время, особенно

обострился с объявлением первой мобилизации в июле 1914 года. Резкое сокращение рабочих рук в связи с военными действиями, ростом военной промышленности и мобилизацией, особенно с весны 1915 г., поставило экономику Донбасса перед угрозой срыва военных поставок на фронт. Дефицит рабочих на горных и металлургических производствах Донбасса породил вопрос о возможности массового использования труда китайцев уже в начале 1916 года. Так, например, в отчете Совета Съезда XXXXI Съезду горнопромышленников юга России за 1915 – 1916 отчетный год указывалось, что «общий недостаток рабочих на горнопромышленных предприятиях юга России сравнительно с потребностью в их продуктах, можно определить в размере около 100.000 человек» [1]. Второй, не менее важной, причиной массового привлечения труда иммигрантов в этот период стала необходимость в более дешевой рабочей силе. В центральный военно-промышленный комитет неоднократно поступали запросы о найме рабочих-китайцев. Труд китайских рабочих использовался на металлургических и горнопромышленных предприятиях Донбасса. Занимались китайцы преимущественно тяжелым неквалифицированным трудом.

27 июня 1915 г. Особое совещание по обороне государства приняло решение «Просить министра торговли и промышленности по соглашению с управляющим министерством внутренних дел безотлагательно выработать правила обеспечения шахт и рудников рабочими и немедленно провести их в жизнь» [2]. А 18 июля 1915 г. Особое совещание по обороне государства приняло решение «Довести о сведения Председателя совета министров суждения Особого Совещания о необходимости привлечения для работ на каменноугольных копях и железных рудниках юга России иностранных рабочих, в частности персов и представителей жёлтой расы» [3]. Для организованного ввоза иностранных рабочих уже весной 1915 г. был распространен циркуляр Совета Съезда горнопромышленников Юга России от 9 апреля 1915 г. За № 24 за подписью Председателя Совета Н. Ф. Фон-Дитмара «О желательности ввоза китайских рабочих для работы на шахтах и заводах Юга России в связи с недостатком рабочей силы» [4]. К докладу Совета Съезда горнопромышленников Юга России также прилагались два документа: «Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы внутри империи на государственную оборону» и «Правила о найме и перевозке рабочих желтой расы».

В Государственном архиве Донецкой Народной Республики есть телеграмма с предложением доставить в Донецкий бассейн углекопов китайцев. Посланная одной из таких контор в Харбине на адрес Совета Съезда горнопромышленников Юга России, она имеет следующее содержание: «Недостаток рабочих на шахтах побуждает нас предложить Вам углекопов китайцев в любом количестве. Китайцы трезвы, смышлены, трудолюбивы, работают семь дней. Есть опытные шахтеры. Расходы перевозки плюс накладные расходы компенсируются низкой рабочей платой. Останутся

работать, покуда скажется необходимость. Берем на себя организацию по найму и доставке рабочих со старшими переводчиками. Отправка немедленно по окончании переговоров. Телеграфируйте: Харбин, Бирбраер, Циркель, Лившиц, Каплан» [5].

7 ноября 1915 г. отделом по обеспечению предприятий рабочим составом Центрального военно-промышленного комитета было разослано циркулярное сообщение (№ 4754), согласно которому всем губернаторам, градоначальникам и начальникам областей, было приказано «допустить беспрепятственный пропуск в пределы Империи тех китайских подданных, а также корейцев, кои приглашены на работы в наших металлургических или каменноугольных предприятиях, при условии предъявления этими лицами своих национальных паспортов, снабжённых визой наших консульств». Этот циркуляр был опубликован в газете «Известия центрального военно-промышленного комитета» 19 ноября 1915 г. [6]. В визе должны были быть указаны: имя и фамилия лица, отправляющегося в Россию, возраст, подданство, сведения о том, на какой именно завод или на какие именно рудники лицо это приглашено. Все прочие паспортные формальности, ограничивавшие проезд китайцев в Россию и их пребывание в стране, были признаны «необязательными» [7].

В Государственном архиве Донецкой Народной Республики сохранился уникальный документ – паспорт, выданный в Русском консульстве в Харбине китайскому подданному Цзя-Шоу-Чень [8]. Такие паспорта получали все китайцы, выезжающие на работу в Россию. Записи в паспорте делались на китайском языке. На лицевой стороне паспорта приводятся следующие данные: фамилия и имя, из какой он провинции, возраст. В центре паспорта – фотография. На табличке, висящей на шее, можно рассмотреть порядковый номер (282), под которым китайский рабочий будет числиться на месте работы в Донбассе. Ниже фотографии наклеивались две марки об уплате пошлины (каждая достоинством в один доллар). На обратной стороне паспорта проставлялся штамп Генерального Консульства в Харбине с отметкой о дате выезда из Китая, и указывались фамилия выезжающего и название предприятия, на которое данный наёмный работник направляется. Подпись консула заверялась печатью и наклеивалась марка об уплате пошлины (2 рубля 25 коп.) [9].

Вербовка рабочих на территории Китая была организована ещё в 1915 г. Занимались этим как специальные посреднические компании, так и отдельные агенты. По некоторым данным, только в течение 1915 г. было завербовано и уехало через г. Харбин в Россию 7212 чел. [10]. Наряду с подрядчиками из Китая вербовкой занимались и русские подрядчики. В Харбине была учреждена контора на поставку китайцев. Отправляемые рабочие чаще всего нанимались на юге Маньчжурии в районе Мукдена и Инкоу и, в небольшом количестве, в Чифу. На юг Европейской России также следовала огромная масса китайских рабочих (из провинции Шаньдун, Чжили) через Харбин.

Отделения Харбинской конторы в Мукдене и Инкоу заключали с подрядчиками китайцами условия об образовании артелей рабочих определённых профессий, в возрасте от 18 до 45 лет, физически здоровых, что устанавливалось медицинским осмотром. С момента найма и регистрации артели переходили на иждивение конторы. Рабочие отправлялись в Харбин, где они размещались в специально построенных бараках. Зарегистрированные рабочие снабжались национальными паспортами, выдаваемыми Цицикарским бюро (дипломатическое бюро в г. Цицикар, который находился на северо-востоке Китая), и отправлялись на место назначения в вагонах-теплушках, в сопровождении своих старшин и переводчика, обычно, партиями по 350-500 человек. При отправке рабочие получали полный комплект летней одежды и обуви, в пути они снабжались провиантом (газета «Известия центрального военно-промышленного комитета», № 13, 8 октября 1915 г.) [11].

В «Докладе комиссии о недостатке рабочих на горных и горнозаводских предприятиях юга России и мерах к устранению этого недостатка», заслушанном на 40-ом Съезде горнопромышленников юга России в ноябре 1915 г., вопрос дефицита рабочей силы на предприятиях Донецкого бассейна был признан одним из наиболее острых вопросов жизни на протяжении многих лет. И действительно, изучение материалов Съездов горнопромышленников юга России показывает, что почти на всех предыдущих Съездах этот вопрос обсуждался и ставился как один из наиболее актуальных. В своём докладе комиссия обращала внимание участников Съезда на «хронический характер недостатка рабочих на горнопромышленных предприятиях... Недостаток рабочих в Донецком бассейне, сильно ощущаемый в нормальное время, обостряется в моменты чрезвычайных событий, как например эпидемия или как ныне – война». Основной же мерой по предотвращению этого дефицита в военное время было признано использование «труда рабочих других национальностей, как то: китайцев, корейцев, персов, лезгин, финляндцев и др.» [12].

Ознакомившись с состоянием вопроса, комиссия пришла к заключению о необходимости привлечения таких рабочих, состав которых не был бы подвержен колебаниям из-за случайных причин, в частности – рабочих персов и китайцев. Комиссия пришла к выводу, что значительным тормозом в деле привлечения к работам китайцев и персов является: отсутствие льготных тарифов на проезд с постоянного места жительства на горнопромышленные предприятия юга России; крайняя медлительность перевозки; неблагоприятные санитарные и другие условия перевозки. Комиссия рекомендовала Совету возбудить ходатайство о том, чтобы постановление Совета министров от 30 июля 1915 года, допускающее наём рабочих-китайцев на металлургические предприятия, было распространено также и на горные и горнозаводские предприятия юга России [13].

В мае 1916 г. межведомственная комиссия Совета министров подготовила для рассмотрения проект документа «Об условиях применения в

Империи труда рабочих желтой расы...», в котором говорилось о необходимости командировать на юг Маньчжурии специальных агентов для найма рабочих. Согласно проекту агенты должны были сопровождать «поезда с желтыми» не только до российской границы, но и до места работы. Межведомственной комиссией, в состав которой входили представители КВЖД, военного министерства, министерства земледелия, МВД, министерства путей сообщения, министерства торговли и промышленности, министерства финансов, госконтроля, также были разработаны Правила найма и перевозки рабочих желтой расы. На заседаниях Совета Министров в июне-сентябре 1916 года ещё дважды рассматривался вопрос о порядке найма и привозки китайских рабочих в Россию. На основе рекомендаций, разработанных межведомственным при Министерстве Земледелия совещанием, и при согласовании с Приамурским генерал-губернатором были утверждены некоторые изменения и поправки к действующим с 4 апреля 1916 года «Правилам об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы». В соответствии с этим, организацию найма китайцев следовало передать в руки управления Китайской Восточной железной дороги. Проектом предусмотрены особые льготы для китайцев, нанятых при посредстве КВЖД.

Итоговым документом, определившим правила организации найма и поставки китайской рабочей силы в пределы Российской империи, можно считать постановление Совета министров под названием «Об изменении действующих правил об условиях применения в Империи труда рабочих жёлтой расы». В Особом журнале Совета министров от 5 августа и 6 сентября 1916 г. эти Правила были сформулированы в окончательной редакции. Позже Правила о найме были опубликованы в «Правительственном вестнике» (12 октября 1916 г.) [14] и в «Собрании Узаконений и распоряжений правительства» (8 ноября 1916 г.). Для экономики нашего региона было особенно важным то, что этим документом применение труда рабочих китайской национальности допускается в всех местностях российской империи, расположенных к западу от озера Байкал, за исключением района военных действий [15].

Обсуждая вопрос о недостатке рабочих, 40-й Съезд горнопромышленников юга России (проходивший в Харькове 21 – 29 ноября 1915 г.) признал необходимым применение труда китайцев на горнопромышленных предприятиях Донбасса. Командированному Советом Съезда в Харбин для организации агентства по найму китайцев горному инженеру И. А. Минорскому удалось законтрактовать в апреле 1916 года для двух горнопромышленных предприятий по 100 китайских рабочих [16]. Квалифицированных рабочих среди китайцев нанять не представлялось возможным, нанимали чернорабочих, пригодных для работы в качестве саночников, вагонщиков, плитовых грузчиков и работ конторского и артельного ремонта на поверхности и в шахтах. Сменившему в агентстве по найму китайских рабочих в Харбине И. А. Минорского, горному инженеру Э.

Ф. Меллеру удалось осенью 1916 года законтрактовать и отправить из Харбина для 3 предприятий Донбасса ещё 2 партии китайских рабочих по 98 человек и 1 партию в 93 человека [17]. На конец ноября 1916 года в Донецком бассейне работало следующее количество китайских рабочих: на одном предприятии работало 400 китайцев, на двух предприятиях – по 100 китайцев, ещё на двух предприятиях – по 250 человек. Всего же 1100 китайских рабочих [18].

В июле 1917 г. временное правительство приняло решение о прекращении ввоза в Россию иностранных рабочих, прекратился ввоз китайских рабочих и на предприятия Донбасса. Для возвращения отбывших свои контрактные сроки китайцев на родину, в Китай, были созданы специальные органы: Особое междуведомственное совещание и Особый комитет. Особому комитету была поручена эвакуация в Китай тех рабочих, кто не хотел оставаться в России, а также больных и безработных. Началось возвращение китайцев на родину и с предприятий Донбасса. В некоторых случаях организации, осуществлявшие в свое время их наем, отнеслись к выполнению контракта ответственно. Многие же китайцы были брошены на произвол судьбы: не могли получить расчет с предприятий, потеряли кров, голодали. Подавляющее большинство их после Октябрьской революции приняло сторону новой власти и активно участвовало в Гражданской войне, а по её окончании – в восстановлении Донбасса.

Ссылки и примечания:

1. Отчет Совета Съезда XXXXI Съезду горнопромышленников юга России за 1915 – 1916 отчетный год, 1916. С. 38. – URL : <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/3250-otchet-soveta-sezda-xxxxxi-sezdu-gornopromyshlennikov-yuga-rossii-za-1915-1916-otchetnyy-god-harkov-1916#mode/inspect/page/6/> (дата обращения: 25.06.2019).
2. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. М., 2013. Т. 1. С. 109. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/24564-zhurnaly-osobogo-soveschaniya-dlya-obsuzhdeniya-i-obedineniya-meropriyatiy-po-oborone-gosudarstva-osoboe-soveshanie-po-oborone-gosudarstva-1915-1918-v-3-t-t-1-1915#mode/inspect/page/113/> (дата обращения: 23.06.2019).
3. Там же. С. 159.
4. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.
5. Там же.
6. Ф. Р– 2109. Оп. 1. Д. 139. Л. 10.
7. Там же.
8. Ф. Р– 819. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

9. Там же. Л. 10 об.
10. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М. : Восточная книга, 2009. С. 66–67.
11. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 139. Л. 4-5.
12. Труды XL Съезда горнопромышленников юга России : (21 – 29 ноября 1915 г.). Т. 1 : Программа занятий Съезда. Список членов Съезда. Отчет председателя Съезда. Протоколы заседаний Съезда. Свод постановлений Съезда. Доклады комиссий и совета Съезда, 1916. – URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/3264-trudy-xl-sezda-gornopromyshlennikov-yuga-rossii-t-1-programma-zanyatiy-sezda-spisok-chlenov-sezda-otchet-predsdatelya-sezda-protokoly-zasedaniy-sezda-svod-postanovleniy-sezda-doklady-komissiy-i-soveta-sezda-harkov-1916#mode/inspect/page/404/zoom/6> (дата обращения: 20.06.2019).
13. Там же.
14. Вестник Временного правительства. 1916, № 218 (12 (25) окт.) – 1916. С. 2. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000151006/view#page=2> (дата обращения: 20.06.2019).
15. Особый журнал совета министров. 5 августа и 6 сентября 1916 г. Об изменении действующих правил об условиях применения в Империи труда рабочих жёлтой расы // РГИА Ф.1276. Оп.20. Д.116. Л.39-43 об. : СУ 8 ноября 1916 г. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/6103#mode/inspect/page/1/> (дата обращения: 23.06.2019).
16. Ф. Р- 2109. Оп. 1. Д. 138. Л. 40.
17. Труды XL Съезда горнопромышленников юга России : (21 – 29 ноября 1916 г.). Т. 2 : Отчет совета Съезда. Отчет уполномоченных Съезда, 1916. С. 8-12. – URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/3265-trudy-xl-sezda-gornopromyshlennikov-yuga-rossii-t-2-otchet-soveta-sezda-otchet-upolnomochennyh-sezda-harkov-1916> (дата обращения: 20.06.2019).
18. Ф. Р- 2109. Оп. 1. Д. 138. Л. 46.

УДК 94(477.6):339.3"1914/1917"

Н.Н. Разумная

кандидат исторических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nnrazumnaya@mail.ru

ТОРГОВОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА (1914-1917 ГГ.)

Аннотация

Автор рассматривает основные тенденции развития торговли на территории Донбасса в годы Первой мировой войны. Характеризует организацию ярмарок и базаров в условиях продовольственного кризиса.

***Ключевые слова:** ярмарки, базары, торговля, Первая мировая война, ветеринария, местное самоуправление, история повседневности.*

Summary

This article is devoted to study the main trends in the development of trade in the territory of Donbass during the First World War. Author describes the organization of fairs and bazaars in the context of the food crisis.

***Key words:** trade fairs, bazaars, trade, World War First, veterinary medicine, local government, history of everyday life.*

В последнее годы активизировался процесс изучения проблем, связанных с событиями Первой мировой войны. Поскольку долгое время данная тематика находилась вне поля зрения исследователей, повышенный интерес вызывает анализ событий, происходивших на территории нашего края более сотни лет назад. Война потребовала огромного напряжения сил государства, общественных организаций, местного самоуправления. Местное самоуправление в полной мере смогло продемонстрировать свои потенциальные возможности и проявить себя в экстремальных условиях. В России были созданы «Особые совещания» с целью планирования военного производства, распределения заказов, оборудования, материалов и сырья, нормирования потребления продовольствия и товаров массового потребления. Следует отметить, что увеличение военного производства было достигнуто в основном за счет мирных отраслей промышленности. В России 2/3 всей промышленной продукции шло на фронт и лишь 1/3 оставалась для потребления населением. Это привело к появлению дефицита товаров первой необходимости, повышению цен и спекуляции [1].

Именно на городские думы и управы возлагались обязанности по содействию развитию и правильной организации местной торговли и промышленности, устройству рынков и базаров. Органы городского самоуправления играли ключевую роль в снабжении городского и сельского населения предметами первой необходимости. Они предоставляли свои земельные участки под ярмарки, базары, магазины, лавки и витрины [2].

Цель статьи: показать степень участия земств в вопросе организации и проведении ярмарок и базаров на территории Донбасса в условиях военного времени.

Источниками исследования являются издания Редкого фонда коллекции Республиканского краеведческого музея ДНР, и материалы Государственного архива ДНР.

В последнее время вопросы экономического развития провинциальных городов, губерний рассматриваются в различных публикациях, но к сожалению практически отсутствуют работы посвященные развитию торговли на территории Донбасса в годы Первой мировой войны [3].

С началом военных действий на территории Донбасса, как и по всей России, была приостановлена и ограничена перевозка грузов по железной дороге, что повлияло на развитие торговли. Возникает острая необходимость в продуктах питания и предметах первой необходимости. Министр внутренних дел срочным циркуляром от 31 июля 1914 г. предписывал губернаторам издать обязательные постановления, устанавливающие цены на предметы первой необходимости. В 2 раза повысились цены на сахар, табак, мыло, на соль — в 3 раза. Периодически из свободной продажи исчезали сахар, крупы, мыло, керосин, сальные и стеариновые свечи, спирт. Цена на зерно на потребительском рынке с 1914 по 1917 гг. выросла почти в 4 раза [4].

Повышенный спрос на товары первой необходимости наблюдался в ряде уездов Екатеринославской губернии. Поэтому в связи с повышенным спросом, население искало альтернативные возможности для реализации и приобретения необходимых товаров на местных базарах, инициировало организацию ярмарок. Примером тому служат многочисленные обращения в уездные земские управы об открытии или внесении изменений в расписание работы ярмарок и базаров на территории определенных населенных пунктов на протяжении всего периода Первой мировой войны. К примеру, еще в 1914 г. сельские общества ходатайствовали об открытии ярмарок и базаров на территории Мариупольского уезда: Богоявленское сельское общество просило перенести проведение ярмарки с 9 мая на 9 августа и продлить ее продолжительность до недели; управа разрешила перенести ярмарку на 15 августа, но только как однодневную. Елизаветовское сельское общество просило открыть три трехдневные ярмарки на первой неделе Великого поста, в день Святого Николая 9 мая и 6 октября, уездное земское собрание, учитывая, что в Елизаветовке не было

ярмарок, разрешило открыть только одну трехдневную ярмарку – Николаевскую и определило дату ее проведения 9 мая. Как свидетельствуют данные таблицы 1, это была единственная ярмарка, разрешенная в 1914 году на территории Мариупольского уезда, поскольку уже в 1915 году не было открыто ни одной новой ярмарки. Ходатайство Владимировского сельского общества об открытии еженедельных базаров по субботам утвердили. Обществу колонии Затишье и Новопетриковского сельского общества разрешили открыть еженедельные базары по четвергам. При этом было перенесено время работы еженедельного базара в с. Павловском, с воскресенья на четверг. Поскольку, как было отмечено уездной управой, в воскресные базарные дни во время богослужения с площади раздавались крики, ругань, ссоры, пьянство, оскорбляющие чувство религиозного человека.

Больше-Янисольское сельское общество ходатайствовало об открытии второй 5-ти дневной Воздвиженской ярмарки 14 сентября, на что собрание ответило, что уже существующей ярмарки вполне достаточно. Ново-Каранское сельское общество просило открыть трехдневную ярмарку по продаже скота с правом продажи других предметов в день праздника Святого Вознесения, но собрание отклонило, так как в с. Карани на расстоянии 13 верст проходит 3 ежегодные ярмарки. В ходатайстве Ново-Петриковского сельского общества об открытии 2-х пятидневных ярмарок, Никитской с 10-14 мая и Воздвиженской с 10-14 сентября, однако собрание отказало, так как в соседнем селе на расстоянии 9,5 верст проводились две ежегодные ярмарки. Отклонено было ходатайство Темрюкского сельского общества об открытии семидневной Ивановской ярмарки 24 июня и семидневной Васильевской ярмарки 10 февраля, так как существующей Воздвиженской, по мнению уездного земского собрания, было вполне достаточно [5].

Решения земской управы представляются вполне обоснованными на наш взгляд, поскольку как свидетельствуют данные Отчета Мариупольской уездной земской управы, уже в следующем 1915 году состоялись даже не все ранее разрешенные. В течение года на территории Мариупольского уезда было запланировано проведение 79 ярмарок, из которых 20 или $\frac{1}{4}$ от общего количества, все-таки не состоялось. В следующей таблице 1 показаны наиболее значительные среди ярмарок на территории Мариупольского уезда по количеству реализованного товара.

Таблица 1

Ведомость о ярмарках на территории Мариупольского уезда в 1915 г. [6].

Названия сел с ярмарками	Когда разрешена	Название ярмарки	Продолжительность			На какую сумму получено товара	На какую сумму продано товара
			1	2-3	4-7		
1. Александронев.в. с.Ал.-Невская	1867	Зимняя с 1 февраля	1	-	-	5 000	1 000
2. Б. Янисольская в. с. Б. Янисоль	1878	Вознесенская на 4 неделе поста	-	3	-	15 500	3 500
3. Богатырская в. с. Богатырь	1905	В Вербное Воскресенье	1	-	-	10 000	2 000
4. Ласпинская в. с.Ласпа	1905	Георгиевская с 20 апреля	-	3	-	30 000	10 000
5. Затишьянский Пр. к.Затишье	1907	Еремеевская с 1 мая	1	-	-	15 000	8 000
6. Елизаветовская в. Елизаветовка	1914	Николаевская с 9 мая	-	3	-	5 000	2 500
7. Александринская в. с. Александринка	1878	Троицкая с 28 мая	-	3	0	20 000	3 000
8. Павловская в. с. Павловка	1849	Ивановская с 24 июня	-	-	5	60 000	40 000
9. Игнатьевская в. с. Игнатьевка	До 1864	Петропавловская с 26 июня	-	3	-	32 000	12 800
10. Мангушская в. с.Мангуш	1906	Петропавловская с 29 июня	-	3	-	30 000	10 000
11. с. Б.Каракуба	1874	Ильинская с 20 июля	-	3	-	140 000	60 000
12. с. Богатырь	1905	Спасовская с 1 августа	-	3	-	20 000	7 000
13. с. Валерьяновка	1908	Успенская с 12 августа	-	3	-	20 000	2 000
14. Благодатовская в. с.Благодатное	1869	Семеновская с 29 августа	-	3	-	32000	3500
15. Стыльская в. с.Темрюк	1890	Воздвиженская с 6 сентября	-	3	-	25 000	10 000
16. Павловская в. с. Павловка	1848	Ивановская с 23 сентября	-	3	-	80 000	60 000
17. Ласпинская волость	1906	Покровская с 28 сентября	-	-	5	120 000	60 000
18. Затишьянский Пр. к.Затишье	1907	Авраамовская с 9 октября	1	-	-	20 000	12 000
20. Андреевская вол. с. Андреевка	1876	Лукинская с 15 октября	-	3	-	10 000	5 000
19. Б. Каракубская в. с. Б. Каракуба	1874	Покровская с 27 октября	-	-	4	250 000	150 000

К сожалению, автору приходится ограничивать материал, представленный в таблице, только двадцатью из 79 разрешенных на территории Мариупольского уезда, наиболее существенными по объему торгами. Большинство из них были разрешены еще во второй половине XIX – начале XX вв. и, по всей видимости, до войны они проходили регулярно, население заранее готовилось к ним, все они проходили в разное время, начиная с февраля по октябрь. Наибольшей суммой привезенных товаров в 250 тысяч рублей отмечена именно Покровская ярмарка 27 октября в с. Б.Каракуба, поскольку на территории уезда это была последняя в году ярмарка и сумма проданных товаров – 150 тысяч рублей была наибольшей по итогам года. В течение 1915 года привоз товаров на ярмарки Мариупольского уезда достиг суммы – 1 403 165 рублей, но товаров было реализовано только на – 621 579 руб., что позволяет сделать вывод о слабой покупательной способности населения. При этом основная масса (70%) всего ярмарочного товарооборота приходилась на мелкие розничные (привоз товаров до 10 тыс. руб.) ярмарки, и средние, оптово-розничные давали еще 25 %.

В 1915 году ярмарки не состоялись, в том числе на территории Мариупольского уезда, в следующих селах: в с. Петровское перед Масленицей, с. Новотроицкое Постовая на 2 неделе великого поста, в с. Сретенка на 3 неделе великого поста, в с. Камарь Проводская на 8 неделе поста, с. Анадоль в Вербное воскресенье, две в с. Н.-Керменчик: весенняя с 15 мая и Воздвиженская с 14 сентября, в с. Ивановка две: с 15 мая и 20 августа, в с. Михайловке с 1 сентября, в с. Константиновка Евстафьевская с 20 сентября, в с. Ст. Керменчик Александровская с 27 августа, в с. Стыла Казанская с 22 октября, с. Захарьевка Преполовенская и даже в г. Мариуполь все четыре, разрешенные еще в конце XIX века. Кроме этого недостаток в проведении ярмарок на территории Мариупольского уезда был компенсирован, не без участия земских учреждений успешно функционирующими, судя по всему постоянно действующими базарами. Данные о которых представлены в следующей таблице 2:

Таблица 2

Сведения о функционировании базаров на территории Мариупольского уезда в 1915 году [7].

№ п/п	Наименование местности	Когда был разрешен	По каким дням
1	с. Михайловка	1899	По воскресеньям
2	с. Апостоловка	1896	
3	с. Захарьевка	1902	
4	с. Николаевка	1904	
5	с. Мангуш	1905	
6	с. Урзуф	1908	

№ п/п	Наименование местности	Когда был разрешен	По каким дням
7	с.Екатериновка	1909	
8	с.Анадоль	1911	
9	с.Александровка Марьинской вол.	1911	
10	с. Сартане	1912	
11	с. Петровском Новоспасовской вол.	1914	По вторникам
12	с. Новопетриковка	1914	По четвергам
13	к.Затишье	1914	
14	с. Платоновка при ст.Волноваха	1904	По пятницам
15	пос.Розовка	1907	
16	с. Покровское	1910	По субботам
17	с. Стародубовке	1913	
18	с. Н.Петровском Петровской вол.	1913	
19	с. Владимировке	1914	
20	с. Новопетрировке	1909	1 и 15 числа каждого месяца
21	Пос.Еленовка при ст.Волноваха	1912	По четвергам и воскресеньям
22	Мариупольский порт	1904	ежедневно

Как показано в таблице 2, только в двух селах еженедельные базары были разрешены в 1896 и 1899 годах. Во всех остальных 19 селах и 1 в районе Мариупольского порта были разрешены только в начале XX века. Первый среди них был открыт в 1902 году в с. Захарьвке по воскресеньям, затем в 1904 году были разрешены таковые в с. Николаевке по воскресеньям, с. Платоновке при ст.Волноваха по пятницам и в Мариупольском порту постоянно действующий и т.д. Дело в том, что наибольшее количество разрешенных базаров отмечено по статистике в 1914 году – четыре в селах Петровском, Новопетрировке, к. Затишье и Владимировке. При этом по данным отчета Мариупольской уездной земской управы в 1915 году не было разрешено открытие ни одного базара и ни одной новой ярмарки, на то были свои причины. В целом 1915 г. в пределах России был отмечен сокращением

привезенной продукции. Поэтому спрос быстро опережал предложение и как следствие вызывал подорожание всех без исключения товаров [8].

Дело в том, что в основном на ярмарках продавали в сельской местности скот, продовольственные товары. Ажиотаж на рынках и повышенный спрос на мясо в это время фиксируются в местной прессе. В связи с повышением цен на мясные продукты и повышенным спросом на него в годы войны правительство идет на принятие определенных мер. 16 июля 1916 года был принят «Закон о мясопустных днях», который был опубликован в №193 «Собраний узаконений и распоряжений правительства» и №157 Правительственного вестника за 20 июля. Данный закон был утвержден Государственным Советом и Государственной думой. Для того чтобы сократить потребление мяса на территории империи предпринимаются меры к сокращению употребления населением мяса и мясных продуктов, изготовленных из мяса крупных рогатых животных, телят, овец, ягнят, свиней и поросят. В связи с чем была запрещена продажа и разнос мяса и мясных продуктов (консервов, колбас, сала и т.д.) на рынках, базарах, площадях, торговых заведениях и других местах со вторника по пятницу. Запрещалось в эти дни изготовление для продажи и подачи посетителям всех видов блюд из мяса и мясных продуктов в ресторанах, трактирах, харчевнях, постоялых дворах и общественных столовых, буфетах, гостиницах, на станциях железных дорог, пароходных пристанях, вагонах-ресторанах.

Убой животных разрешался только в пятницу, субботу и воскресенье в том количестве, которое определяла городская управа и уездное земское собрание. О размерах убоя следовало заранее сообщать председателю Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу через местных уполномоченных и председателя. Только после их одобрения мясная продукция могла поступать на рынки и т.д. При этом выше изложенные нормы не распространялись на заготовку мясных продуктов и консервов для армии [9].

В 1916 году, учитывая сложное экономическое благосостояние Мариупольского уезда, в земскую управу продолжают поступать просьбы разрешить проведение ярмарочной торговли и базаров. Новопретраженское сельское общество, Ивановской волости ходатайствовало об открытии Георгиевской 3-х дневной ярмарки с 21-23 апреля. Уездная управа высказалась против, так как в с. Ивановке, находящейся от Новопретраженки в 1 версте, проходили ежегодно две ярмарки.

Утвердительный ответ был дан, но только о перенесении по ходатайству Урзуфского сельского общества, Ялтинской волости Ильинской 3-х дневной ярмарки с 20 июля на 2 мая, так как созревание хлебов и уборочная кампания мешала проведению ярмарки. В 1916 г. было разрешено проведение второго еженедельного базара в с. Урзуф по вторникам (один существовал по воскресеньям). Мотивировалось это тем, что село многолюдное с населением до 3 000 человек, на тот момент в нем находилось много беженцев, у населения была возможность ловить рыбу, была паровая мельница, три школы, детский приют для сирот и т.д. Уездная управа утвердила прошение, с тем условием, чтобы базар с

воскресенья перенесли на субботу, другой было разрешено организовать по вторникам.

Разрешили открыть Златоустовскому сельскому обществу, Стретенской волости, еженедельный базар по вторникам. Учитывая повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию у населения с. Златоустовки, жителей ближайшей железнодорожной станции Хлебодаровка и многочисленных хуторов находящихся рядом. Утвердили ходатайство Петровского сельского общества об открытии еженедельных базаров, но не по воскресным дням, а в субботу. Священник с. Екатериновки, Елизаветовской волости, отец Леонид Ивановский, ходатайствовал о переносе базаров в с. Елизаветовке с воскресенья на будние дни, поскольку они отвлекали население от церкви. Управа перенесла базарный день с воскресенья на четверг [10].

Отрицательно ответила уездная управа на просьбу Петровского сельского общества об открытии двух трехдневных ярмарок: Николаевской к 9 мая и Рождество-Богородицкой к 8 сентября. Поскольку на расстоянии в 10 верст от с. Петровского бывало три ярмарки в год. При этом согласилась перенести из-за сложных погодных условия и плохого состояния сельских дорог 3-х дневную ярмарку проходившую перед масленицей на 14 сентября.

Ходатайство Платоновского сельского общества, об открытии в пос. Волноваха еженедельно, в пятницу, в базарные дни ярмарки по продаже животных, уездная управа отклонила. Поскольку указала следующую причину: «В настоящее время торговля животными сократилась до минимума, в случае же разрешения названной ярмарки пришлось бы командировать в пос. Волноваху ветеринарный персонал, что было не возможно, так как ветеринарный персонал уезда уменьшился больше чем на половину» [11].

Действительно, в сведениях о ветеринарно-санитарном состоянии Екатеринославской губернии в августе 1914 г. так и говорится, что среди ветеринарного персонала уезда уже в 1914 г. было много призванных на фронт. Даже на некоторых участках сразу в ходе первой мобилизации были призваны ветеринарный врач, фельдшера и служащие, так что все земское имущество оставалось временно на попечении семьи врача или семьи фельдшера, или даже сторожа.

Таблица 3

Ветеринарный участковый персонал Екатеринославской губернии
в июле-августе 1914 г. [12].

№ п/п	Уезды	Количество ветеринарных врачей		Количество ветеринарных фельдшеров	
		июль	август призвано	июль	август призвано
1	Александровском	13	5	36	17
2	Бахмутском	8	4	17	8

№ п/п	Уезды	Количество ветеринарных врачей		Количество ветеринарных фельдшеров	
		июль	август призвано	июль	август призвано
3	Верхнеднепровско м	9	4	19	12
4	Екатеринославско м	8	5	19	10
5	Мариупольском	9	3	21	11
6	Новомосковском	7	5	22	11
7	Павлоградском	10	4	23	15
8	Славяносербском	8	4	12	5
	Всего по губернии	72	43	172	89

Таким образом, как свидетельствуют данные таблицы 3, в пределах всей Екатеринославской губернии, на восемь уездов, до мобилизации числилось 85 ветеринарных врачей, из них 72 человека были участковые (из которых призвано в августе 1914 г. – 43 человека), кроме этого в губернии еще был один старший губернский земский ветеринарный врач, один его помощник, 1 заведующий ветлабораторией, 2 лаборанта, 8 запасных врачей на каждый уезд. Работали также на территории губернии и 172 ветеринарных фельдшера, из которых уже в августе было призвано на фронт 89 человек. То есть по данным таблицы в пределах губернии на август 1914 года произошло сокращение ветеринарного персонала практически в половину. Кроме этого на войну в августе 1914 г. были призваны: старший губернский земский ветеринарный врач Е.И. Теличенко, его помощник М.Ф. Мордовский, лаборант земской ветеринарно-бактериологической станции В.В. Крылов. Кроме этого были призваны еще 11 частнопрактикующих ветеринарных врачей и фельдшеров губернии [12].

Согласно постановлению экстренного Екатеринославского Губернского собрания августовской сессии 1914 г. за всем ветеринарным персоналом, ушедшим на войну, были сохранены их рабочие места, квартиры и полное жалованье, зачитывалось проведенное на службе время для выплаты полагающихся за выслугу лет надбавок и для зачисления в эмигрантскую кассу. Квартирное содержание выдавалось в 30% только семейным. Оставшиеся без ветеринарного персонала участки были поручены соседним ветеринарным врачам, после чего некоторые должны были совмещать работу на 2-3 участках одновременно [13]. Так, к примеру, были призваны ветеринарные врачи с. Томаковки и с. Хортица, а заведывание их участками было передано ветврачу В.М. Морозову. В связи с призывом всех ветеринарных фельдшеров 4 участка Александровского уезда, губернской управой временно был приглашен студент 4 курса Харьковского Ветеринарного института В.Я. Веселовский [14].

Кроме того, губернской земской управой было вынесено решение пригласить нескольких временных ветеринарных врачей и фельдшеров для

замещения ушедших на войну или оплачивать командировки персоналу с выдачей врачам суточных в размере 3 руб. и фельдшерам 1 руб. в сутки. Всего, только в 1914 году, было временно приглашено: 1 ветеринарный врач, 3 фельдшера и откомандировано из своих участков в другие 2 ветеринарных врача. Нагрузка на ветеринарный персонал возросла и в связи с распоряжением военного инспектора Одесского военного округа о проведении вакцинация от сибирской язвы всех лошадей, которые должны были направляться на фронт. При командировках по губернии старший ветеринар, его помощник, заведующий ветеринарно-бактериологической станцией и лаборанты получали по 4 руб. суточных. Участковые ветеринары при проведении вакцинации у себя на участке получали по 2 руб., а фельдшера во время командировок по 1 руб. [15].

Следует подчеркнуть, что деятельность ветеринарного персонала на территории каждого участка, уезда и в пределах Екатеринославской губернии сводилась к предупреждению и лечению инфекционных болезней. Они должны были наблюдать за передвижением животных по губернии, принимать активное участие в проведении ярмарок и базаров, читали лекции и проводили разъяснительные беседы с населением.

В связи с дороговизной и перебоями с продуктами питания местные управы и полиция начали проводить совместные рейды по торговым точкам и складам промышленников в поисках продовольствия. Следующее объявление было напечатано и расклеено на улицах г. Бахмута. В нем сообщалось, что 4 июля 1917 г. началась продажа из Бахмутской городской продовольственной лавки различных товаров, реквизированных Городским Продовольственным Комитетом у некоторых торговцев. В целях соблюдения порядка покупатели допускались в помещение лавки по несколько человек, но порядок был нарушен. Покупатели сразу хлынули в лавку, началась суматоха, служащие не успевали отпускать товары, невозможно было слышать друг друга, из толпы покупателей неслись различные угрозы, служащие подвергались опасности, стекла и двери в лавке были разбиты, поэтому ее пришлось закрыть. Исполнительный комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов объявлял, что если покупатели будут нарушать необходимый порядок, лавку придется закрыть снова, чтобы уберечь товары от расхищения. Настаивали на соблюдении очередности и спокойствия [16].

Таким образом, в организации и проведении специальных ярмарок, в основном степных, специализирующихся на продаже продукции животноводства, следует отметить сокращение из-за отсутствия животных и появления среди них заболеваний. Те крупные животноводческие ярмарки, которые все-таки проходили, сократили свой оборот по сравнению с 1913 г. на 40-60%. Животноводческие ярмарки в Области Войска Донского в связи с ограниченными мерами по покупке и перевозу животных практически совсем не торговали животными. За редким исключением осуществлялся пригон скота из окрестных сел и станиц и его дальнейшая покупка местным населением [17]. Правительственные и общественные организации, которые должны были снабжать армию продукцией животноводства, разработали план заготовок без

посредничества ярмарок и их главных участников и покупали непосредственно в хозяйстве или небольшими партиями на базаре [18]. Одной из причин, повлиявшей на количество доставленного на ярмарки товара, была проблема, связанная с работой железных дорог и снижением выпуска фабричных и заводских товаров для частного потребителя. К этому времени в городах региона в основном сложилась торговая инфраструктура, были приняты правила по устройству базаров и рынков, проведению ярмарок, надзору за деятельностью торгово-промышленных заведений. В годы Первой мировой войны благодаря мерам местного самоуправления ситуация на потребительском рынке Донбасса не была столь критичной, как в других регионах России.

Ссылки и примечания:

1. Корольков О.П. Первая мировая война и кооперация. //Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2009. С.27. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-mirovaya-voyna-i-kooperatsiya>
2. Лен К.В. «Городовое положение» 1870 г. Сквозь призму истории российской провинции. //Научный диалог. 2014. С.6. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodovoe-polozhenie-1870-g-skvoz-prizmu-istorii-rossiyskoy-provintsii>
3. Григорова В.А. Ярмарки и выставки кустарных промыслов как средство развития предпринимательства Черноземного юга России во второй половине XIX - начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2016; Новикова С.В. Деятельность итальянских предпринимателей в Мариуполе (XIX - начало XX в.). //Вісник Маріупольського державного університету. 2014. Вип.11. – С. 47-55; Бушин В.С. Типология уездных городов Новороссии последней четверти XVIII — середины XIX столетия. //Славянский альманах. История. Исторические науки. 2011.
4. Бакулев Г.Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. Госное изд-во Полит. литературы. Москва. С. 234.
5. Доклад управы о ярмарках и базарах в Мариупольском уезде. //Журналы Мариупольского уездного собрания 46-й очередной сессии 1914 г. – Мариуполь. Эл.-Тип. Бр. Э. и А. Гольдрин. 1916. С.120-123.
6. Ярмарки и базары. //Отчет Мариупольской уездной земской управы за 1915 г. – Мариуполь. Эл. - Тип. Бр. Э. и А.Гольдрин. 1916.С.153-163.
7. Ведомость о ярмарках и базарах.//Отчет Мариупольской уездной земской управы за 1915 г. – Мариуполь. Эл. - Тип. Бр. Э. и А.Гольдрин. 1916. С.164.
8. Внутренняя торговля в 1915 г.//Народное хозяйство в 1915 г. Комиссариат финансов. Редакция «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленно газеты». – Петроград. Восьмая Государственная типография. 1918. С.341.
9. Закон о мясопустных днях//Народная газета Бахмутского земства. 1916. №27 – 08 августа. С. 9.

10. Доклад о ярмарках и базарах в Мариупольском уезде //Журналы Мариупольского уездного земского собрания 48-й очередной сессии 1916 г. – Мариуполь. Эл.-Тип. Бр. Э. и А. Гольдрин. 1916. С.73-76.
11. Там же. С.73.
12. Сведения о ветеринарно-санитарном состоянии Екатеринославской губернии за август месяц. №8. Екатеринослав. Типография Губернского Земства. 1914. С.10-12.
13. Там же. С.9.
14. Там же. С.2.
15. Там же. С.13.
16. Государственный архив ДНР. – Фонд листовок. – Д.454. Объявление.
17. Внутренняя торговля в 1915 г. //Народное хозяйство в 1915 году. Комиссариат финансов. Редакция «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». Петроград. Восьмая Государственная типография. 1918. С.340.
18. Там же. С.341

УДК. 947.084.2:908(471.317)

В.И. Ковба

кандидат военных наук,

ФГБОУ ВО Военная академия РХБ защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко РФ

e-mail: viktorkovba@yandex.ru.

Е.А. Чугунов

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО Петровская академия наук и искусств РФ

e-mail: E.A.Chugunov@yandex.ru

**«ПОЗВАЛА ИХ РОССИЯ...»: ОФИЦЕРЫ КОСТРОМСКОГО
ГАРНИЗОНА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ 1917 Г.**

Аннотация

В статье на основе широкого круга исторических источников предпринята авторская попытка рассмотреть и проанализировать влияние революционных событий переломного для России 1917 г. на политические настроения, социальное поведение и судьбы офицеров Костромского гарнизона.

Ключевые слова: *офицер, прапорщик, солдат, Костромской гарнизон, Первая мировая война, гражданская война, революция, советская власть, политическая партия.*

© Ковба В.И., Чугунов Е.А., 2019

Summary

Based on a wide range of historical sources, the author makes an attempt to consider and analyze the impact of the revolutionary events of the turning point for Russia in 1917 on the political moods, social behavior and the fate of the officers of the Kostroma garrison.

Key words: *officer, warrant officers, soldier, Kostroma garrison, World War I, civil war, revolution, Soviet power, political party.*

Русский офицерский корпус в 1917 г. представляет собой весьма значительный научный интерес, не исчерпанный во многих аспектах до сих пор, поскольку именно офицерство сыграло исключительно важную роль в революционных событиях, определивших историческую судьбу не только самой России, но и всего мира в целом почти на целое столетие.

Переосмысление исторического материала, посвященного российским революционным событиям и процессам 1917 г., открывает перед учеными большие возможности по осуществлению не только крупных, обобщающих исследований, но и разработке широкого круга вопросов культурологической, социологической, политологической, историографической, военно-исторической и иной направленности, как во всероссийском масштабе, так и на региональном уровне.

Объективно и всесторонне исследовать политические симпатии, ориентации и поведение офицеров того мятежного времени невозможно без учета многообразных изменений, происходивших в царской армии в течение долгой и невиданно кровопролитной Первой мировой войны [1]. В ходе последней офицерский корпус России менялся вместе со всею армией, причем, как в количественном, так и качественном отношении. Современным исследователям известно, что уже в самые первые месяцы войны на полях ее сражений погибло более 50 % кадрового офицерского состава русской армии. А к следующему – 1915 г. соответствующие потери составили уже до 2/3!

Командный состав армии включал в себя как гвардейцев из знатных дворянских фамилий, кадровых армейских офицеров (опять же преимущественно из дворянского сословия), так и офицеров запаса, наскоро подготовленных из унтер-офицеров, учителей, инженеров, чиновников, студентов и т.п., призванных в армию и уже в ходе войны получивших офицерские погоны в связи с острейшим дефицитом командных кадров, особенно младшего звена [2]. Большое число таких по происхождению офицеров в русской армии к 1917 г. объясняется, таким образом, весьма значительными потерями офицерского корпуса на полях сражений [3].

В целях восполнения этих потерь была создана целая сеть офицерских училищ и школ прапорщиков, а в армию был возвращен упраздненный ранее чин прапорщика (первый и самый младший офицерский чин в военной иерархии того времени) [4]. В 1917 г. численность такого рода военно-учебных заведений была доведена до 69 (27 офицерских училищ и 42 школы прапорщиков) [5]. Эти меры

позволили обеспечить армию в период с декабря 1914 по осень 1917 г. 220 000 офицеров. Осенью 1917 г. в среднем на пехотный полк приходилось 96 % офицеров, получивших свои погоны в военное время. Среди них – до 80 % были выходцами из крестьян, до 4 % – из дворян, остальные – из интеллигенции (студенты, служащие, мещане и т. п.).

Судьба революции воистину зависела от позиции армии, от политической ориентации каждого солдата и офицера. Это хорошо понимали представители политических партий, союзов и т. д. Они старались всеми возможными способами взаимодействовать с армией, вовлекая военнослужащих в обсуждение и решение вопросов революционного преобразования страны. Документы и материалы периодической печати того времени наглядно характеризуют этот весьма широкий спектр вопросов и насущных проблем: отношение к Временному правительству и его последующему свержению, к установлению советской власти в стране, к войне и миру, к судьбе политических заключенных, к созданию новых органов власти как в центре, так и на местах, к демократизации самой армии, поддержанию в ней порядка и воинской дисциплины, к преодолению хозяйственной разрухи и государственной поддержке семей военнослужащих, к обеспечению революционного порядка в городах и других населенных пунктах губернии, к борьбе с контрреволюцией и т. д.

Численно доминирующий демократически-разночинный состав офицерского корпуса (и особенно его молодежная составляющая) в 1917 г. стал ареной ожесточенной борьбы различных политических сил, участвовавших в революционных событиях, охвативших всю империю. В этом смысле не были, конечно же, исключением и офицеры Костромского гарнизона [6]. К лету среда офицерской молодежи стала усиленно подвергаться воздействию двух полярно ориентированных политических тенденций – национальной и митинговой. Причем в последней из них все более заметно проявлялись пораженческие мотивы, настроения и ориентации [7]. Определившаяся таким образом социально-политическая и возрастная дифференциация стала непреодолимым препятствием на пути политического объединения офицеров. Она объективно способствовала ускорению назревания революционного кризиса как в русской армии, в целом, так и в Костромском гарнизоне, в частности.

Весной 1917 г., будучи в массе своей либерально настроенными, офицеры Костромского гарнизона вполне искренне приветствовали Февральскую революцию, давшую, как полагали они, россиянам свободу и надежду на избавление от ужасов бесконечно затянувшейся войны, на достойное будущее.

В рамках сложившейся политической ситуации начальник Костромского гарнизона – командир 88-го пехотного полка полковник Б.Н. Владычек решительно отказался арестовать по требованию губернатора созданный в городе Временный революционный комитет (местный орган власти Временного правительства) и был поддержан в этом решении гарнизонным офицерским собранием. Он смело заявил губернатору, что части вверенного ему гарнизона скорее поддержат комитет, чем выполнят неуместное в сложившейся ситуации

требование об аресте его членов. Очевидно, ориентируясь на позицию начальника гарнизона и настроение офицерского собрания, выполнить губернаторское требование об аресте отказался также и начальник костромской полиции [8].

3 марта офицеры вывели войска на демонстрацию к зданию Городской управы и стали участниками создания военной комиссии при Костромском губернском объединенном комитете общественной безопасности (орган власти Временного правительства). Председателем комиссии был избран поручик А. Фоминский (эсер), заместителем – военный врач А. Городков (кадет), начальником охраны города – унтер-офицер Н. Огибалов (социал-демократ). В состав названной комиссии вошли и солдаты [9]. Видный костромской большевик Н.П. Ростопчин в своих воспоминаниях об этих событиях отмечал, что «между офицерами и солдатами существовало редкое единодушие» [10].

Столичным Советом рабочих депутатов был издан «Приказ № 1» по войскам Петроградского гарнизона, который оставил без надлежащего внимания такой важнейший вопрос как выборность командного состава подразделений, частей, соединений армии и военно-морского флота, а также никак не конкретизировал вопрос о неукоснительном подчинении солдат власти Советов. Это обстоятельство привело к массовым и сопровождавшимся насилием беспорядкам, как в тылу, так и на фронте. Офицеры попросту изгонялись из частей. Известны многочисленные трагические случаи, связанные с борьбой за власть в армии и на флоте.

Интересен в этой связи тот действительно редкий факт, что военнослужащие Костромского гарнизона сумели избежать подобных прискорбных инцидентов. Местный гарнизон решил доверить демократически избранной Военной комиссии сделать необходимое дополнение названного приказа. 5 марта 1917 г. был обнародован «костромской» вариант «Приказа № 1», который основательно отличался своим содержанием от варианта «столичного» [11]. В «костромском» варианте вовсе отсутствовал пункт «об исключительном подчинении солдат Советам», оставляя тем самым высшую военную власть в руках гарнизонного комитета и начальника гарнизона. Кроме того, из приказа был исключен весьма конфликтный пункт об «изъятии оружия у офицеров».

При этом в «костромском» варианте, как и в «столичном», отменялось титулование офицеров, однако указывалось на необходимость взаимного уважительного отношения офицеров и солдат [12]. В силу сложившихся обстоятельств офицеры Костромского гарнизона никак не препятствовали демократическому созданию ротных, батальонных и полковых комитетов. 4 марта за подписью начальника гарнизона полковника Б.Н. Владычека вышло даже специальное постановление о порядке выборов в такие комитеты [13]. По итогам произведенных выборов соотношение офицеров и солдат в комитетах войск гарнизона оказалось 1:2, тогда как в других гарнизонах Московского военного округа – 1:4 [14].

Мирному ходу процесса революционной демократизации Костромского гарнизона попыталась воспрепятствовать группа офицеров во главе с командиром

2-го батальона 88-го пехотного полка подполковником Масалитиным. Ими было заявлено, что названные выше приказ и постановление являются не только несвоевременными, но и сугубо вредными для армии. В результате возникла острая ситуация противостояния, длившаяся впрочем совсем не долго. Она разрешилась мирным образом. В мае подполковник Масалитин и группа офицеров из числа его единомышленников были обвинены Военной комиссией и одновременно офицерским собранием в контрреволюционной деятельности, затем арестованы и помещены под стражу на гарнизонную гауптвахту [15].

В мае в среде офицеров заметно активизируется агитационно-политическая работа военных организаций различных политических партий, имевших свои представительства в Костроме и Костромской губернии [16]. Вследствие этого многие офицеры отходят от надпартийной позиции, утрачивают имевшее место в первые месяцы революции единство и постепенно втягиваются в политическую борьбу, разделяясь при этом на сторонников социал-демократов, эсеров, кадетов, анархистов и т. д. [17]. Стараясь политически сплотить офицеров, командование гарнизона всемерно содействует созданию их собственных общественно-политических организаций (Костромское отделение «Союза Георгиевских кавалеров», «Общество зауряд-военных чиновников Костромского гарнизона» и др.) [18].

Почти одновременно в Костроме был создан и организационно оформлен Совет военных депутатов, к которому перешли практически все функции Военной комиссии при Комитете общественной безопасности, которая вскоре была упразднена. В воспоминаниях Н.П. Ростопчина упоминается, что офицеры и солдаты сообща настояли именно на таком названии этого органа, поскольку полагали, что Совет солдатских депутатов по своему составу и иным основаниям не отражал в полной мере революционной настроенности всего гарнизона в целом [19]. Совет военных депутатов возглавили поручик А. Фоминский и военврач А. Городков.

Ряд политически активных офицеров заняли весьма значимые административные должности. Так, меньшевик прапорщик А. Касаткин, будучи одновременно заместителем губернского комиссара Временного правительства, стал начальником милиции г. Костромы, а позднее – комиссаром Костромского уезда [20]. Прапорщик Широкий возглавил Костромской уездный Совет крестьянских депутатов. Несколько офицеров вошли в состав Костромской Городской Думы.

Многие офицеры Костромского гарнизона принимали деятельное участие в культурной жизни города и губернии. У истоков создания военно-исторического музея в Костроме стоял бригадный адъютант штабс-капитан А.М. Жохов, активно сотрудничавший с Костромским научным обществом по изучению местного края. Офицеры Познанский и Близняков успешно редактировали уездную газету «Галичанин». Совместными творческими и организационными усилиями офицеров и солдат гарнизона неоднократно устраивались поэтические и

театральные вечера для широкой публики. На страницах местных газет печатались литературные (как правило, поэтические) произведения офицеров.

С приходом лета политические настроения и взаимоотношения в Костромском гарнизоне довольно резко изменяются. На Государственное совещание в Москве от местного гарнизона в качестве его представителей была направлена группа офицеров. Состав ее поименно, к сожалению, неизвестен. Однако, некоторые косвенные данные позволяют предположить, что в эту группу входили начальник гарнизона полковник Б.Н. Владычек и бригадный адъютант штабс-капитан А.М. Жохов. Важно отметить, что к принятым на Государственном совещании решениям и последовавшему вскоре (в августе 1917 г.) корниловскому выступлению костромское офицерство отнеслось весьма сдержанно, без какого-либо воодушевления. Оно никак не поддержало генерала Л. Корнилова, но и, в отличие от солдатской массы, никак не осудило его действий, что породило сначала взаимное недоверие, а затем – и открытое противостояние между офицерами и солдатами гарнизона. Дело в том, что офицеры, в отличие от солдат, на своих собраниях не приняли никаких резолюций, осуждавших новоявленного военного диктатора России. Такая выжидательная позиция офицеров, естественно, была воспринята возбужденной солдатской массой как определенная тактическая хитрость, за которой якобы крылась поддержка мятежного генерала.

Зародившиеся в рамках этой ситуации подозрительность и недоверие быстро разрушили прежнее, как оказалось, хрупкое взаимопонимание, существовавшее в гарнизоне. И без того непростая ситуация дополнительно осложнялась тем обстоятельством, что к рассматриваемому моменту значительная часть офицеров гарнизона уже отбыла в действующую армию в составе так называемых маршевых рот [21], а на смену им с фронта прибыли офицеры, обозленные войной и развалом армии, к тому же не пользовавшиеся никаким авторитетом и доверием среди солдат, находившихся в то время Костроме. Взаимное недоверие и недовольство постепенно перерастали в открытое противостояние между офицерами и солдатами. Одним из характерных примеров тому явилась безобразная выходка пьяных солдат, толпой ворвавшихся в здание госпиталя и отобравших, ссылаясь на некий приказ Совета рабочих депутатов, у находящихся здесь на излечении офицеров оружие, включая именное (являвшееся одним из символов офицерской чести), а также награды, деньги, личные вещи и др. [22]. Надо сказать, что такого рода инциденты были отнюдь не однократными. Попытки начальника гарнизона и офицерского собрания стабилизировать ситуацию успехом не увенчались [23]. Офицеры Костромского гарнизона, таким образом, превратились в заложников политической ситуации.

Пытаясь найти выход из нее, командование гарнизона предприняло попытку создания офицерской организации, действительно способной защищать права ее членов и реально содействовать укреплению воинской дисциплины в частях и подразделениях. Осенью 1917 г. она была учреждена под названием «Исполнительный комитет офицерской организации» [24]. Но в силу отсутствия популярного лидера, пользующегося уважением и доверием в офицерском

сообществе, в силу глубокой внутренней разобщенности офицеров организация не смогла сыграть той роли, которая отводилась ей в благих намерениях.

Октябрьскую революцию костромское офицерство встречало, будучи разобщенным в плане политической ориентации. Большая его часть не признала советской власти и выступила против нее с оружием в руках. Известно, что целый ряд антисоветских крестьянских восстаний в различных уездах Костромской губернии был возглавлен именно офицерами [25]. Более того: в Костроме была создана подпольная организация с участием офицеров – Костромское отделение «Союза спасения России», ставившая своей целью свержение советской власти в губернии и стране в целом. Организация поддерживала тесную связь с Московским антисоветским центром, а также при содействии Б.В. Савинкова – с антисоветскими подпольными организациями в Ярославле и Рыбинске. О широком размахе ее деятельности свидетельствует тот факт, что уже в январе 1918 г. органами ВЧК Костромской губернии было арестовано около шестисот пятидесяти офицеров [26].

В ходе разгоревшейся гражданской войны многие офицеры, служившие в 1917 г. в Костромском гарнизоне, вступили в ряды армий А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и т. д., что впоследствии для многих стало причиной гибели в водовороте массовых репрессий 1930-х гг.

Часть офицеров встала на сторону Советской власти, что сделало их врагами бывших сослуживцев, навсегда разделив на «красных» и «белых». Так, например, известно, что бывший командир роты 202-го запасного пехотного полка подпоручик Г.А. Буриченков был членом военной коллегии Костромского губернского военного комиссариата, командиром 1-го Костромского советского полка и впоследствии даже стал генерал-майором Красной Армии. Бывший штабс-капитан А.М. Жохов в 1918 г. служил адъютантом военного комиссара Костромской губернии [27]. Высокие должности в советский период занимал бывший унтер-офицер Н. Огибалов [28] и т. д.

Следует заключить, что социально-профессиональный и возрастной состав, политические симпатии, недовольство затянувшейся войной обусловили в целом лояльную позицию офицеров Костромского гарнизона по отношению к Февральской революции 1917 г., признав которую, они пытались включиться в созидание новой России и ее армии. Однако революционные события весны-осени политически разобщили их. После Октябрьской революции представители русского офицерства пошли как в «белую», так и в «красную» армию. «Российская, именуемая «бескровной» революция расколола русское офицерство на два враждебных лагеря. Одни оказались по тем или иным причинам с ... большевиками. Другая часть офицерства создала белую армию... И вот вчерашние друзья, а иногда и братья, люди одного мышления, одного измерения... стали врагами не на жизнь, а на смерть...» [29] не только в масштабе отдельно взятого провинциального гарнизона, но и всей России, которую на целое пятилетие охватила братоубийственная гражданская война.

Ссылки и примечания:

1. 100-летие начала Первой мировой войны (военное искусство и военнотехнические аспекты). М., 2014.
2. Военная история. Часть пятая. Вооруженные силы России в гражданской войне и межвоенный период. Кострома: КВВКУХЗ, 1998. С. 3.
3. Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М.: ЗАО «Русский путь», 2000. С. 404.
4. Иванцов Д.С., Чугунов Е.А. От России императорской к России советской: ряд штрихов к осмыслению вопроса кадровой преемственности в военном и культурном строительстве // 1917 год: от империи Романовых к советской империи. Кострома: КГУ, 2017. С. 327.
5. Буравченков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 6.
6. Ковба В.И., Чугунов Е.А. Костромской гарнизон в 1917 г.: хроника событий в контексте революционного процесса в провинции // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2018. №4. С.77-86.
7. Александров К.М. Русская молодежь и зарождение добровольческого движения // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 3. СПб.: Третья Россия, 1994. С. 54.
8. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф. 3215. Оп. 2. Д. 174. Л. 112.
9. Известия Костромского Совета рабочих депутатов. 1917. 12 марта.
10. ЦДНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 174. Л. 111.
11. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сборник документов. Кострома, 1957. С. 49.
12. Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сборник документов. Кострома, 1957. С. 51.
13. Торопов Л.Н. Солдатские комитеты Центральной России весной 1917 г. // Вопросы истории. 1957. № 10.
14. Народная свобода. 1917. 5 июля.
15. ЦДНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 174. Л. 115.
16. Воля народа. 1917. 29 апреля.
17. ЦДНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 174. Л. 113.
18. Известия Костромского объединенного комитета общественной безопасности. 1917. № 17.
19. ЦДНИКО. Ф. 3215. Оп. 2. Д. 174. Л. 112.
20. ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 2. Д. 127. Л. 20-21.
21. Ковба В.И., Чугунов Е.А. Костромской гарнизон в 1917 г.: хроника событий в контексте революционного процесса в провинции // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2018. №4. С.80-82.
22. Октябрь в Костроме. Кострома, 1957. С. 104.

23. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 3. Л. 215.
24. ГАКО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 3. Л. 215.
25. Борова. 1922. 8 ноября.
26. Северная правда. 1937. 1 августа.
27. ГАКО. Ф. 611. Жохан А.М.
28. В памяти народа. Ярославль, 1988.
29. Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 411.

УДК 94:3.072.6

М.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m.rudenko@odsd.ru

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДОНЕЦКОЙ ТРУДОВОЙ АРМИИ В ВОЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДОНЕЦКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Аннотация

Статья посвящена анализу реорганизации Революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии в военное отделение Донецкого губернского революционного трибунала в июне-октябре 1921 г. Особое внимание автор уделил сопровождавшему этот процесс конфликту между губернскими гражданскими и республиканскими военными властями.

Ключевые слова: *Донецкий губернский революционный трибунал, военное отделение, Революционный военный трибунал Донецкой трудовой армии, реорганизация.*

Summary

The article is devoted to the analysis of the reorganization of the Revolutionary military tribunal of the Donetsk labor army into the military branch of the Donetsk provincial revolutionary tribunal in June-October 1921. The author paid special attention to the conflict between the provincial civil and republican military authorities that accompanied this process.

Keywords: *the Donetsk provincial revolutionary tribunal, military department, the Revolutionary military tribunal of the Donetsk labor army, reorganization.*

© Руденко М.В., 2019

Изменение внутренней обстановки в советских республиках в 1921 г. - окончание Гражданской войны, введение НЭПа, упорядочивание системы органов советской власти вызвало перемены в проведении государственной карательной политики. Прямым следствием этого стала реорганизация и объединение ряда ревтрибуналов на территории УССР. В наибольшей степени данные изменения затронули подсистему революционных военных трибуналов, находившейся на начальном этапе своего становления советской судебной системы.

Черты типологического сходства двух переходных периодов – постреволюционного (начала прошлого века) и нынешнего, продолжающегося становление органов государственной власти и судебной системы ДНР, придают особую актуальность изучению опыта реорганизации советских чрезвычайных судебных органов на территории Донбасса в 1921 г.

Целью данной статьи является изучение процесса реорганизации Революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии (РВТ ДонТА) в военное отделение Донецкого губернского ревтрибунала (ВО ДГРТ). В задачи исследования входит: выяснить причины реорганизации РВТ ДонТА в военное отделение ДГРТ, выделить этапы данного процесса, раскрыть его содержание и выявить особенности.

Хронологические рамки исследования: июнь – октябрь 1921 г.

Географически исследование ограничивается территорией Донецкой губернии.

Впервые сюжет, связанный с созданием военного отделения ДГРТ, был схематично рассмотрен О.К. Михеевой [1]. Ряд аспектов по данной проблематике разрабатывался автором [2].

Документальную основу исследования составляют материалы Государственного архива ДНР из фонда «Донецкий губернский революционный трибунал» (Р-2470). Наиболее информативно «Дело о слиянии Реввоен трибунала Донтрудармии с Донецгубрев трибуналом» [3]. Ряд документов впервые вводится в научный оборот автором.

Предложение относительно слияния Реввоен трибунала Донецкой трудовой армии с Донецким губрев трибуналом впервые было озвучено 3 июня 1921 г. на заседании президиума Донецкого губернского исполкома. Приняв во внимание значение, которое губрев трибунал должен занимать в Донбассе, отметив нехватку соответствующих кадров, президиум губисполкома постановил: ходатайствовать перед Наркоматом юстиции и Председателем Совета народных комиссаров УССР о слиянии в кратчайший срок РВТ ДонТА с ДГРТ [4]. Так губерnsкие власти пытались решить проблему обеспечения ДГРТ квалифицированными кадрами.

На начальном этапе командование вооруженных сил на Украине, в ведомственном подчинении которого находились революционные военные трибуналы, не возражало против данной реорганизации, но с условиями: «До принятия ЦИКом закона О едином трибунале Донреввоен трибунал может

быть полностью прикомандирован к Донгубревтрибуналу в качестве военного отделения губревтрибунала. Никаких расформирований и никакого использования отдельных работников на иные кроме работы в военном отделении губревтрибунала занятия быть не должно» [5].

По поводу слияния РВТ ДонТА с Донецким губревтрибуналом даже было принято постановления ВЦИК, в последующем подтвержденное постановлением ВУЦИК от 18 июня 1921 г. № 1418 [6]. Вероятно, данный вопрос рассматривался на уровне высших органов государственной власти советских республик, поскольку отношения между ревтрибуналами УССР и РСФСР еще не были до конца урегулированы.

Руководитель подсистемы революционных военных трибуналов УССР – председатель Реввоентрибунала Вооруженных сил Украины и Крыма (ВСУК) В. Сорокин к 3 июля 1921 г. был в курсе «ближайшего слияния РВТ ДонТА с Донецким губтрибуналом», и дал принципиальное согласие [7].

Вопрос перешел в практическую плоскость 23 июля, когда в соответствии с предложением Наркомюста УССР было принято постановление президиума Донецгубисполкома о слиянии ДГРТ и РВТ ДонТА [8]. В этот же день коллегия ДГРТ постановила подчинить деятельность Реввоентрибунала ДонТА Донецкому губернскому ревтрибуналу. Временно исполняющего должность (ВРИД) председателя РВТ ДонТА П.П. Виноградова теперь следовало считать заместителем председателя ДГРТ. Слияние ДГРТ и РВТ ДонТА происходило «в силу декрета ВЦИК о создании единого революционного трибунала» [9].

Очередное упоминание Всероссийского ЦИК в контексте реорганизации РВТ ДонТА требует разъяснения. Как известно, окончательное урегулирование отношений между ревтрибуналами УССР и РСФСР в этот период, произошло вследствие принятия декрета ВЦИК о создании единого Верховного Трибунала при ВЦИК, и практически аналогичного по содержанию положения ВУЦИК «О едином Верховном Трибунале УССР» [10], как правильно отмечает О.К. Михеева. Однако исследовательница ошибочно утверждает, что данные решения были приняты в один день – 23 июля 1921 г. [11]. На самом деле декрет ВЦИК «Об объединении всех Революционных Трибуналов Республики» был принят 23 июня 1921 г. [12], а положение ВУЦИК «О едином Верховном Трибунале УССР» ровно месяц спустя – 23 июля [13]. В соответствии с вышеупомянутым декретом ВЦИК, в связи с прекращением военных действий, предполагалось упразднение всех революционных военных трибуналов, существование которых не вызывалось необходимостью, с одновременным созданием при губернских ревтрибуналах постоянно действующих отделений по военным преступлениям [14]. Выходит, что президиум Донецкого губисполкома, и коллегия ДГРТ, осуществляя слияние РВТ ДонТА с Донецким губернским ревтрибуналом, в силу реалий переходного периода, руководствовались положениями соответствующего

нормативного правового акта РСФСР, поскольку регулирующий данный вопрос акт ВУЦИК УССР еще не вступил в силу. В соответствии с «Правилами о введении в действие положения «О едином Верховном Трибунале УССР», оно вступало в силу через 7 дней после опубликования в «Вістях ВУЦИК» (опубликовано 10 августа 1921 г.) [15].

В соответствии с вышеупомянутым положением аппарат упраздняемых на территории УССР военных ревтрибуналов передавался в соответствующие губернские и окружные трибуналы [16]. При каждом губернском ревтрибунале учреждалось постоянно действующее «военное отделение» которому становились подсудны дела о шпионаже, о контрреволюционных восстаниях и заговорах, о бандитизме, о воинских преступлениях, а также иные особо важные дела. Отныне право вынесения приговоров, присуждающих к высшей мере наказания (расстрелу) предоставлялось исключительно военному отделению [17].

В ходе заседания коллегии ДГРТ 23 июля 1921 г. ВРИД председателя РВТ ДонТА П.П. Виноградов заявил о предоставлении ему возможности переговорить с председателем РВТ ВСУК В. Сорокиным для получения соответствующих директив [18]. Осторожность П.П. Виноградова могла быть обусловлена военной субординацией, или «человеческим фактором» - нежеланием переходить в подчинение губернских властей.

К концу июля штаб Донецкой трудовой армии так и не получил приказа относительно слияния РВТ ДонТА с ДГРТ [19]. О незавершенности процесса реорганизации свидетельствует тот факт, что к 12 августа 1921 г. в ДонТА только формировалась комиссия по слиянию ревтрибуналов [20]. Однако к 15 августа объединение все же состоялось, после чего деятельность вновь созданного военного отделения ДГРТ находит документальное подтверждение в бланках, рапортах, удостоверениях [21].

К обострению аппаратного конфликта между губернскими гражданскими и республиканскими военными властями привел приказ командующего ВСУК М.В. Фрунзе № 1098-397 от 19 августа 1921 г., касающийся организации при Донецкой дивизии войск ВЧК на Украине отдела Реввоен трибунала Харьковского военного округа (ОРВТ ХВО). Создание отдела должно было производиться путем реорганизации РВТ ДонТА [22]. 20 августа председатель РВТ ВСУК В. Сорокин предложил П.П. Виноградову выполнить этот приказ в трехдневный срок [23]. Так произошло прямое столкновение ведомственных интересов.

26 августа председатель Реввоен трибунала ХВО Шаргей подтвердил переформирование РВТ ДонТА в отдел РВТ ХВО Дондивизии войск ВЧК [24]. В связи с новым назначением, П.П. Виноградов выехал в Харьков [25].

Следующий этап в развитии конфликта начался уже 27 августа, когда РВТ ВСУК направил свои предписания относительно формирования отдела РВТ ХВО. Начальнику Дондивизии войск ВЧК предлагалось всеми средствами «оказывать всяческое содействие» председателю РВТ ДонТА

[26]. Самому П.П. Виноградову было предложено «немедленно отбыть к месту постоянной службы в г. Бахмут и приступить... к формированию отдела РВТ ХВО при Донецкой дивизии войск ВЧК», по всем вопросам ему впредь следовало обращаться к председателю РВТ ХВО [27].

Видимо, на фоне различного видения будущего бывшего РВТ ДонТА, между председателем губревтрибунала Ширшовым и ВРИД председателя военного отделения ДГРТ Е.С. Брагиным в эти дни произошел «инцидент», о котором последний и сообщал в рапорте на имя заместителя председателя Донецкого губисполкома С.М. Мазлаха. Брагин обвинял Ширшова в «непонимании в деле трибуналов» и бестактности отдаваемых распоряжений, поэтому «военный отдел все распоряжения Ширшова с 27 августа до приезда председателя военного отдела т. Виноградова... и Завгубюста т. Мухина из Харькова, исполнять не будет». Кроме того, Брагин передал материалы о действиях Ширшова в конфликтный подотдел губернского комитета партии (губкома) [28]. Но президиум Донецгубисполкома предсказуемо встал на сторону председателя ДГРТ и 29 августа предложил Ширшову отстранить Е.С. Брагина от работы [29].

Однако и Е.С. Брагин получил поддержку по линии вооруженных сил. Его обращение было рассмотрено 30 августа в Харькове председателем Реввоен трибунала ВСУК В. Сорокиным, который приказал сообщить Брагину, что он является подчиненным председателя РВТ ХВО, куда ему и надлежало обращаться впредь [30]. В. Сорокин также запросил подробности конфликта и 1 сентября дополнительно сообщил, что по итогам разбирательств в Наркомате юстиции УССР принято решение отозвать Ширшова с должности председателя ДГРТ [31].

30 августа 1921 г. вернувшийся в Бахмут из Харькова П.П. Виноградов письменно проинформировал председателя ДГРТ о том, что «с сего числа РВТ ДонТА, ныне переименованный в военный отдел губревтрибунала, мною переформировывается в отдел Реввоен трибунала ХВО при Донецкой дивизии войск ВЧК» [32]. Подпись П.П. Виноградова под этим документом оригинальна: «бывший председатель Реввоен трибунала Донецкой трудовой армии». Эта «должность» словно подчеркивает всю сложность процесса реорганизации РВТ ДонТА, который к концу августа «разрывался» между подсистемами гражданских и военных трибуналов.

В ответ местные власти 1 сентября 1921 г. направили телеграмму Наркому юстиции УССР С.Ф. Буздалину. Сообщив новость о переформировании военного отделения ДГРТ, губернские власти путанно требовали разъяснений: «куда направлять дела подсудные военотделению». Апеллируя к Наркому юстиции, они сообщали, о том, что «много имеется дел влекущих присуждение к высшей мере наказания», однако, права присуждения к расстрелу у ДГРТ теперь не было. С.Ф. Буздалина просили «срочно выяснить создавшееся положение», и временно предоставить губернскому ревтрибуналу право присуждать к высшей мере наказания [33].

В свою очередь П.П. Виноградов 1 сентября 1921 г. известил председателя РВТ ВСУ В. Сорокина о том, что приступил к работе по реорганизации РВТ ДонТА в ОРВТ ХВО [34]. 4 сентября 1921 г. П.П. Виноградов уже как председатель отдела РВТ ХВО при Дондивизии войск ВЧК информировал Реввоен трибунал ХВО об организации отдела [35].

Однако 6 сентября 1921 г. в Бахмут был направлен приказ председателя РВТ ВСУ В. Сорокина от 3 сентября с неожиданным требованием воздержаться от создания отдела РВТ ХВО. 12 сентября приостановление реорганизации РВТ ДонТА было подтверждено Реввоен трибуналом ХВО, вследствие чего ранее изданные приказы, касавшиеся переорганизации военного отделения ДГРТ в ОРВТ ХВО были отменены [36]. Вероятно, в Харькове в ситуацию вмешался Наркомат юстиции УССР.

10 сентября Ширшов, на основании постановления Наркомюста УССР, подтвержденного губернским исполкомом и губкомом, передал обязанности председателя ДГРТ И.С. Ганже [37]. Видимо, это был компромисс, призванный исчерпать конфликт. Неоднозначность ситуации требовала дополнительной фиксации текущей принадлежности военного отделения. Поэтому в приказе по ДГРТ от 12 сентября 1921 г. № 145 была дана четкая позиция руководства губрев трибунала: «Согласно постановления комиссии от 24 июля... считать Революционный военный трибунал Донецкой трудовой армии слившимся с Донецк губрев трибуналом: причем из бывшего РВТ ДонТА при губрев трибунале сформировать военное отделение, которое и считать действующим» [38].

Новый раунд аппаратной борьбы начался с того, что руководитель подсистемы революционных военных трибуналов УССР В. Сорокин, успевший ко второй декаде сентября вступить в должность председателя Военного отдела Верховного Трибунала при ВУЦИК, предпринял еще одну попытку переформировать РВТ ДонТА. 13 сентября 1921 г. он вынес данный вопрос на рассмотрение пленума недавно созданного Верховного Трибунала, решением которого была «подтверждена реорганизация РВТ ДонАрмии в отдел РВТ ХВО при Донецкой дивизии войск ВЧК» [39]. В. Сорокин 15 сентября предложил П.П. Виноградову немедленно открыть действия отдела РВТ ХВО при соответствующей дивизии и принять обратно дела, которые были переданы в губрев трибунал [40].

Донецкий губисполком отреагировал на телеграмму В. Сорокина очередным обращением к Наркому юстиции УССР С.Ф. Буздалину. На этот раз губисполком сразу заявил о том, что РВТ ДонТА уже не существует, весь его аппарат целиком вошел в состав ДГРТ, и из него было организовано военное отделение губернского рев трибунала, уже открывшее свои действия. Губернские власти подчеркивали, что все сотрудники губрев трибунала и его военного отделения находились в распоряжении губисполкома и губкома. Для организации отдела РВТ ХВО при Дондивизии ВЧК Военному отделу Верховного Трибунала предлагалось выслать людей дополнительно.

Донецкий губисполком твердо стоял на своем: «из губревтриба никто отпущен не будет, о чем и отдано распоряжение губревтриба. Повторяем, что РВТ Донармии нет, а тов. Виноградов находится в распоряжении губкома и губревтриба и отпущен он на другое место не может быть» [41].

Возможно, отголоски этой переписки нашли отражение в приказе по ДГРТ от 15 сентября 1921 г. № 146, в котором снова подчеркивалось, что «до особого распоряжения весь технический аппарат бывшего РВТ ДонТА с сохранением своей внутренней организационной структуры, должен обслуживать исключительно военное отделение губревтрибунала». Но вместе с тем уже ставилась задача «с 19 сентября с.г. военному отделению приступить к сдаче в общий архив губревтрибунала архив РВТ ДонТА» [42].

Отсутствие понимания текущего статуса РВТ ДонТА демонстрирует письмо из штаба Донецкой трудовой армии от 13 сентября, в котором Донгубревтрибунал просили сообщить «считать ли бывший РВТ ДТА вошедшим военным отделом в состав губревтрибунала, или же он остается по-прежнему в составе Армии». Ответ председателя ДГРТ И.С. Ганже однозначен: «бывший РВТ ДонТА вошел целиком со своим аппаратом в губревтрибунал и в составе армии числиться не должен» [43].

19 сентября 1921 г. зампред Донецкого губисполкома С.М. Мазлах наложил резолюцию на телеграмму В. Сорокина от 15 сентября: «временно, до получения на наш запрос ответа от Наркомюста, воздержаться» [44]. Президиум Донгубисполкома предложил председателю ДГРТ И.С. Ганже «телеграфное распоряжение председателя Воен. отдела Верховного Трибунала... не производить в исполнение» [45]. 23 сентября это предложение поддержал губернский отдел юстиции (губюст) [46]. Данные установки продублировал приказ по ДГРТ от 20 сентября № 148 [47].

Таким образом, Донецкий губисполком, губком, губюст, и губревтрибунал выступили «единым фронтом» против очередной попытки реорганизации военного отделения ДГРТ. Кроме того, 19 сентября на заседании президиума губисполкома П.П. Виноградов был временно утвержден в должности заместителя председателя губревтрибунала - председателя военного отделения [48]. 20 сентября Виноградов, смирившись с силой обстоятельств, направляет свои объяснения по поводу происходящего председателю Военотдела Верхтриба ВУЦИК В. Сорокину. В своем донесении он указывает, что губисполком «категорически вмешался» в реорганизацию бывшего РВТ ДонТА в ОРВТ ХВО при Донецкой дивизии, войдя в телеграфные переговоры с Наркомюстом УССР, ссылаясь на то, что бывший РВТ ДонТА в данное время фактически является военным отделением губревтрибунала. «В силу указанного, формирование ОРВТ Дондивизии временно не могу провести в жизнь. Впредь, до разрешения этого вопроса Верхтрибом с губисполкомом и губпарткомом», - оправдывался П.П. Виноградов [49].

Вскоре началось организационное поглощение, сохранявшей некоторое время автономность, структуры бывшего РВТ ДонТА. Ввиду нецелесообразности самостоятельного существования с 25 сентября были упразднены общая канцелярия и судебная часть военного отделения [50].

По всей видимости, В. Сорокин продолжал настаивать на выполнении своего распоряжения, что привело к появлению повторных объяснений П.П. Виноградова от 28 сентября: «ссылаясь на... произошедшее фактическое слияние трибуналов, т.е. передачи аппарата и имущества бывшего РВТ ДонТА особой комиссией Штаба Армии губревтрибу, назначения меня губисполкомом и губпарткомом на должность зампреда трибунала и предвоенотдела, на основании всего этого губисполком, губпартком и губревтриб предложили организации ОРВТ ХВО при Дондивизии не производить в силу чего и Вашего распоряжения... выполнить не мог» [51].

29 сентября из Харькова пришла телеграмма председателя Верховного Трибунала при ВУЦИК П.А. Зарывайко, в которой предлагалось «ввиду проведенной реорганизации, объединения трибуналов Украины... немедленно образовать кроме общих, военные отделения трибуналов с единой следственной частью и управлением делами» [52].

1 октября 1921 г. П.П. Виноградов оправдывался уже перед самим председателем Верховного Трибунала при ВУЦИК: «губисполком выезд мне в Харьков запретил, заместителя которому я бы мог сдать дела нет, и губревтриб не назначает, в силу указанного Вашего распоряжения выполнить не могу» [53]. В то же время губернские власти принимали не только запретительные меры. 4 октября П.П. Виноградов был утвержден в должности заместителя председателя губревтрибунала - председателя военного отделения, уже на постоянной основе [54].

8 октября председатель Верховного Трибунала УССР П.А. Зарывайко затребовал у губернских ревтрибуналов отчетные ведомости о движении дел в последние три месяца, и информацию об организации военных отделений [55]. Повышенное внимание П.А. Зарывайко к организации военных отделений губернских ревтрибуналов позволяло поставить точку в затянувшемся заочном межведомственном споре.

С 9 октября начал издаваться один общий приказ для всего ДГРТ. Бывшие военные следователи РВТ ДонТА были утверждены особыми народными следователями военного отделения губревтрибунала. Все дела личного состава военного отделения передавались в стол личного состава губревтрибунала. Все имущество и вещественные доказательства бывшего РВТ ДонТА были переданы завхозу ДГРТ. А в приказе от 10 октября 1921 г. № 158 фиксировалось полное слияние хозяйственной части военного отделения и хозчасти губревтрибунала [56]. Поэтому можно согласиться с мнением О.К. Михеевой о том, что в октябре 1921 г. произошло окончательное слияние РВТ Донтрудармии с Донгубревтрибуналом [57]. В связи с этим структура и штаты ДГРТ претерпели значительные изменения.

Возглавивший военное отделение П.П. Виноградов 10 февраля 1922 г. стал председателем Донецкого губревтрибунала [58]. В официальной автобиографии, указывая на начало работы в ДГРТ с августа 1921 г., он ничего не сообщает о своем участии в неудачной попытке сформировать отдел РВТ ХВО [59]. Справка, подтверждающая отсутствие П.П. Виноградова «по причине командировки по делам службы» в Харьков в период с 26 по 30 августа, была проведена по приказу ДГРТ только 28 декабря 1921 г., подведя черту под эпопеей реорганизации РВТ ДонТА [60].

Таким образом, в июне-июле 1921 г. процесс слияния РВТ ДонТА с ДГРТ, путем реорганизации в военное отделение последнего, начинался по инициативе губернских властей, пытавшихся усилить кадровый потенциал трибунала, и опирался на нормативно-правовую базу РСФСР. На завершающем этапе в сентябре-октябре, этот процесс проходил уже в рамках окончательно сформированной генеральной линии республиканского руководства на преобразование системы революционных трибуналов УССР, проведение которой было обеспечено местной нормативно-правовой базой. Революционные военные трибуналы в основной своей массе упразднялись или реорганизовывались, большую значимость приобретали гражданские губернские ревтрибуналы, усиленные военными отделениями. На этом примере можно отметить единство государственной политики в отношении реорганизации работы революционных трибуналов в советских республиках в 1921 г., но первенство в выработке этой политики принадлежало РСФСР.

Примечательной особенностью процесса реорганизации Революционного военного трибунала Донецкой трудовой армии в военное отделение Донецкого губернского ревтрибунала стал, сопровождавший его, острый аппаратный конфликт. Вероятно, изначально конфликтная линия поведения П.П. Виноградова, может отражать конкуренцию между подсистемами гражданских губернских революционных трибуналов и революционных военных трибуналов, имевшую место на начальном этапе становления советской судебной системы. Эта конкуренция обострилась на фоне ликвидации большинства революционных военных трибуналов УССР. Также данный эпизод является ярким свидетельством характерной для переходного периода конкуренции между различными, по сфере компетенции и уровням, советскими органами власти, взаимоотношения между которыми не были до конца урегулированы. В данном случае одна из основных линий аппаратного конфликта, разворачивающегося на фоне окончания Гражданской войны и связанного с этим снижения значимости вооруженных сил, проходит между местными гражданскими и республиканскими военными властями.

Ссылки и примечания:

1. Міхеєва О.К. Радянська судова система в Донбасі: становлення і специфіка роботи (1917-1925 рр.) / О.К. Міхеєва // Нові сторінки історії Донбасу: Ст. Кн.8 / Голов. ред. З.Г. Лихолобова. Донецьк, 2000. С. 113.
2. Руденко М.В. «Временная инструкция для военного отделения Донецкого губернского революционного трибунала», как пример локального нормотворчества в ходе реорганизации ревтрибуналов в УССР / М.В. Руденко // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 4 (67). С. 41-45.
3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (Далее - ГА ДНР). Ф. Р-2470. Оп.1. Д.8. 55 Л.
4. Там же. Л.14.
5. Там же. Л.23.
6. Там же. Л.54.
7. Там же. Д.421. Л.16.
8. Там же. Д. 24. Л. 86.
9. Там же. Д.8. Л.18.
10. Міхеєва О.К. Кримінальна злочинність і боротьба з нею в Донбасі (1919-1929). Донецьк: Східний видавничий дім, 2004. С. 134.
11. Там же.
12. Смирнов Н.Г. Высшие суды революции (Центральные революционные трибуналы. 1918-1922 гг.). М.: Знание, 1990. С. 51
13. ГА ДНР. Ф. Р-2470. Оп.1. Д.8. Л.34.
14. Смирнов Н.Г. Указ. соч. С. 52.
15. ГА ДНР. Ф. Р-2470. Оп.1. Д.8. Л.21 об.
16. Там же. Л.48 об.
17. Там же. Л.49.
18. Там же. Л.18.
19. Там же. Д.8. Л.54.
20. Там же. Л.7.
21. Там же. Д. 406. Л. 2; Там же. Д. 24. Л. 171; Там же. Д. 423. Л. 10, 13, 34.
22. Там же. Д.8. Л.2.
23. Там же. Л. 25.
24. Там же. Д. 421. Л. 8-8 об.
25. Там же. Д. 404. Л. 80; Там же. Д. 421. Л. 1.
26. Там же. Д.8. Л.12.
27. Там же. Л.3.
28. Там же. Д. 423. Л. 46.
29. Там же. Л. 72.
30. Там же. Д. 406. Л. 31.
31. Там же. Д. 421. Л. 13-14.
32. Там же. Д.8. Л.1.

33. Там же. Л.9.
34. Там же. Д. 421. Л. 9.
35. Там же. Л. 10.
36. Там же. Л. 11-12, 23.
37. Там же. Д. 404. Л. 21.
38. Там же. Л. 3 об.
39. Там же. Д.8. Л.28.
40. Там же.
41. Там же. Л.39.
42. Там же. Д. 404. Л. 4 об.-5.
43. Там же. Д. 406. Л. 28 об.-29.
44. Там же. Д.8. Л.53.
45. Там же. Л.26.
46. Там же. Л.52.
47. Там же. Д. 404. Л. 23-24 об.
48. Там же.
49. Там же. Д.421. Л. 26.
50. Там же. Д. 404. Л. 9.
51. Там же. Д.421. Л. 27.
52. Там же. Д.8. Л.44-44 об.
53. Там же. Д.421. Л. 28.
54. Там же. Д. 404. Л. 13.
55. Там же. Д.8. Л.33.
56. Там же. Д. 404. Л. 14, 16, 31.
57. Міхеєва О.К. Указ. соч. С. 135.
58. ГА ДНР. Ф. Р-2470. Оп.2. Д.22. Л.4.
59. Там же. Л.21 об.
60. Там же. Оп. 1. Д. 404. Л. 80.

УДК 94:3.072.6:63:141.8-048.35(477.62)«193»

В.А. Стадник

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: vova.barin70@mail.ru

РОЛЬ ОРГАНОВ КК-РКИ В ПРОВЕДЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ФОРМИРОВАНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ФОНДОВ ДОНБАССА в начале 1930-х гг.

Аннотация

В статье рассматривается роль территориальных органов Контрольных комиссий Рабоче-крестьянской инспекции в преодолении социально-экономических проблем, связанных с модернизацией сельского хозяйства в Донбассе в период коллективизации. На основе архивных и опубликованных материалов отображены данные, характеризующие особенности разноплановой деятельности местных контролирующих органов в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: *Контрольные комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции, Советский Союз, Донбасс, коллективизация, сельскохозяйственные районы, партийное руководство, социалистическая модернизация.*

Summary

The article considers the role of territorial bodies of Control commissions of the Workers' and peasants' Inspectorate in overcoming socio-economic problems connected with the modernization of agriculture in the Donbas during the collectivization. On the basis of archival and published materials, data describing the features of the diverse activities of local regulatory authorities in the late 1920s and early 1930s are displayed.

Keywords: *Control commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate, Soviet Union, Donbass, collectivization, collective farms, agricultural areas, party leadership, socialistic modernization.*

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в экономике Советского Союза наметились достаточно сложные и противоречивые тенденции, связанные с реформированием сельского хозяйства и его переходом на социалистические методы развития и управления.

Особую роль в процессе модернизации народнохозяйственного комплекса партия и правительство отводила территориальным контрольным комиссиям Рабоче-Крестьянской инспекции (далее КК-РКИ). В сельском хозяйстве эти

органы контролировали развитие колхозного строительства, хозяйственно-финансовую помощь колхозам, снабжение сельхозинвентарем и машинами, заготовки сельхозпродукции, а также выявляли причины распада или ликвидации некоторых колхозов, боролись с перегибами и злоупотреблениями.

Основной целью статьи является изучение деятельности территориальных контролирующих органов в процессе проведения социалистической модернизации аграрного сектора Донбасса в начале 1930-х гг.

Данная статья написана на материалах Государственного архива Донецкой Народной Республики и опубликованных источников (решения и резолюции съездов, пленумов и конференций), характеризующих разноплановую деятельность местных органов контроля в указанный период.

Автор статьи, на основании проанализированного материала, комплексно рассматривает направления работы территориальных контролирующих органов в рамках проведения коллективизации сельского хозяйства.

Коренные социалистические преобразования в начале 1930-х гг. сопровождалась определенными кризисными явлениями. В этой связи важно рассмотреть указанные явления, анализируя документы о работе контролирующих органов в сельскохозяйственных районах Донбасса. Следует отметить, что одним из ключевых направлений в деятельности территориальных КК-РКИ был контроль над хлебозаготовками в рамках проведения коллективизации. Кроме этого контролирующие органы следили за борьбой с антисоветскими элементами в коллективных хозяйствах и кадровой чисткой, а также за бытовыми условиями жизни колхозников. В своей работе эти органы руководствовались конкретными постановлениями центральных органов власти.

Прошедший в июне-июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) осудил, допущенные при модернизации сельского хозяйства перегибы и указал ЦКК-РКИ «...беспоощадно бороться со всеми искажениями партийной линии в колхозном строительстве, а именно: нарушением добровольности, подменой общественной инициативы командными методами управления. ЦКК-РКИ должна была проверять организацию и ход борьбы за повышение эффективности и качества работы колхозов и совхозов, добиваясь снижения себестоимости продукции, полного использования оборудования, правильной организации повышения производительности труда»[1].

Одним из важнейших вопросов в колхозном строительстве со стороны КК-РКИ было установление четкой системы учета труда и распределения сельскохозяйственной продукции.

В Постановлении Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ от 2 июля 1931 года было обозначено в месячный срок разработать структуру управления в колхозах и по отдельным отраслям хозяйства создать самостоятельные отделы по разным видам животноводства (молочная ферма, свинарники, коровники). Кроме годовых производственных планов должны были составляться и сезонные производственные планы по весенней посевной кампании и осенней уборочной

кампании, в том числе и по хлебозаготовкам, осеннему севу и зяблевой пахоте. Местным органам КК-РКИ и секциям РКИ было предложено объединить свою работу с ревизионными комиссиями колхозов.

В указанном выше документе особая роль контролирующим органам отводилась проверке исполнения решений партии и правительства, в котором коллективные хозяйства должны были взять на себя ответственность как за хлебопоставки, так и за производство и заготовку мясомолочной продукции. Исполняя указания высшего партийного руководства, пленум ЦК КП(б)У в июне 1931 года вынес на рассмотрение вопрос о состоянии и развитии животноводства в совхозах и колхозах. Было принято решение до конца 1931 года довести поголовье коров в совхозах до 251 тыс., в колхозах – до 600 тыс., в том числе на молочных фермах – до 150 тыс. [2].

Однако, на местах в исполнение этого решения не обошлось без перегибов: зачастую мясомолочные фермы создавались за счет полного обобществления скота крестьянских хозяйств. Поэтому в Постановлении ЦК ВКП(б) «О принудительном обобществлении скота» от 26.03.1932 г. в жесткой форме было указано о категорическом недопущении изъятия коров и мелкого скота у колхозников, что нарушало устав сельскохозяйственной артели. Виновные привлекались к строжайшей партийной ответственности. Документ определял необходимые меры оказания помощи колхозникам в приобретении и выращивании молодняка для личных нужд [3].

Президиум ЦКК КП(б)У – Коллегия НК РКИ УССР в собственном Постановлении от 8.05.1932 г. констатировали, что в Украине были достигнуты определенные успехи в деле организации колхозных животноводческих товарных ферм и выполнении производственных планов по сдаче товарной продукции животноводства (молока, масла, мяса). Однако в некоторых районах, в том числе и в Донбассе, были допущены серьезные просчеты и нарушения линии партии в решении этого вопроса, а именно: недостаточность обеспечения кормами, отсутствие помещений для скота и молодняка, слабое ветеринарное обслуживание и уход за поголовьем на животноводческих фермах, нехватка квалифицированных кадров, плохая организация труда, слабое развитие колхозной торговли продуктами животноводства на рынках. В связи с этим контролирующие органы республики обязали территориальные КК-РКИ Донбасса совместно с земельными органами провести проверки работы областных и районных колхозных союзов, и специальных животноводческих центров.

В отчете о работе городской КК-РКИ заместитель председателя ОблКК-РКИ Петерсон на III городской партконференции в июле 1932 г., отметил недоработки в выполнении планов по развитию животноводства, в частности, свиноводства: поголовье свиней составляло в среднем 50-55% от намеченного. Были выявлены факты плохого ухода за крупным рогатым скотом, а именно: не заготовлены корма, отсутствовал ветеринарный контроль за коровами, некачественно проводился удой. В ходе контрольных проверок в совхозе

«Горняк» было установлено, что вследствие некачественной дойки заболело 84 коровы, при контрольной дойке корова выдавала еще по 200 гр. молока [4].

Начиная с осени 1932 года необходимо было провести практические мероприятия по обеспечению колхозного скота кормами и помещениями на зиму, оказать помощь колхозникам, которые не имели коров или мелкого скота в покупке и выращивании молодняка для личных потребностей. Территориальным органам ЦК-РКИ в Донбассе предписывалось провести месячник смотра и организационно-хозяйственного укрепления колхозных товарных ферм. Для этого предполагалось привлечь группы содействия РКИ в составе работников животноводческих ферм. В результате практически полного отсутствия колхозной торговли животноводческой продукцией, Укрколхозцентру было предложено развернуть практическую работу по организации колхозной торговли, в первую очередь в районах строительства крупных промышленных объектов, что соответствовало решениям центральных и местных партийно-хозяйственных органов по созданию и развитию собственной продовольственной базы в Донбассе. Также планировалось решить проблему ветеринарного обслуживания животноводческих ферм, включавшей подготовку и обеспечение колхозов ветеринарно-зоотехническими кадрами. В процесс организации и продуктивной деятельности животноводческих ферм привлекались МТС, которые обеспечивали проведение сенокосной и сеноуборочной кампании, силосования кормов. Сельскохозяйственной группе ЦКК-НК РКИ УССР было поручено установить контроль за выполнением Постановления от 8.05.1932 г. и доложить чрез три месяца в Президиум ЦКК – Коллегию НК РКИ [5].

Одной из важнейших задач повышения продуктивности работы колхозов являлась согласованность их действий с машинно-тракторными станциями (далее – МТС). Для этого было принято решение о необходимости наличия в колхозах книги инструкторских посещений, в которую должны были заноситься все замечания и указания, относительно обслуживания колхозов МТС [6]. Именно МТС должны были обеспечивать колхозы и совхозы сельхозтехникой на условиях аренды. Еще в июне 1929 года Совет труда и обороны (далее – СТО) принял Постановление о создании МТС, и, во исполнение этого Постановления, был учрежден Трактороцентр для организации сети государственных МТС на местах. Указанное Постановление было подписано заместителем председателя СТО СССР Я.Э. Рудзутаком, являвшемся также членом Политбюро ЦК ВКП(б) и наркомом путей сообщения СССР [7]. Вскоре Я. Рудзук станет председателем ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР, сменив на этом посту С. Орджоникидзе.

В Донбассе сеть МТС увеличивалась быстрыми темпами. В течение 1930-1934 гг. их количество увеличилось с 1 до 91, а тракторный парк – с 14 до 5893 тракторов [8].

Важнейшим фактором в организации колхозного строительства, контроле государства за производством сельхозпродукции и объемами хлебозаготовок выступали политотделы МТС и совхозов, которые действовали под четким

контролем территориальных (областных/районных) КК-РКИ. Необходимость создания политотделов в сельской местности была обусловлена на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 7-12 января 1933 г. Политотделы МТС и совхозов должны были развернуть массовую политическую работу в колхозах и совхозах, организовать хозяйственное укрепление колхозов, обеспечить контроль во всех отраслях сельскохозяйственных работ и бережное отношение к инвентарю, тягловому скоту. Первоочередная задача для политотделов – обеспечение безоговорочного и своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством, и, особенно, решительная борьба с разворовыванием колхозного имущества, борьба с проявлениями саботажа в ходе заготовок хлеба и мясомолочной продукции[9].

В информационном письме Донецкой областной КК-РКИ от 13.09.1933 г. были обозначены направления деятельности политотделов совместно с КК-РКИ, такие как: 1) разъяснительная работа с колхозниками по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и мобилизации активности народных масс на лучшее проведение сева, уборки, молотбы, хлебосдачи; 2) непосредственное участие работников КК-РКИ и политотделов в полевых, уборочных работах; 3) совместно с КК-РКИ подготовка политотделами технических кадров, сельской интеллигенции (агрономов, землемеров, ветеринаров) [10].

Территориальные органы КК-РКИ проводили проверки подготовки тракторного парка к полевым работам, осуществляли контроль за текущим ремонтом сельхозтехники, обеспечением МТС горюче-смазочными материалами, а также за ходом хлебозаготовок в Донецкой области. Так, по данным КК-РКИ, в информационном письме в ЦКК ВКП(б) НК-РКИ СССР и ЦК КП(б)У НК-РКИ Украины, на 01.01.1933 г. план по Донецкой области был выполнен лишь на 76%. Были указаны районы Донецкой области, наиболее отстающие в выполнении плана по заготовкам зерна, и, впоследствии, внесенные на «черную доску». Среди отстающих были указаны следующие районы: Ворошиловский (48,7% от общего плана хлебозаготовок), Старо-Никольский (61,5%), Чистяковский (60,6%), Краматорский (63,9%), Артемовский (57%), Ровенецкий (62,8%). Заместитель председателя ОблКК-РКИ Петерсон и руководитель сельхозгруппы Тохтамышев объясняли, что причины невыполнения планов по хлебозаготовкам связаны с недостаточной организованностью местных районных партийных комитетов и райКК-РКИ, игнорированием и даже, в отдельных случаях, саботированием указаний вышестоящих организаций – Донецкого обкома КП(б)У и ОблКК-РКИ. Не были приняты меры в деле учета объемов собранного хлеба, его транспортировки, обмолота и хранения. Были допущены преступные действия со стороны администрации некоторых колхозов, а именно – разбазаривание и хищение зерна, его сокрытие, преднамеренная порча колхозного инвентаря. Исходя из выявленных нарушений, президиум ОблКК-РКИ от 24.12.1932 г. признал работу ряда городских и районных контрольных комиссий в вопросах хлебозаготовок

неудовлетворительной. В отстающие от выполнения плана районы были откомандированы работники ОблКК-РКИ [11].

Территориальные КК-РКИ, в ходе заготовительной кампании, осенью 1932 года, активизировали «чистки» партийно-хозяйственного актива колхозов и совхозов и создали условия для борьбы с саботажниками и вредителями. Примечательно, что от этой чистки не был никто застрахован. Результаты «чистки» были зафиксированы в секретном информационном письме за декабрь 1932 года председателя ОблКК-РКИ И.Г. Перекатова в центральные органы контроля Москвы и Харькова. Только в Макеевском и Старо-Никольском районах было исключено из партии и отдано под суд более 30-ти руководителей партийно-хозяйственного актива колхозов. Подсудимые обвинялись в сокрытии доходов, воровстве, разбазаривании сельхозпродукции, пьянстве [12].

Одним из важнейших аспектов деятельности местных органов контроля в начале 1930-х гг., в области колхозного строительства, была проверка подготовки проведения весенней посевной кампании. Инспекция затронула отстающие, по выполнению планов хлебозаготовок и организации колхозного труда, районы Донбасса (Чистяковский, Сватовский, Лисичанский, Кадиевский, Константиновский, Рыковский, Амвросиевский, Макеевский, Гришинский [13]. В информационном письме Донецкой областной КК-РКИ ко всем городским и районным КК-РКИ от 15.03.1933 г. указано, что подготовка к весеннему севу продолжает оставаться совершенно неудовлетворительной, в отдельных районах установлены факты сокрытия хлеба. В неудовлетворительном состоянии находился и ремонт тракторного парка МТС [14].

Несмотря на ряд предпринятых по линии обкома и ОблКК-РКИ практических мероприятий по подготовке к весеннему севу, в Донецкой области положение с засыпкой семфондов оставалось крайне неудовлетворительным [15]. Однако, в ряде случаев, одной из причин просчетов в подготовке к весенней посевной кампании 1933 г. была и определенная бездеятельность самих контролирующих органов – районных КК-РКИ.

Таким образом, в ходе социалистических преобразований в процессе колхозного строительства в Донбассе, территориальные органы КК-РКИ провели колоссальную разноплановую работу по организации и учету труда в колхозах, заготовкам сельхозпродукции, очищению колхозного управленческого аппарата от враждебных элементов. Органы контроля выявили и зафиксировали факты бюрократической волокиты в организации труда, значительных потерь при уборке, хранении и перевозке урожая, хищения хлеба, плохого ухода за тягловым скотом, необоснованных репрессий по отношению к крестьянам. Однако были констатированы и существенные недостатки в деятельности самих контролирующих органов. В связи с этим работа некоторых районных КК-РКИ была признана неудовлетворительной. Вместе с тем, при активном участии органов контроля на местах, за сравнительно короткий срок, сельское хозяйство Донецкого края было преобразовано из частного мелкотоварного производства в

єдиний комплекс колективних господарств з чітко вираженою структурою управління та організації праці, а також урахування виробленої продукції.

Ссылки и примечания:

1. По отчету ЦКК-РКИ: Резолюция и постановление XVI съезда ВКП(б), 26 июня-13 июля 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): в 16 т. Т.5: 1929-1932. – М.: Политиздат, 1984. – С.136-137.
2. Кульчицкий С.В. Ціна «великого перелому» / С.В. Кульчицький. – К.: Україна, 1991. – С.183.
3. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927-1935 / АН СССР. Ин-т истории. – Москва: АН СССР, 1957. С.410-411.
4. Третья городская партконференция. Отчет о работе городской контрольной комиссии. Доклад тов. Петерсона// Диктатура труда. – 1932. – 4 июля. С.2.
5. Постанова Президії ЦКК КП(б)У – Колегії НК РСІ УРСР про стан колгоспного тваринництва (№190), 8 травня 1932 р. // Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917-1937 рр. [Текст]: [зб. док. і матеріалів у 3 т.]. Т.2.: Здійснення суцільної колективізації на Україні, 1927-1932 рр. / [редкол.: І.Х. Ганжа та ін.]; АН УРСР, Ін-т історії. - Київ: Наук. думка, 1965. – С.598-603.
6. Постанова об'єднаного засідання Президії ЦКК КП(б)У – Колегії Наркомату РСІ про систему управління в колгоспах (№98), 2 липня 1931 р. // Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917-1937 рр. [Текст]: [зб. док. і матеріалів у 3 т.]. Т.2. – С.365-367.
7. Верхотуров Д.Н. Сталинская коллективизация. Борьба за хлеб / Д. Верхотуров. – М.: Вече, 2019. – С.249.
8. Михненко А.М. Історія Донецького басейну другої половини ХІХ – першої половини ХХст.: Монографія. – Київ, Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2003 – С.229.
9. Резолюція січневого об'єднаного пленуму ЦК і ЦКК ВКП(б) 1933 р. про цілі і завдання політичних відділів МТС і радгоспів (№2), 11 січня 1933 р. // Історія колективізації сільського господарства Української РСР. 1917-1937 рр. [Текст]: [зб. док. і матеріалів у 3 т.]. Т.3: Зміцнення і дальший розвиток колгоспного ладу на Україні: 1933-1937 рр. / [редкол.: І.Х. Ганжа та ін.]; АН УРСР, Ін-т історії. - Київ: Наук. думка, 1971. – С. 24-34.
10. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее -ГА ДНР). Ф. Р-835. Оп.1. Д.25. Л.1.
11. Там же. Д.5. Л.174.
12. Там же. Л.181-183.
13. Там же. Д.76. Л.5, 189-191.
14. Там же. Д.25. Л.5, 138-139.
15. Там же. Л.139-143.

УДК 654.197:94(477.6)

Е.В. Манжула

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» ЛНР

e-mail: jerf19702312@yandex.ua

СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ДОНБАССА В 1950-х – 1960-х гг.

Аннотация

В статье проанализирована материально-техническая база и организационная структура учреждений телевидения Донбасса в 1950-е – 1960-е годы. Освещена специфика конкретного региона в деле формирования телевизионных структур.

Ключевые слова: телевидение, Донбасс, материально-техническая база.

Summary

In this article physical infrastructure and organisation of television in the Donbass region was analyzed. The author described specific of the region in the building of the television structures.

Keywords: television, the Donbass, physical infrastructure.

Телевидение как одна из наиболее значимых информационных систем на протяжении многих десятилетий остается важнейшим инструментом формирования общественного мнения, ценностных установок, поведенческих стереотипов. Существует объективный общественный запрос на возможность передачи социального опыта через телерадиовещательные системы, а также есть потребность исторической науки в изучении процесса влияния телевидения на формирование мировоззренческой культуры различных социальных групп. Важен для изучения подобной проблематики опыт Донбасса, имеющего исторически сложившиеся этносоциальные особенности и оказавшегося сегодня в непростых обстоятельствах общественно-политических перемен.

Рост материально-технической базы советского телевидения в 1950-е – 1960-е годы являлся тем мощнейшим фактором, который существенно расширял средства для реализации партийно-государственных инициатив и, в целом, повышал эффективность государственной политики. Телевидение, как известно, функционирует благодаря наличию передающей и принимающей сети специальных устройств. Выявить степень эффективности в работе учреждений телерадиовещания по реализации государственной политики в отношении различных социальных групп можно лишь по факту исследования материально-

технических возможностей конкретных средств телевидения применительно к исследуемому региону.

Имеется большое количество работ советского и постсоветского периодов, посвященных проблемам становления и развития телерадиовещания в УССР. Здесь имеются в виду публикации И. Кириченко, Г.Я. Буртяка, М.Ф. Охмакевича, В.О. Артеменко и других [1;2;3;4;5]. Характеристика развития материально-технической базы советского телевидения представлена в работах С.О. Добронравовой, Г.Д. Заболотного [6;7]. Специальных исследований посвященных проблемам функционирования телерадиовещания в регионе Донбасса практически не проводилось, за исключением весьма немногих статей в периодических изданиях. Советский период деятельности студий телевидения Донецка и Луганска освещен в работе И.Г. Мащенко «Телевидение Украины», где автор приводит ценный фактический материал по данной проблеме [8].

На рубеже 1950–1960-х годов наблюдался интенсивный количественный и качественный рост материально-технической базы и кадров советского телерадиовещания, обусловивший соответствующие изменения в его организации. Радиовещание, по объективным причинам имевшее более длительную хронологию своего развития, нежели телевидение, наряду с последним было выделено из сферы контроля Министерства культуры СССР и весной 1957 г. подчинено новообразованному Государственному комитету по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР [9]. Таким образом, процесс активного технического совершенствования средств телерадиовещания в стране, наблюдавшийся в 1950-е годы, обусловил интеграцию управления радиовещанием и телевидением с целью обеспечения эффективности их совместной работы в сфере реализации широкого круга партийно-государственных задач.

Поскольку комитет по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР являлся союзно-республиканским органом исполнительной власти, аналогичные комитеты создавались во всех союзных республиках, за исключением РСФСР. Создание вышеупомянутой структуры в УССР обеспечивало централизованное руководство всеми телерадиокомитетами в регионах, в то время как передающие центры до определенного времени находились в сфере ответственности Министерства связи УССР [10]. Таким образом, в 1957 г. телерадиовещательные организации Сталинской (с 1961 г. – Донецкой) и Ворошиловградской (с 1958 по 1970 гг. – Луганской) областей УССР перешли в подчинение областным комитетам по радиовещанию и телевидению, за исключением средств трансляции, которые перевели в сферу контроля указанных структур только в 1970 г. [11].

В исследуемый период одним из важнейших культурно-просветительских инструментов республики оставалось радиовещание, в то время как материально-техническая база телевидения еще не отличалась достаточным потенциалом для привлечения большой зрительской аудитории. Примечателен тот факт, что процесс расширения радио в Украинской ССР, в целом, завершился именно в

январе того же 1957 года, когда была основана Черкасская областная радиостудия [12].

В 1950-е гг. на территории Украинской ССР развернулось интенсивное строительство телецентров. Первым (если не учитывать опытов с «любительским» телецентром в Харькове 1951 г.) осенью 1951 г. был введен в эксплуатацию киевский телецентр, а при нем вступила в строй студия телевидения. Вторым городом республики, оснащенным телевизионной студией стал Харьков, где в феврале 1955 г. был также сооружен телецентр. Примечательно, что Донбасс и, главным образом, Сталинская область, находился в числе передовых регионов на очереди развития принципиально новых систем массовой информации. Третий по счету телецентр в республике был построен в г. Сталино летом 1956 г. Учитывая известную неравномерность в сооружении телецентров в различных регионах УССР, появление в Сталино одного из первых подобных объектов объясняется особым экономико-производственным статусом этого региона, а также его демографической спецификой [13]. Ведь в исследуемый период Донбасс по уровню развития различных отраслей промышленности сохранял за собой статус «всесоюзной кочегарки». Производственный потенциал региона был расширен благодаря усилиям комсомольцев, прибывших сюда в 1956 – 1957 гг. из различных регионов Украинской ССР для строительства угольных шахт. Уже в 1957 г. было построено 37 новых шахт, и, кроме того, три мощные доменные печи, 130-ти километровый канал Северский Донец – Донбасс, Старобешевская тепловая электростанция [14]. По состоянию на 1958 г. в Донбассе добывалась треть советского угля, пятая часть общесоюзного производства чугуна, стали и проката [15]. Донбасс в составе тогдашних Сталинской и Ворошиловградской областей являлся одним из самых густонаселенных регионов СССР [16].

Сталинский телецентр был оборудован типовым серийным комплексом ТЦ-5, благодаря которому на студии площадью в 65 кв. м. осуществлялись съемки первых донбасских телепередач 1956 г. [17]. Годом позднее материально-технические возможности телецентра были доведены до уровня телецентра второго класса [18]. Общая площадь Сталинского телецентра составила 5000 кв. м., из которых под полностью автоматизированную телевизионную студию было отведено 300 кв. м [19]. Кроме студии здесь было размещено макетно-дикторское помещение, а также три радиостудии. В специальных аппаратных залах размещалось новейшее, по тем временам, оборудование 15-квт телевизионного и 7,5-квт звукового передатчиков с элементами автоматизированного управления [20]. Зона уверенного приема телецентра составляла 75 км. Тогда же, в 1957 г., была принята к эксплуатации передвижная телевизионная станция (ПТС-52) для ведения внестудийных передач. Творческий коллектив сталинской студии телевидения составили молодые профессионалы, среди которых были филологи, журналисты, артисты. Возможности сталинской телестудии позволяли уже на первоначальном этапе ее деятельности иметь в своем распоряжении особую

студию телевизионного актера, что обеспечивало выпуск в эфир собственных телеспектаклей и т.п. [21].

В то время как в г. Сталино шло строительство телецентра, у специалистов по телерадиовещанию на республиканском уровне еще не было четких планов по вопросу о том, каким путем будет развиваться телевидение в соседней Ворошиловградской области. Тогда возникали соображения о том, чтобы Донбасс ограничился сталинским телецентром, а в Ворошиловграде предполагали обойтись только возведением ретрансляционной станции, для приема передач других телецентров страны [22]. Тем не менее, в 1956 г. было решено строить полноценный ворошиловградский телецентр. 2 июля 1958 г. новый телецентр вступил в строй. По аналогии с г. Сталино появилась и типовая студия телевидения. В эфир вышли первые незамысловатые телевизионные передачи под приветственные слова диктора Людмилы Ромашкевич [23]. Два года спустя в эксплуатацию была введена передвижная телевизионная станция (ПТС-3), оснащенная камерами КТ-6, что значительно расширило творческие и технические возможности луганского областного телевидения [24].

Серьезной проблемой материально-технической базы телевидения Донбасса в исследуемый период являлось крайне малое количество телевизионных приемников в личном пользовании граждан, несоизмеримое с количеством потенциальных зрителей.

Таким образом, становление и ускоренное развитие материально-технической базы телевидения на Донбассе, в немалой степени, было обусловлено производственной и демографической спецификой региона. Принципиально новое средство массовой информации и пропаганды стало мощнейшим инструментом государственной политики в отношении различных социальных групп.

Ссылки и примечания:

1. Кириченко И. Радио и телевидение на Украине // Радио.—1957.— №8. — С.4.;
2. Буртяк Г.Я. Преса, радіо, телебачення й удосконалення партійної інформації в роки восьмої п'ятирічки: /На матеріалах Української РСР/ // УІЖ.— 1975. — №6. —С. 88-94.;
3. Охмакевич М.Ф. Розвиток телебачення і радіомовлення УРСР // УІЖ.— 1986.— № 5.— С. 5-15.;
4. Артеменко В.О., Проценко В.Й. З історії розвитку радіомовлення на Україні // УІЖ.— 1975.— №5.—С. 93-97.;
5. Кауфман А.М. Деятельность партийных организаций Украины по развитию и совершенствованию телевизионного вещания как средства повышения политической активности масс (1959—1965 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. Днепропетровск, 1970.— 20 с.
6. Добронравова С.О. Развитие материально-технической базы телевидения в Советском Союзе: дисс. канд. эконом. наук.— М.,1991.— 220 с.

7. Заболотний Г.Д. Діяльність парторганізацій України по розвитку матеріально-технічної бази радіомовлення і телебачення (70-ті – середина 80-х років) // Український історичний журнал.–1987.–№3.–С. 112-119.
8. Мащенко І.Г. Телебачення України: у 2-х томах / І.Г. Мащенко.– Т.1.– К.: Тетра, 1998.– 511 с.
9. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина.– М.: Издательство РГГУ, 1994. – 418 с.
10. Данилов А.А. Региональное телевидение в партийно-государственной политике советского периода: исторический опыт среднего Поволжья
11. Марчук В.Е. Органы государственного управления УССР на современном этапе / В.М. Марчук.– К.: Изд-во Академии наук УССР, 1964.– 190 с.
12. Костюк Ю.В. Региональное радиовещание Украины: история и современность // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та, 2014.– №6 (177).– С. 165.
13. Мащенко І.Г. Міфи і реалії телерадіоефіру.– К., 2001.– С. 114.
14. История рабочих Донбасса: в 2-х томах / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора.– Т.2. –К.: Наукова думка, 1981.– С. 138.
15. Близнюк В.Ф. Кількісні зміни в складі робітників Донбасу (1951–1958) // УІЖ.– 1975.–№7.– С. 92–93.
16. Подъячих П.Г. Население СССР / П.Г. Подъячих.– М.: Госполитиздат, 1961. – 189 с.
17. Мащенко І.Г. Телебачення...С. 66.
18. Говалло И. Типовые телевизионные центры // Радио.–1957.–№10.– С.34.
19. Дисский Б. Показывает Сталино // Радио.– 1957.– №10.– С.4 – 5.
20. Дисский Б. Указ соч.... С. 4–5.
21. Мащенко І.Г. Телебачення...С. 66–69.
22. Мащенко І.Г. Міфи і реалії...С. 114.
23. Луганская правда. 4 июля 1958 г.
24. Мащенко І.Г. Телебачення...С. 70.

УДК 304.4:316.334.55(477.6)"1985/1991"

А.В. Дмитриевский

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dmitryjewski@mail.ru

МАЛЫЕ СЁЛА В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1985-1991 ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация:

В период Перестройки в Донецкой области существовала характерная для всего СССР проблема неперспективных сёл. Однако в виду высокого уровня урбанизации и индустриализации региона она была не настолько острой, как для других территорий страны. Предпринимаемые меры по улучшению социальной ситуации в малых сёлах были недостаточными, что вызывало отток населения в города.

Ключевые слова: Донбасс, СССР, социальная политика, Перестройка, неперспективные сёла, инфраструктура, логистика, занятость, досуг, медицина, образование, услуги.

Summary:

During the period of Perestroika, in the Donetsk region, there was a problem typical of the entire USSR for unpromising villages. However, in view of the high level of urbanization and industrialization of the region, it was not as acute as for other territories of the country. The measures taken to improve the social situation in small villages were insufficient, which caused the outflow of the population to the cities.

Keywords: Donbass, USSR, social policy, Perestroika, unpromising villages, infrastructure, logistics, employment, leisure, medicine, education, services.

С вопросом обустройства населённых пунктов была тесно связана весьма характерная для СССР последних тридцати лет его существования связана проблема т.н. «неперспективных деревень». Она возникла в конце 1950-х гг. когда руководством страны был взят курс на укрупнение сельских поселений, колхозов и совхозов, а также приближение деревенского быта к городскому – т.н. «стирание различий между городом и деревней». В Донбассе она тоже имела место, однако имела свои особенности по сравнению с другими регионами УССР и СССР.

В качестве основных источников использовались документы фонда 326 Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Все

использованные в данной публикации архивные материалы вводятся автором в научный оборот впервые.

Сам термин «неперспективное село» или «неперспективная деревня» в официальных документах впервые начал использоваться в решениях Декабрьского 1959 г. пленума ЦК КПСС и разработанных на его базе несколькими месяцами спустя Академией строительства и архитектуры СССР рекомендациях по проектированию сельских населённых пунктов. Использование термина, как и самого аспекта перспективности по отношению к тем или иным поселениям, было отменено в 1980 г. решением Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, и в последующее время населённые пункты такого рода чаще всего обозначались словосочетанием «малые сёла». Было выделено два основных критерия перспективности того или иного села: это численность жителей не менее 1 тыс. человек и наличие развитой транспортной инфраструктуры. Согласно этому критерию перспективными могли считаться около 20% всех сельских населённых пунктов СССР, в которых предполагалось разместить производственные мощности, управленческие учреждения и объекты социальной инфраструктуры, а также куда должны были переселиться жители окрестных неперспективных сёл и хуторов. Форсированное решение проблемы «неперспективных сёл» в СССР велось в основном с 1968 г. по 1978 г. преимущественно путём прекращения поддержания в работоспособном состоянии инфраструктуры в таких поселениях, что вынуждало их жителей к миграции, причём чаще всего – в города, и было свёрнуто как в результате прямых протестов общественности (к их разряду стоит отнести и феномен «деревенской прозы» в русской литературе), так и по причине общего снижения производительности сельского хозяйства. [1].

Согласно информации исполкома Донецкого облсовета по состоянию на 15 января 1970 г. в Донецкой области насчитывалось 1525 сельских населённых пунктов, из них с населением менее 200 человек - 445, удельный вес последних составлял 35,5%. По состоянию на 1 января 1985 г. в Донецкой области насчитывалось 1131 сельских населённых пунктов, из них с населением менее 200 человек - 450, удельный вес последних - 39,8%. В них проживало 43,2 тыс. человек, что составляло 8,2% сельского населения области и менее 1% всех жителей региона. В то же время по данным ЦСУ УССР в Харьковской области удельный вес малых сёл составлял 48,8%, в Днепропетровской - 45,7%, Запорожской - 42,7%, Ворошиловградской - 41,3% [2].

Удельный вес сёл с населением до 200 человек составлял почти 54% в Амвросиевском районе и от 41% до 49% в Артёмовском, Александровском, Добропольском, Тельмановском, Старобешевском и Красноармейском районах [3]. При этом сугубо аграрным из них являлся только Александровский район, во всех остальных либо присутствовала крупная промышленность, как в Старобешевском, Амвросиевском и Тельмановском районах, либо, как Добропольский и Красноармейский, соседствовали с промышленными центрами.

10% малых сёл в Донецкой области были отнесены к категории перспективных, 18% - к категории сселяемых, 72% - сохраняемых, но чья перспектива не определена [4]. Только в одном Красноармейском районе с 1965 по 1990 г. из 116 сёл и хуторов исчезло 21, их жители переехали в близлежащие города. Главной причиной исчезновения называется закрытие 29 начальных и 5 восьмилетних школ, а также медпунктов, почты и магазинов [5].

69% малых сёл в области были расположены на расстоянии от 5 до 10 км от центральных усадеб колхозов и совхозов. Только 40,9% данных населённых пунктов имели остановку общественного транспорта, а в остальных 59,1% малых сёлах ближайшая остановка располагалась на расстоянии от 1 до 9 км. 42% домов в таких поселениях были построены из некапитальных материалов, а 9,5% покрыты только или соломой. Водопровод имелся только в 4,4% домов (790 дворов), баллонный газ – в 42% домохозяйств (6,8 тыс из 16,2 тыс), хотя бы один телефон на село – в 62,4% случаев (379 сёл, 414 номеров). Только 208 сёл имели улицы с твёрдым покрытием, 242 села - электрическое освещение улиц. Практически во всех малых сёлах отмечались трудности с доставкой твёрдого бытового топлива, а газ для отопления почти не использовался [6].

332 села имели свои производственные подразделения. Набор «школа - ФАП - клуб – магазин» имели 98 сёл из 450 или 21,8% их общего числа. С учётом стационарных и передвижных форм услуги торговли получали жители 71,6% таких сёл, культуры – 22%. 37 сёл были расположены от ближайших школ и детских дошкольных учреждений на расстоянии более 5 км. На таком же расстоянии находились 6% сёл не имеющих магазина, 40,7% клубных и медицинских учреждений, 26,4% - киноустановок, 29,8% - библиотек, 36,7% - предприятий бытового обслуживания. В 22% малых сёл вообще не было никакой социальной инфраструктуры [7].

В XII пятилетке для оздоровления ситуации с обеспечением жителей работой в 89 сёлах, расположенных не далее четырёх километров от центральных усадеб и не имеющих собственных производств, решили организовать подвоз людей к месту работы, а в остальных, более отдалённых, было предложено создать новые, в основном – животноводческие, подразделения и подсобные промыслы по выпуску ТНП. Для этого запланировали строительство 13 новых производственных зданий, из них 10 – для животноводства. В 10 сёлах наметили организовать выращивание тутового шелкопряда на базе имеющихся мощностей [8].

Так как оттоку населения из малых сёл способствовали не только недостаточное решение вопроса занятости на местах, но также обеспечение детей школьным и дошкольным образованием, то решили построить дополнительно три школы и семь детских дошкольных учреждений, а также обеспечить подвозом детей к школам из 415 сёл и дошкольников к детским садам из 339 сёл [9].

Для улучшения транспортного обслуживания планировалось к 33 малым сёлам Донецкой области построить 105 км подъездных дорог. Также наметили

дополнительно включить 17 сёл в зону обслуживания общественным транспортом [10].

В целях решения жилищной проблемы, которая в регионе также существовала, хоть и в ограниченных масштабах (преимущественно среди направленных на работу специалистов), и в сельской местности, на 1986-1990 гг. запланировали строительство в малых сёлах 455 жилых домов общей площадью 31, 5 тыс. кв. м. Для расширения благоустройства предлагалось газифицировать в общей сложности 2048 домов, из них 1778 - сжиженным и 630 - природным газом, а также пробурить 3 артезианских скважины, 10 колодцев для подключения к централизованному водоснабжению 290 домов. Кроме этого планировалось провести телефонные линии в 53 села на 252 номера [11].

Улучшение торгового и бытового обслуживания предусматривало открытие магазинов в 19 сёлах, из них строительство 7 новых. При этом в 25 сёл должна была начать регулярно ездить автолавка, а жителям 28 сёл, наиболее близко расположенных к имеющим торговые учреждения соседним населённым пунктам, предлагалось отовариваться там. В 27 сёлах планировалось открыть комплексные приёмные пункты службы быта, 200 сёл охватить выездными формами сервиса, а жителей остальных обслуживать в соседних сёлах и посёлках [12].

Открытие медицинских учреждений намечалось в 31 селе. Основной их разновидностью были ФАПы, реже - медпункты [13].

Улучшения в сфере досуга в малых сёлах предполагали возведение одного клуба на 300 мест и пяти зрительных залов на 500 мест. В остальных поселениях, где внедрение полноценных стационарных форм являлось недостаточным, предписывалось организовать работу 315 библиотечных пунктов, 16 библиобусов, 33 книгонош, 20 передвижных выставок и 9 автокинопередвижек. Для занятий физкультурой намечалось оборудовать 106 спортплощадок и организовать работу секций по трём видам спорта [14].

Судя по присутствующей в документах ГА ДНР косвенной информации можно утверждать что намеченное не было реализовано в значительной мере. В частности, в январе 1990 г. в ходе пленума Донецкого обкома КПУ было озвучено следующее: «Если мы говорим о забастовках угольщиков, то крестьяне из-за необустроенности молча покидают село. На Украине только в 12 пятилетке из села ушло 300 тысяч человек...» [15].

Таким образом можно утверждать что в изучаемый период в Донецкой области удельный вес малых сёл был достаточно высоким в общем объёме сельских поселений, хотя и был ниже, чем во всех без исключения соседних регионах УССР. В то же время удельный вес жителей малых сёл был незначительным по отношению как к общей количеству сельского населения Донецкой области, так и к числу всех жителей региона. При этом наибольший процент таких поселений наблюдался в районах либо обладавших крупной промышленностью, либо тяготевших к промышленным центрам.

Также существовала проблема перспективности малых сельских населённых пунктов, однако для подавляющего большинства из них этот вопрос

оставался открытым. Среди тех сёл, чья перспективность была определена доля неперспективных почти вдвое превышала долю перспективных.

Среди основных проблем малых сёл Донецкой области можно выделить следующие: удалённость, низкий уровень инженерного обустройства, слабое развитие транспортной логистики и средств коммуникации, отсутствие в значительной части из них рабочих мест и объектов социальной инфраструктуры. Отмечалась прямая взаимосвязь между вышеупомянутыми проблемами и процессом исчезновения малых сёл.

Для улучшения ситуации руководством Донецкой области предпринимались определённые меры, однако в вопросах инженерного обустройства, логистики и средств связи их запланированные объёмы были явно недостаточными. Проблема занятости жителей малых сёл, а также обеспечения детей школами и дошкольными учреждениями решалась преимущественно за счёт организации «маятниковых» поездок к местам работы и учёбы. Обеспечение жителей услугами торговли и сервиса, а также организация их досуга предусматривались в основном за счёт выездных форм работы.

Намеченное реализовывалось не в полной мере, а предлагаемые способы улучшения ситуации не всегда устраивали граждан, что становилось фактором социального недовольства. Поэтому в изучаемый период продолжился отток населения из малых сёл Донецкой области преимущественно в городскую местность.

Ссылки и примечания:

1. Ковалёв Д.В. Неперспективные деревни. / Д.В. Ковалёв. // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 22. С. 470-471.
2. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 133. Д. 186. Л. 46, 52.
3. Там же. Л. 53.
4. Там же. Л. 56.
5. Там же. Оп. 136. Д. 296. Л. 47.
6. Там же. Оп. 133. Д. 186. Л. 48, 54-55.
7. Там же. Л. 55-56.
8. Там же. Л. 46.
9. Там же. Л. 47.
10. Там же. Л. 46-47.
11. Там же. Л. 47-48.
12. Там же. Л. 48.
13. Там же.
14. Там же. Л. 47, 49.
15. Там же. Оп. 136. Д. 296. Л. 47.

Всемирная история

УДК 943.031:75.03(09)

В.И. Ковба

кандидат военных наук,

ФГБОУ ВО Военная академия РХБ защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко РФ

e-mail: viktorkovba@yandex.ru.

Е.А. Чугунов

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО Петровская академия наук и искусств РФ

e-mail: E.A.Chugunov@yandex.ru

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА

Аннотация

В статье представлены оригинальные авторские размышления о влиянии бурных религиозно-политических и военных событий двадцатых годов 16 века, связанных с Реформацией и Крестьянской войной в Германии, на творческое сознание Альбрехта Дюрера – «самого ренессансного» художника Северного Возрождения. Основное внимание посвящено осмыслению позиции Дюрера в период 1517-1528 гг. путем сопоставления исторических событий в Германии того времени и ряда произведений великого художника. В основу работы положен разносторонний анализ содержания многочисленных специальных исторических и искусствоведческих исследований 19-21 веков как отечественного, так и зарубежного происхождения. В качестве основного источника авторами использовано богатое эпистолярное, творческое и научное наследие Дюрера.

Ключевые слова: *Крестьянская война, Реформация, художник, Нюрнберг, гуманист, прелат, крестьянин, памятник, творческое сознание, картина, гравюра, трактат, дневник, лютеранство, католическая церковь, курфюрст, бюргер, купец, восстание, еретик.*

Summary

The article presents the author's original thoughts on the impact of violent religious, political and military events of the twenties of the 16th century, associated with the Reformation and the German Peasants 'war, on the creative

consciousness of Albrecht Durer – «the most Renaissance» artist of the Northern Renaissance. The main attention is devoted to the understanding of Durer's position in the period of 1517-1528 by comparing the historical events in Germany at that time and a number of works by the great artist. The work is based on a comprehensive analysis of the content of numerous special historical and art studies of the 19th- 21st centuries of both domestic and foreign origin. As the main source, the authors used the rich epistolary, creative and scientific heritage of Durer.

Keywords: *Peasants' war, Reformation, artist, Nuremberg, humanist, prelate, peasant, monument, creative consciousness, painting, engraving, treatise, diary, Lutheranism, Catholic Church, elector, burgher, merchant, rebellion, heretic.*

Проблема соотношения культуры Ренессанса и Реформации (в том числе и в контексте истории религиозных войн в Европе 16-17 вв.) остается актуальной в современной медиевистике. Одним из путей, способствующих ее всестороннему рассмотрению, является изучение мировоззрения, творческих исканий, отношения к Реформационному движению выдающихся представителей культуры Возрождения, в частности – великого немецкого художника Альбрехта Дюрера, творческое наследие которого многократно становилось предметом специального изучения, как в отечественной, так и зарубежной историографии.

Масштабная и жестокая Крестьянская война стала неотъемлемой и весьма насыщенной военными событиями частью Реформации в Германии 16 в. Своей задачей в рамках данной работы мы определяем разностороннее осмысление позиции Дюрера в период 1517-1528 гг. путем сопоставления исторических событий в Германии этого времени и некоторых произведений художника. Кроме того, полагаем принципиально важным определить и понять мотивы действий Дюрера в тех исторических условиях.

Альбрехт Дюрер родился в 1471 г. в Нюрнберге в семье золотых дел мастера, т. е. был выходцем из ремесленного сословия. Поэтому вполне объяснимо его стремление сблизиться с патрицианскими кругами, иметь в числе своих друзей известных высокообразованных гуманистов и других выдающихся современников (Пиркгеймер, Карлштадт, Эразм Роттердамский и др.), добыть богатство. Отчасти сделать это в течение жизни художнику удалось, чем во многом и объясняется, на наш взгляд, сложное, а порою и противоречивое отношение великого мастера к социальным потрясениям, волновавшим Германию на склоне его лет, крупнейшим среди которых, несомненно, стала Крестьянская война.

Определенное противоречие в этом отношении было заложено уже самим фактом рождения Дюрера в семье ремесленника. Имея незаурядные интеллектуальные и явно гениальные творческие способности, а в конце жизни – и значительные материальные возможности, наделенный обостренным честолюбием, художник не мог не желать вырваться из

ремесленного сословия и, естественно, в силу традиций и социальных устоев той эпохи, сделать этого так и не сумел.

Образование его было самостоятельным, ибо родители смогли обеспечить сыну лишь двухлетнее пребывание в латинской школе. Это обстоятельство также наложило немаловажный отпечаток на мировоззрение и творчество Дюрера. Не имея систематического образования, он так и не смог прочесть многих интересовавших его трудов мыслителей и художников прошлого, ибо языком науки тогда была латынь, постичь которую великому мастеру так и не было суждено. Недостатки в своем образовании художник сумел восполнить путешествиями, впечатлениями окружавшей его действительности. На наш взгляд, он, как никто другой, мог сказать, что его настоящим учителем была сама жизнь. Именно окружающая действительность оказала главное влияние на формирование мировоззрения и творческого сознания Дюрера.

Своеобразное восприятие действительности проявилось у художника уже в юности и было сохранено им до конца дней. Поэтому, как считают исследователи жизни и творчества великого мастера, многие его картины, гравюры, трактаты, проекты являются самым непосредственным откликом на происходившие вокруг него события и процессы [1]. Несомненно, важнейшими среди последних явились Реформация и Крестьянская война в Германии (1524-1525). Хронологически – это период с 1517 (выступление М. Лютера с 95-ю тезисами) по 1528 г. (год смерти самого художника). В течение этих 11 лет Дюрером было создано большое число произведений, так или иначе отражавших его отношение к происходящим в Германии событиям религиозного, социального, военного характера. Совокупность его работ не позволяет трактовать отношение художника к Реформации и Крестьянской войне однозначно, ибо различно содержание самих этих работ, обстоятельства и мотивы их создания, да и не всегда, видимо, написанное рукой мастера являлось непосредственным выражением его мыслей, его позиции. Особая трудность в рассмотрении этого вопроса связана с отсутствием прямых, недвусмысленных высказываний Дюрера в отношении Крестьянской войны и Реформации в имеющемся в распоряжении современного исследователя его письменном наследии: письмах, дневниках, трактатах [2]. Эти источники содержат лишь косвенные указания на интересующую нас тему, причем часть их принадлежит перу не самого Дюрера, а его друзей или даже оппонентов. Необходимо оговориться и о том, что отношение художника, его понимание происходивших вокруг него событий и процессов 1517-1528 гг. не было одинаковым на всем протяжении данного периода. В этом плане ярким примером может служить динамика его взглядов на личность и деятельность М. Лютера – виднейшего идеолога Реформации.

Будучи достаточно образованным и просвещенным для своей эпохи человеком, Дюрер не мог не оценить с позиции наблюдательного и

вдумчивого современника политического и нравственного значения вызова, брошенного Лютером всей католической концепции. Учение Лютера объективно несло духовное раскрепощение художнику в его творчестве. Ведь до лютерова выступления боязнь Страшного суда заставляла отказываться от изображения греховной человеческой плоти. Лишь иногда ведьм помещал Дюрер на своих гравюрах, т. к. это не считалось грехом. Импонировала художнику и лютеровская идея очищения католической церкви от злоупотреблений ее служителей, отказ от продажи индульгенций, идея о том, что спасен будет не тот, кто обладает властью и богатством, а тот, кто действительно верует.

Дюрер увидел в учении Лютера близкие ему по духу идеи и, прежде всего, идею о человеке, который должен сам создавать свое счастье (понимавшееся в ту эпоху как вариант загробной жизни в раю) без участия и давления церкви. Обращение к человеку не могло оставить равнодушным великого художника, ибо именно человек был главной темой его творчества и изучения. Симпатии Дюрера к Лютеру и его учению в первые годы Реформации подтверждаются текстом письма ближайшего друга художника Пиркгеймера архитектору И. Черте. Пиркгеймер в 1530 г. писал: «Я признаю, что вначале я также был хорошим лютеранином, как и наш покойный Альбрехт (Дюрер), потому что мы надеялись, что исправлено будет римское мошенничество, как и жульничество монахов и попов...» [3].

Симпатии Дюрера к Лютеру сохранялись в течение целого ряда лет, о чем свидетельствуют записи в его дневнике, сделанные в 1521 г. в связи с похищением последнего курфюрстом Фридрихом Саксонским. Известие об этом произвело сильнейшее впечатление на художника. 17 мая 1521 г. в его «Дневнике» появилось искреннее и страстное восхваление «благочестивого человека», обличающего «нехристей пап» и осуждающего порядки, при которых «у нас грабят плоды нашей крови и нашего пота, так бессовестно и постыдно пожираемые бездельниками» [4]. Написанные в тот период, когда Лютер был в зените своей славы, эти строки говорят о том, что, подобно многим другим современникам, Дюрер видел в Лютере защитника обездоленных и борца за справедливое социальное устройство общества. Художник перестал разделять взгляды Лютера приблизительно в 1524 г. Вероятнее всего, причиной тому стало различие их мнений по отношению к разгоревшейся Крестьянской войне.

Однако безоговорочно определить место Дюрера в событиях, связанных Крестьянской войной, достаточно трудно, что обусловлено не только скудостью сведений, даваемых источниками, но и тем своеобразным положением, которое занимал великий мастер в обществе, его окружением, отношением к нему как уже состоявшемуся и признанному художнику.

Обстоятельства жизни и творчества Дюрера сложились так, что после поездки в Нидерланды (1520-1521) он оказался близок не к тем, чьи идеи разделял в начальный период Реформации (1517-1521), а к некоторым

«тиранам». Он выполнил портрет архиепископа Майнцкого в гравюре на меди, воплотив в своем творении черты одного из наиболее знатных прелатов и крупных феодалов Германии. Из писем художника этого периода известно, что один портрет архиепископа он напечатал в 200, а другой в 500 экземплярах. Далее в 1524 г. он выполнил в гравюре портрет давнишнего своего покровителя курфюрста Фридриха Саксонского. В 1522 г. Дюрер издал огромный лист гравюр с аллегорическим изображением умершего императора Максимилиана, едущего на колеснице в сопровождении всевозможнейших аллегорических женских фигур, символизировавших разные добродетели. Среди корреспондентов художника этого времени обнаруживается страссбургский архиепископ Матиас Ланг, бывший особенно ненавистным горожанам и крестьянам своей крайней жестокостью. Таким образом, Дюрер, так или иначе, оказался сопричастен самому реакционному кругу властителей тогдашней Германии.

Однако сказанное выше не дает возможности безоговорочно утверждать, что художник сблизился с противниками Реформации из идейных соображений или разделял их взгляды. Здесь необходимо, на наш взгляд, учесть сложность выбора, стоявшего перед Дюрером. С одной стороны, он был человеком «низкого» происхождения, ремесленником и не мог не одобрять попыток представителей народного движения и Реформации в целом лишить светских и церковных князей их привилегий и неограниченной власти, которая распространялась и лично на него. С другой же стороны, к 1520-м гг. Дюрер обладал довольно значительным состоянием, имел два больших дома, был членом патрицианского совета Нюрнберга, да и заказы получал не от простонародья, а от представителей знати, императорского двора и прелатов. К тому же, он явно не мог без определенных опасений относиться к лозунгам наиболее радикальных группировок, активно участвовавших в различных социально-политических процессах, связанных с Реформацией и Крестьянской войной, таких, например, как раздел имущества между всеми поровну [5]. Здесь с очевидностью встает вопрос: как мог человек, всю жизнь трудившийся в поте лица своего, согласиться отдать заработанное годами каким-то нищим и обездоленным? Более того, вполне возможно предположить, что последних он считал просто бездельниками и неудачниками, поскольку своего материального благополучия достиг тяжким трудом и талантом [6].

Эта двусмысленность социального положения великого мастера наложила глубокий отпечаток на его творчество последних лет жизни. Художник принимал активное участие в происходящих вокруг событиях: заседал в Совете Нюрнберга, вместе с Пиркгеймером выполнил ряд его дипломатических поручений. Особое внимание он уделял окружающим его людям: коллегам по Совету, гуманистам, с которыми был лично знаком и состоял в переписке. Далеко не случайно, поэтому обращение Дюрера именно к портрету, который занял в 1520-е гг. ведущее место, как в его

графике, так и живописи. По темпераментности и экспрессии многие произведения этого периода напоминают ранние работы великого мастера. До нас дошли 4 живописных портрета, выполненных Дюрером между 1521 и 1528 гг.: неизвестного бюргера, нюрнбергских купцов Якоба Муффеля и Иеронима Хольцшуэра, гуманиста Клебергера.

Образы этих людей в дюреровском творческом осмыслении отмечены чертами яркой индивидуальности. Якоб Муффель и Иероним Хольцшуэр были весьма влиятельными нюрнбержцами, членами городского Совета, как и сам художник. Об этом свидетельствуют некоторые записи в «Дневнике» Дюрера [7], где он упоминает последних вместе с близким своим другом Пиркгеймером в числе людей, для которых купил подарки в Антверпене. В этих портретах замечательное мастерство техники и наблюдения художника сочетаются с силой и содержательной глубиной характеристики классового типа. Купец Иероним Хольцшуэр смотрит на зрителя пронизывающе и даже агрессивно. Это образ крепкой, ведущей борьбу за власть и не стесняющейся в выборе средств социальной группы. Это немолодой, но полный сил и энергии бюргер, обеспечивший себе весьма солидный материальный достаток и способный диктовать свои условия феодалам.

Известный исследователь творчества великого мастера М.Я. Либман отмечал, что в портретах Дюрера, относящихся к позднему периоду, господствует определенный тип. Именно в это время художник вплотную смог приблизиться к созданию собирательного образа Человека своей эпохи, «Человека времени Крестьянской войны и Реформационных бурь» [8].

Отечественное дореволюционное искусствоведение всячески старалось доказать лояльность Дюрера в это время по отношению к нюрнбергскому патрициату, используя в качестве доказательства в том числе и названные выше портреты. Советские исследователи 30-80-х гг. 20 в. пытались выставить художника в образе «революционера». На наш взгляд, здесь уместнее не давать однозначной оценки, тем более, что прямыми и неоспоримыми доказательствами сегодня никто не располагает. Очевидно, что в поздний период творчества Дюрер – художник с мировым именем, оказавшийся в действительно двойственном положении. Материальная обеспеченность, многолетняя связь с князьями, патрициатом и прелатами, достаточно высокое положение в обществе (к которому он стремился всю жизнь и которым весьма дорожил) толкали его как будто бы в стан врагов народного движения. Но в то же время Дюрер нигде не высказывался в ясной форме о своем отношении к происходящим вокруг него политическим событиям.

В тот же самый период художник создал и другие произведения, значение и смысл которых ряд исследователей характеризуют как выражение симпатий народному движению, Реформации, участникам Крестьянской войны. В этой связи встает вопрос об отношении Дюрера к крестьянам вообще. Еще в десятилетия 16 в. в творчестве художника начинают

появляться народные образы: пьющие гуляки, музыканты, танцующие крестьяне. Отличительной чертой этих образов является реалистическая выразительность. Присутствуют крестьянские образы и в дюреровских батальных сценах. Интересно, что в ряде случаев художник изобразил боевые стычки крестьян и ландскнехтов. Полагаем, что такие мотивы не были случайны для творческого сознания Дюрера. Характерно, что крестьяне, как правило, предстают в его произведениях грубыми и некрасивыми людьми. Возможно предположить, что великий мастер специально стремился подчеркнуть неряшливость их одеяния, неаккуратность, чтобы произвести отталкивающее впечатление на зрителя. Художник, видимо, намеренно обращал внимание последнего на зияющие дыры в их одежде, на голые пятки и т. п. Но его же волею в крестьянских образах присутствуют огромная сила и неиссякаемая жизнерадостность. В этой связи М.Я. Либман писал: «Через все творчество Дюрера проходят крестьянские образы. Нередко они грубы и примитивны, но в большинстве своем полны силы и жизнерадостности. На крестьян он смотрит глазами горожанина, но, вместе с тем, к ним относится с нескрываемой симпатией» [9].

Как же следует оценить отношение художника к восставшим крестьянам, превратившимся из толпы веселых и грубых мужланов в грозную силу? Однозначно толкуемых данных у современного исследователя нет. Однако попытаемся внимательно рассмотреть одну из работ Дюрера данного периода – «Проект памятника пронзенному мечом печальному крестьянину». Оценки исследователей смысла этого произведения не однозначны и, на наш взгляд, далеко не бесспорны. По-видимому, вполне возможно согласиться с точкой зрения А.А. Сидорова [10], Ц.Г. Нессельштраус [11], М.Я. Либмана [12] и А. Дуруса [13] о том, что здесь мы сталкиваемся с Дюрером – сатириком.

В 1525 г. он подготовил к изданию свой первый трактат «Руководство по измерению» [14]. В начале этого года князьями было успешно подавлено швабско-франконское восстание крестьян, началась волна жестоких казней и бесчинных расправ, в которую оказался вовлечен и родной город художника Нюрнберг. Полагаем, есть основания сказать, что эти трагические события настолько взволновали Дюрера, что он просто не мог не откликнуться на них. Известно, что летом 1525 г. он спешно выполнил и вставил в готовый уже трактат новую гравюру «Проект памятника пронзенному мечом печальному крестьянину». Сам автор назвал это творение «Монументом победоносным полководцам, подавившим восстание крестьян». В то время, когда знаменитые скульпторы и художники Италии возвеличивали кондотьеров, создавая громадные конные статуи, Дюрер рисовал в качестве «статуи победы» памятник крестьянину. Очевидно, что проект памятника проникнут горьким сарказмом, а его автор далек от того, чтобы вместе с М. Лютером, чьи взгляды он разделял еще несколько лет назад, до того как

последний стал на сторону князей, ликовать по поводу победы феодалов над плохо вооруженным и слабо организованным войском крестьян.

Набросок памятника появился в качестве иллюстрации к геометрическому учебному пособию художника об измерениях. Он помещен среди эмоционально холодноватых, чисто научных рисунков и скорее является сухим геометрическим изображением, нежели художественным произведением. По мнению ряда искусствоведов, его непосредственная художественная ценность незначительна, но при существующем дефиците источникового материала, его документальное значение трудно переоценить. Полагаем себя вправе предположить, что Дюрер хотел скрыть свое сочувствие восставшим и побежденным крестьянам между страницами учебного пособия по геометрии. Вероятно, художник не мог говорить об этом в своих творениях ясно и откровенно. И, как справедливо, на наш взгляд, заметил А. Дурус: «Не случайно в подавляющей части дошедших до нас произведений мастера нет революционного огня. Без сомнения, последний в значительной степени был потушен осторожностью и расчетливостью художника, его приспособлением к «немецкому ничтожеству» [13].

Изображенный Дюрером памятник не похож на характерные для той эпохи триумфальные сооружения. Против традиции на высоте колонны находится отнюдь не гордый и властный победитель, а побежденный – понуро сидящий и униженный крестьянин, одетый в какие-то лохмотья и рваную обувь, да еще и пронзенный мечом в спину. Сама же триумфальная колонна неустойчива, она состоит из трофеев победителей, каковыми явились различные предметы незатейливого крестьянского домашнего обихода и орудия сельскохозяйственного труда. На нижней плите этого весьма странного и сложного сооружения, там, где обычно размещаются фигуры пленников, лежат по воле художника связанные коровы, свиньи и овцы.

Значение и смысл этой работы великого мастера толковались по-разному. Для одних исследователей это произведение было насмешкой над побежденными, для других – над победителями. Дюреру великолепно удалось названием памятника замаскировать истинный смысл своего творения. Казалось бы, что ему, талантливому, всеми признанному, достаточно богатому, удостоенному всевозможных высоких почестей со стороны светской и церковной аристократии, до горестных судеб крестьян, задавленных налогами, поборами, податями? Сам-то он от них был свободен. Но ведь Дюрер был сыном своей эпохи, быть может, как никто другой вдохновленным ею, он был великим художником, запечатлевшим эту эпоху в своих произведениях!

Полагаем, что определенную ясность в разрешение данного вопроса может внести внимательное рассмотрение самого образа крестьянина в проекте памятника. Художник изобразил его в позе мучительного и

скорбного раздумья. Крестьянин сидит, подперев голову рукою. Интересен тот факт, что такая же поза использовалась великим мастером и ранее: так он изобразил самого себя в Эрлангенском автопортрете, затем – страдающего Спасителя на титульном листе «Страстей Христовых», а главное – «Меланхолию» (пожалуй, самый близкий и любимый им образ).

Подобное совпадение следует расценить как далеко не случайное и позволяющее сделать вывод о том, что отнюдь не с насмешкой, а с искренним сочувствием Дюрер изобразил сидящего на колонне крестьянина. Художник представил его обезоруженным и совсем не похожим на разбойника. Пожалуй, это жертва, оплакивающая собственную судьбу. Но зато насколько ироничен авторский текст, сопровождающий проект памятника. Он содержит подробное и подетальное описание «славных» трофеев, добытых победителями и составляющих триумфальную колонну, среди которых упоминаются грабли, горшки, кувшины для молока и масла, навозные вилы, клетка для кур и т. п. [14].

Критически взгляды в это загадочное произведение, можно заключить, что Дюрер не прошел безучастно мимо трагических событий Крестьянской войны и гибели массы восставших. «Проект памятника» – свидетельство того, что отношение Дюрера к восставшим крестьянам было далеким от непримиримой ненависти, с какой обрушился на них М. Лютер. Доля скорби и грусти, явно присутствующая в этом произведении, вполне может быть отнесена и на счет самого художника. Здесь нами имеется в виду разочарование последнего в прежних своих идеалах и, прежде всего, в недавнем своем кумире – М. Лютере.

Представляется возможным констатировать сочувствие Дюрера, как человека, большой человеческой трагедии – гибели тысяч крестьян, что и было положено художником в основу «Проекта памятника...». По-видимому, Дюрер не был борцом по природе своей. Он был человеком мягким и осторожным. Идеи борьбы были присущи его произведениям более раннего периода. Отчасти свидетельством в пользу такого понимания личности великого мастера может служить характеристика, данная О. Маргильером в его книге «Альбрехт Дюрер. Критическая биография» [15].

Несомненно важным в интересующем нас отношении является еще один эпизод из жизни Дюрера, связанный с так называемым «процессом трех безбожных художников», бывших его учениками. Незадолго до названного процесса в декабре 1524 г. художник пишет письмо астроному английского короля Никласу Кратцеру, в котором сообщает: «... Мы должны чувствовать себя в позоре и опасности, ибо нас поносят, считают еретиками... О новых вестях в нынешнее время писать неудобно, но много на злых нападок...» [16]. В письме ощущается озабоченность Дюрера собственной безопасностью и нежелание даже в частной переписке изложить свои взгляды на происходящее вокруг.

А вокруг происходило следующее. В начале 1525 г. в Нюрнберге состоялся процесс против трех учеников Дюрера: Ганса Себальда, Бартеля Бегам и Георга Пенца, которые усомнились в существовании Христа и Господа Бога. А.А. Сидоров в своем исследовании рассматривал это неординарное происшествие как результат влияния великого мастера на своих учеников [10]. Нам же представляется такое решение вопроса несколько неправомерным. Дело в том, что аргументом для подобного утверждения А.А. Сидоров, а затем и А. Дурус [13] выдвигали приведенное выше письмо Дюрера к Кратцеру и с его помощью обосновывали тезис о том, что и сам великий мастер разделял взгляды своих учеников. Однако, поскольку упомянутое письмо было написано годом раньше, чем состоялся процесс над безбожными художниками, вопрос о совпадении взглядов Дюрера и его учеников в данном контексте остается неразрешенным. Вполне возможно, что переданные в письме опасения Дюрера объясняются отнюдь не тем, что он был так или иначе причастен к «ереси» своих учеников и ждал очереди предстать перед судом, а тем, что он был близок с последними именно как учитель и мог быть в этой связи заподозрен в том, что разделял их взгляды, а то и склонял к «ереси». Иначе говоря, Дюрера пугает возможность падения на него неких подозрений со стороны властей.

При этом полагаем важным отметить, что если бы великий мастер действительно был членом секты своих учеников и разделял их взгляды, т. е. реально был бы «еретиком», что с неизбежностью выяснилось бы на процессе, он стал бы (с целью заранее обезопасить себя) активно искать покровительства прелатов и князей. И, несомненно, он получил бы желаемое. Тогда до нас с большой долей вероятности дошли бы его письма к означенным особам с соответствующими объяснениями и просьбами. Однако, подобных документов не обнаружено.

Данное обстоятельство позволяет предположить, что Дюрер не чувствовал за собой какой-либо вины. Возможно, художник мог быть в определенной мере сочувствующим и внимательным наблюдателем, но отнюдь не участником реформационного движения. Он, конечно же, не проповедовал революционно-плебейского свободомыслия, как это делали его ученики, представшие перед судом. В этой связи, видимо, не следует разделять и тезис А. Дуруса о том, что Дюрер был участником так называемого движения «причастников», т. е. тех, кто принял учение Т. Цвингли о причастии. Данный тезис был выдвинут названным исследователем на том лишь основании, что в тот период времени (1525) Дюрер уже не разделял взглядов М. Лютера – душителя крестьянского восстания.

Полагаем, вполне допустимо говорить о том, что Дюрер действительно находился в центре многих драматических событий периода Реформации и Крестьянской войны в Германии, сочувствовал, возможно симпатизировал восставшим крестьянам, но был не активным участником, а внимательным

наблюдателем и замечательно талантливым художником, сумевшим ярко запечатлеть современную ему эпоху. В пользу этого положения, на наш взгляд, может быть использовано рассмотрение последней и, пожалуй, одной из наиболее значительных работ Дюрера «Четыре апостола». Рассуждения об этом творении великого мастера следует начать, вновь вернувшись к вопросу об отношении художника к Реформации.

Дюрер, несомненно, знал об «еретических» взглядах своих учеников, но, не желая себя скомпрометировать, никак не реагировал. Да и ведь он был уже стар, а общественное положение просто обязывало его к молчанию. Видимо, великого мастера вполне устраивала позиция аполитичного художника или даже просто бюргера, занимающегося лишь искусством и наукой. Официально Дюрер считался лютеранином, ибо Нюрнберг принял именно эту религию. Но сам художник принимал Реформацию далеко не безоговорочно. Свидетельство тому – «Четыре апостола» (1526). Картина была подарена родному городу и торжественно установлена «в зале заседаний городского совета в Ратуше. По этому случаю члены магистрата выступали с пламенными речами, выражая восхищение талантом Альбрехта Дюрера... В связи с этим событием были организованы праздники и банкеты, насколько это позволяла строгость новой религии, официально принятой муниципалитетом. А за городскими стенами продолжали полыхать замки и деревни, не утихали волнения крестьян...» [17].

О своем последнем творении великий мастер писал, что положил на него гораздо больше труда, чем на другие произведения. Полагаем, что картина содержала упрек «евангельским плутам», как называл Дюрер лютеранских попов. Подписи под ней сделаны эзоповым языком и содержат слова, обращенные к отцам города – цитаты из проповедей изображенных на картине святых. Слова эти являются предостережением и, в то же время, свидетельством разочарования художника в Реформации. Ведь именно в этот момент с особой силой разгораются иконоборческие выступления, что вполне могло оттолкнуть Дюрера от реформационного движения и его идеологов. Подписи под «Четырьмя апостолами» могут быть с одинаковым успехом отнесены как к католикам, так и к реформаторам. При этом художник продолжал работать на католического сановника – кардинала Бранденбургского и дружить с крайне левым представителем Реформации – Карлштадтом. Двусмысленность положения, растерянность от бесконечных богословских и политических раздоров, царивших в Германии вот уже несколько лет, привели Дюрера к поиску возвышенного, отрешенного от обыденности, к стремлению создать некий образ справедливости и вечности. В период смут и ожесточенной борьбы художника привлекают образы апостолов Иоанна, Петра, Павла и Марка, призывающие людей отказаться от мелочных эгоистических интересов. В нашем понимании, это было своего рода попыткой великого мастера и самому стать выше всех распрей и смут, найти духовную опору в чем-то вечном. Не случайно художником

подчеркиваются внутреннее горение и духовное начало, а не физическая сила и красота апостолов. Их образы в дюреровской трактовке отличаются простотой [18] и нечеловеческим величием [19].

Таким образом, в этом последнем своем творении Дюрер обращается уже не ко внешним каким-то событиям, а ко внутреннему миру человека. Однако, главный учитель художника – жизнь корректирует это творческое и духовное его стремление. Созданные Дюрером на закате жизни образы воплощают в себе главную идею всего его творчества – человека эпохи Крестьянской войны и Реформации в Германии. Эти образы неотрывны от времени их создания и вполне понятны лишь в связи с происходившими тогда событиями.

Ссылки и примечания:

1. Чугунов Е.А. К вопросу об отношении А. Дюрера к Реформации // Тезисы научно-практической конференции преподавателей Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова. – Кострома: КГПИ, 1993.
2. Дюрер А. Дневники. Письма. Трактаты. – В 2-х тт. – М.-Л., 1957.
3. Дюрер А. Указ. соч. Т. 1. С. 208-209.
4. Дюрер А. Указ. соч. Т. 1. С. 118.
5. Зарницкий С. Дюрер. М.: Молодая гвардия, 1984.
6. Маргильер О. Альбрехт Дюрер. Критическая биография. – СПб., 1905.
7. Дюрер А. Указ. соч. Т. 1. Т. 1. М.-Л., 1957.
8. Либман М.Я. Дюрер и его эпоха. – М.: Искусство, 1972. С. 79-83.
9. Либман М.Я. Дюрер. М.: Искусство, 1957. С. 40.
10. Сидоров А.А. Дюрер. М.: ИЗОГИЗ, 1937.
11. Нессельштраус Ц.Г. Альбрехт Дюрер. Л., 1961.
12. Либман М.Я. Указ. соч. М.: Искусство, 1957.
13. Дурус А. Еретик Альбрехт Дюрер и 3 безбожных художника // Искусство. 1937. № 1.
14. Дюрер А. Дневники. Письма. Трактаты. – Т. 2. – М.-Л., 1957. С. 63-65.
15. Маргильер О. Альбрехт Дюрер. Критическая биография. СПб., 1905. С. 50-51.
16. Дюрер А. Указ. соч. Т. 1. С. 188.
16. Брион М. Дюрер. – М.: Молодая гвардия, 2006. С. 169.
17. Верман К. История искусства всех времен и народов. Т. 2. СПб., 1896. С.147.
18. Маргильер О. Указ. соч. СПб., 1905. С. 79.

Международные отношения

УДК 327.5

Д.Е. Муза

доктор философских наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dmuza@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЕКТОР АКТУАЛЬНОЙ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию траектории евразийского вектора геополитики русской цивилизации на современном этапе. Особое внимание уделено формированию позиции Донецкой Народной Республики в рамках процесса актуального геополитического противостояния с «коллективным Западом».

Ключевые слова: *евразийский вектор геополитики, русская цивилизация, Донецкая Народная Республика.*

Summary

The article is devoted to the study of the trajectory of the Eurasian vector of geopolitics of Russian civilization at the present stage. Particular attention is paid to the formation of the position of the Donetsk People's Republic in the framework of the process of actual geopolitical confrontation with the "collective West".

Keywords: *Eurasian vector of geopolitics, Russian civilization, Donetsk People's Republic. геополитические*

Сегодняшние сражения на постсоветском пространстве приобрели новый формат и интригу. Речь идет о периоде с 2014 года и по текущий момент. Если говорить о двух новых «государствах де факто» – ДНР и ЛНР, то можно выстроить определенную логику геополитического противостояния: от геополитики американской Flash point [1] и соответствующем ответе на неё в виде «военно-политической доктрины борьбы за Новороссию» [2].

Последняя, между прочим, исходит из предпосылки о том, что «война, развернутая марионеточным фашистским режимом на Украине против Новороссии, есть всего лишь стратегическая операция на конкретном театре

военных действий, отдельный эпизод в той Большой глобальной войне, которая ведется с целью установления мирового господства на протяжении не одного столетия» [там же].

Думается, что вне этого стратегического контекста понимание сути происходящего будет не полным. Тем более, что «в ответ на любое изменение своего состояния система ведет себя таким образом, чтобы скомпенсировать эффект этого изменения (принцип Ле Шателье – Брауна / правило Ленца / закон трения Клаузевица) [3].

Поэтому вряд ли у кого-то остались сомнения в том, что Россия как страна-цивилизация сегодня кардинально изменила свою геостратегию. Её составной частью является формирования долгосрочной перспективы комплементарных отношений («коалиционной игры») в Большой Евразии. Однако специфика партнерства государств и цивилизаций в этом макрорегионе, тем более с учетом российских инициатив, остается не до конца проясненной, а значит, дискуссионной.

Следует заметить, что общая ситуация моделируется в различных ракурсах, главные из которых – геополитические и геоэкономические. Реже – геокультурном (геоцивилизационном). Разумеется, у каждой из позиций есть свои аргументы, нацеливающие как поиски интеграционных формул, равно как присутствует аналитика возможных вызовов и угроз.

Ниже я постараюсь обрисовать структуру и валидность евразийского вектора геополитики русской цивилизации, при этом делая ударение на культурно-политическом его содержании. Но сам этот вектор для Донецкой Народной Республики, которая в своей концепции внешней политики обозначила приоритет евразийского партнерства (раздел 3, пункт 3.3, подраздел г) концепции) [4], является наиболее важным.

Итак, геополитическая версия актуальной процессуальности центрируется на запуске четырех параллельных процессов: 1) проекте возрождения и развития России на основе восстановления традиционных духовно-нравственных ценностей; 2) на основе СНГ формируется единое экономическое пространство с одновременным восстановлением пространства культуры, науки, образования, инноваций, спорта с закреплением единого пространства обороны и безопасности с помощью ОДКБ; 3) внутри постсоветского пространства иницируется развитие и расширение ШОС с преобразованием этой организации в полноценный Евро-Азиатский союз; 4) БРИКС как коалиция не-западных цивилизаций формируют альтернативное русло мирового развития за счет создания интерцивилизационного пространства [5].

Замечу, что это центрирование целесообразно связать с новым русско-евразийским проектом, выходящим за пределы «остова Россия» (В.Л. Цимбурский). Причем, в направлении формирования т.н. «стратегической глубины» для всего евразийского субконтинента. И шире – Африканского и Южноамериканского континентов. В основе же этих процессов лежит культурный код России, как субъекта мирового цивилизационного процесса.

Думается, что настал час *сосредоточения Евразии вокруг России*, а значит активность новейших субъектов международных отношений, закономерно возникших в евразийской ойкумене (как реакция на продуманную Зб. Бжезинским на «евразийской шахматной доске» атаку Запада), – здесь оправдана. Оправдана, подчеркну, геополитически, геоэкономически и геокультурно (геоцивилизационно).

Геоэкономическая программа также имеет подчеркнутую интеграционную формацию, которая кристаллизуется в виде целого ряда стратегий:

- стратегии интерактивной модернизации В.М. Полтеровича (базирующейся на индикативном планировании, заимствовании западных технологий и экономической политике);

- стратегии опережающего развития С.Ю. Глазьева (которая основывается на отечественных научно-технических достижениях, корреспондирующих с шестым технологическим укладом);

- стратегия сбалансированной экономики и внутреннего спроса Р.И. Нигматулина (сориентированная на российское производство и процедуры импортозамещения) [6].

Собственно в этом аспекте на повестке дня преодоление экономического монизма западной либеральной экономики и выработка соответствующей теории и практики бытия Евразии как самостоятельной хозяйственной единицы. В этом ключе постулируется многоукладность (государственный контроль в стратегических областях с сочетанием со стихией свободного рынка посредством игр разнообразных форм индивидуального и коллективного хозяйствования).

Отсюда – евразийский патернализм, евразийский лоббизм, применение принципа таможенных барьеров, формирование новых полюсов и коридоров развития. Разумеется, с приоритетом на физической экономике – промышленности и сельском хозяйстве [7].

Но сама по себе реализация указанных геополитических и геоэкономических проектов предполагает вовлеченность народов, так или иначе тяготеющих к логике истории и аксиологическим предпочтениям русской цивилизации. Проще: к осуществлению *принципа коллективной евразийской судьбы*, причем, реализуемого в разных масштабах и формах: от Белграда до Владивостока, от Минска до Владивостока.

В связи с вышесказанным приобретает новое звучание «евразийский тезис» П.Н. Савицкого – Л.Н. Гумилева об искренних союзниках русских в Евразии, в частности, об угро-финнах, тюрках и монголах. Но само союзничество должно – как полагается – иметь соответствующий базис.

Здесь следует вспомнить аргумент академика Е.М. Примакова о *гуманитарной основе интеграционных процессов*. В частности, здесь важна его мысль о том, что именно «гуманитарные нерешенные проблемы раскачивают Россию». Отсюда проистекает ряд требований: 1) «сглаживания» взаимодействия национальных культур; 2) придание русской культуре и русскому языку прежнего статуса локомотива культурного сближения, поскольку они всегда имели

«первостепенное значение в гуманитарном развитии всех народов нашей страны»; 3) активация межрелигиозного диалога в России и Евразии с учетом их конфессиональной карты [8].

Данный аргумент также верифицируем соображениями академика А.А. Акаева. А именно: *«Мой взгляд состоит в том, что нет и не может быть выше ценности в человеческом сообществе, чем дружба народов. Евразийское единение вдохнет новую жизнь в ту многонациональную общность, которая складывалась в Евразии веками. Подлинная проверка её прочности состоялась в годы Великой Отечественной Войны. Многовековые скрепы между народами Евразии выдержат проверку и нынешним трудным временем»* [9] (курсив мой – Д.М.).

Правда, у этого сверхсложного процесса евразийской интеграции есть целый ряд внутренних проблем: проблема личностной обусловленности интеграции (поддержка политическими, хозяйственными и культурными элитами центростремительных шагов); проблематика, связанная с миграцией, ксенофобией и национализмом; внутренние конфликты на евразийском пространстве (напр., проблема водопользования, связанная с контролем основных водных ресурсов Таджикистаном и Кыргызстаном, межэтническая напряженность в Центральной Азии); последствия украинского кризиса для осуществления евразийского проекта; проблема совместной экономической модернизации стран ЕАЭС; проблема расширения ЕАЭС и т.д. [10].

Тем не менее, все они могут быть решены при помощи взвешенной аксиологической политики, задающей позитивную совместную перспективу бытия народов Евразии.

Поэтому, самый важный аргумент в пользу необходимости и безальтернативности евразийского вектора (в который и обязаны встроиться молодые республики – «осколки» некогда большого цивилизационного пространства) недавно предложил А.А. Проханов. Он состоит в следующем: *«Евразийское сознание отвергает господство одних народов над другими. Отвергает насилие малых избранных над обездоленным большинством. Отвергает попрание человеческого в человеке, возвращение человека к животному»* [11].

В нынешних условиях сверхтурбулентности это положение приобретает особый смысл для ЛДНР. Так, для Донбасса западный фронт наступления оказался тем *геополитическим упором*, осознание и отталкивание от которого сегодня стало нормой в его международных делах [12]. Собственно, саму линию разграничения пора толковать как «цивилизационный разлом», которые никакие выборы на Украине преодолеть не смогут. Именно потому, что на Украине – благодаря США и ЕС – состоялось «возращение человека к животному».

Напротив, разворот в сторону Евразии (хотя бы серверной её зоны) сулит новыми интеграционными, а значит, экономическими, таможенными, транспортными, культурно-образовательными, информационными и гуманитарными возможностями.

Но нормой норм для нас сегодня – находящихся в кильватере евразийских трансформаций – должна стать продуманная и взвешенная политика реинтеграции. Или возвращения в единую семью евразийских народов, то ли по недоразумению, то ли по злему умыслу покинутую более двадцати лет назад.

Ссылки и примечания:

1. Муза Д.Е. Донбасс как Flash point на «евразийской шахматной доске»: между американской геополитикой и интеграцией в Русский мир / Д.Е. Муза // Международная жизнь. 2017. № 1. С. 177 – 181.
2. Ивашов Л.Г. Радикальная доктрина Новороссии / Л.Г. Ивашов. М.: Алгоритм, 2014. С. 95.
3. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С.Б. Переслегин. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007. С. 197.
4. Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики // Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2019/03/Ukaz_N56_01032019.pdf (дата обращения: 07.03.2019 г.).
5. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации / Л.Г. Ивашов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 774 - 776.
6. Кефели И.Ф. Евразийский вектор глобальной геополитики / И.Ф. Кефели, Д.И. Кузнецов. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 195.
7. Дугин А.Г. Конец экономики / А.Г. Дугин. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 123 - 215.
8. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России / Е.М. Примаков. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 207 - 210.
9. Акаев А.А. Единение евразийских народов вокруг России – историческая закономерность. М.: Издательство «Проспект», 2016. С. 16.
10. Оправдание евразийской интеграции / А. Мухин, И. Аглиуллин, С. Гриняев и др. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. С. 80 – 104.
11. Проханов А.А. Россия: страна негасимого света / А.А. Проханов. М.: Книжный мир, 2018. С. 371.
12. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Д.Е. Муза. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 135 - 168.

Политология

УДК 32:303.094.001.361(=1 – 86)

А.А. Горулько

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: aljona.gorulko@yandex.ua

ГРАЖДАНСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

В статье анализируется феномен идентичности. Автор исследует взаимосвязь «института гражданства» и концепта «идентичность» в рамках современного национального государства.

Ключевые слова: *идентичность, национальная идентичность, идентификация, самоидентификация, гражданство, «институт гражданства».*

Summary

The phenomenon of identity is analyzed in the article. The author explores the relationship between the "institution of citizenship" and the concept of "identity" in the framework of the modern nation-state.

Keywords: *identity, national identity, identification, self-identification, citizenship, "institution of citizenship".*

Когда человек задает себе вопрос «Кто Я?» это свидетельствует о том, что он задумывается над своей идентичностью. В психологии концепту «идентичность» есть много синонимичных понятий: Я-концепция, образ-Я, самоопределение, все они говорят о том, что индивид стремится определить свое место в обществе, через отождествление себя с определенной группой: религиозной, языковой, этнической и т.д. На фоне процесса идентификации, самоопределение индивида – становится важным политическим инструментом. Поскольку, привлекает внимание к мотивации деятельности субъекта в политическом поле.

Об актуальности проблемы свидетельствуют исследования Г. Дилигенского, советского и российского политолога, который обнаружил связь между групповой идентификацией и экстраполяцией массовых потребностей общества в политическую сферу.

Так, ученый писал: «Идентификация индивида с большой социальной группой является в любом обществе мощным фактором политического выбора. Эта идентификация восходит к одной из фундаментальных особенностей

человеческой психологии — потребности индивида в выделении из всей массы человеческих существ — выделении не только индивидуальном, но и «своей» группы, потребности не только в своем собственном «Я», но и в своем «Мы», в принадлежности к определенной социальной среде» [1].

Соответственно, современный политологический дискурс побуждает нас задуматься о характере процесса идентификации индивида в политическом поле. Однако, рассматривая выше указанную проблематику, мы столкнулись с тем, что одним из формально-уравнивающих компонентов в государстве, является институт «гражданства». Который «работает как универсализирующий «зонтик» объединяющий разные политические и культурные практики» [2].

Данную связь можно объяснить тем, что ««гражданство» раскрывает целый ряд проблем связанных с отношениями между базовыми единицами современной политики – государством и индивидом» [3].

Следовательно, гражданство как возможный фактор формирования идентичности приобретает, безусловно, актуальное значение для анализа, поскольку, глобализационные трансформации приводят к тому, что мировое пространство становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, превращаясь в единую социально-политическую и культурную зону, в результате чего национально-государственные границы размываются, а статус национального государства придается забвению. Особенно актуальным данный аспект становится в связи с политическими трансформациями происходящими в западноевропейском обществе, кризисом идентичности, миграционными волнами, в следствии которых увеличивается мобильность населения, связь индивида и государства уменьшается.

В результате данных тенденций индивид «вынужден примерять все новые и новые варианты идентичностей» [4].

В связи с этим особую актуальность приобретает изучение историографии по данной теме. В рамках работы над статьей были изучены труды и использован опыт исследования доктора философских наук, профессора О. Малиновой.

В своих исследованиях О. Малинова подчеркивает, что «в контексте современных процессов, связанных с глобализацией, трансформацией функций национальных государств и ростом миграции, идентичность приобретает новое качество, в том числе – становится предметом открытой идеологической артикуляции» [5].

Также, в основу данной статьи легли исследования доктора исторических наук, профессора Л. Дробижевой [6], которая рассматривала в этносоциологических исследованиях структуру этнической идентичности, В. Тишкова, русского этнолога, историка, социального антрополога.

Исследованию идентичности и использование ее в современном научном и политическом дискурсе посвящено энциклопедическое издание «Идентичность: личность, общество, политика», ответственный редактор И. Семененко, политолог, доктор политических наук. В данном издании дается обширный анализ выше указанной категории и ее различных аспектов [7].

В западноевропейском научном пространстве, необходимо выделить работу исследователя феномена нации и национализма Э. Смита «Национальная идентичность», британского социолога З. Баумана «Индивидуализированное общество», который писал: «проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [8].

Также, канадский философ Ч. Тейлор, посвятил исследованию культурных различий работу «Политика признания» [9], в которой он подробно описывает культурное многообразие, которое присуще каждому обществу. Свои работы указанной проблематике посвятили Э. Геллнер, английский философ и социальный антрополог, Э. Хобсбаум, британский историк и другие. Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в разработку данной проблемы, однако по-прежнему актуальным является вопрос идентификации и конструирования национальной идентичности.

Источниками исследования для статьи, выступают научные труды, которые посвящены анализу различных аспектов идентичности, вопросам идентификации, гражданства и культурного многообразия.

Следовательно, в рамках статьи автором предполагается рассмотреть «гражданство» как возможное качество идентичности.

Цель статьи сводится к тому, чтобы установить соотношение между категориями «идентичность» и «гражданство» и уточнить характер связи между «институтом гражданства», как одним из механизмов универсализации статуса индивида в обществе и самоидентификацией.

Особое значение в свете поставленных задач приобретает анализ гражданства, которое «нередко определяют, как устойчивую правовую связь между индивидом и государством, выражающуюся в наличии взаимных прав и обязанностей, как некий статус, которым наделены все индивиды, в такой связи находящиеся» [10].

Согласно данной трактовки, предложенной О. Малиновой, выше указанное понимание гражданства «описывает формальное отношение между государством и индивидом, которые считаются его гражданами» [11].

Однако, следует отметить, что в практическом поле, исследуемая категория представляет собой более широкий сегмент социальных взаимодействий между индивидом и различными политическими акторами, которые выступают от «имени государства».

В самом общем виде развитие «института гражданства» в странах Запада можно представить, как результат переплетения двух противоречивых процессов: изменения объема прав, которыми наделяются граждане, и распространения гражданства на новые категории индивидов.

«Классический анализ первого процесса дан в работе британского социолога Т. Маршалла, где раскрывается сложная динамика трех компонентов

гражданства — собственно «гражданского» (основные личные права и свободы), политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и социального (право на безопасность и социальную поддержку). Согласно концепции Маршалла, гражданство служило своего рода «встроенным» уравнивающим механизмом, который помогал смягчать различные виды неравенства, присущие рождавшемуся капиталистическому обществу. В течение долгого времени эти компоненты гражданства были разделены: социальная поддержка оказывалась тем, кто не считался полноправным гражданином (во всяком случае, не обладал политическими правами), и лишь в XX в. под влиянием классовой борьбы и потребностей самого капитализма произошло соединение упомянутых групп прав в одном гражданском статусе» [12].

Размышляя над современными проявлениями трактовки гражданства, можно выделить функциональный аспект, который будет включать в себя неотчуждаемые обязанности, права и свободы человека, как гражданина государства, а также аспект гражданства как принадлежности. Соответственно, с точки зрения принадлежности, гражданство определяет кто и на каких основаниях может претендовать на этот статус. Следует отметить, что в данном случае речь идет о включении в число полноправных граждан, тех индивидов, которые ранее на этот статус «гражданин» не могли претендовать. Автор полагает, что на данный момент мировое сообщество все еще находится на стадии «переговоров» о том, что можно и нужно включать в «комплект» гражданства.

На начальном этапе исследования, автор проанализировала категорию «гражданство», определив его как своего рода критерий, который указывает на то, что индивид является полноправным субъектом политического процесса. Соответственно отношения между государством и гражданами выстраиваются на основе «договора» о том, какие условия могут быть им предложены. В следствии этого, было определено, что функциональный аспект гражданства – относится к «включению» граждан в политическое поле государства, а второй – аспект принадлежности, рассматривает вопрос «исключения или непринятия» индивида в это поле.

На рубеже 60-70-х годов XX века значимую роль в формировании идеологической основы демократических государств играют политические акторы, которые выступают за увеличение или уменьшение расширенных прав тех или иных локальных групп (расовых, этнических, гендерных, религиозных и т.д.). Не смотря на то, что идеологические платформы различны, всех их объединяет требование о признании их «исключительной идентичности».

Поэтому, для автора значимым становится вопрос, а может ли универсализированный институт гражданства справиться с вызовами плюрализма идентичностей?

Следует отметить, что идентичность и связанная с нею идея дифференцированного гражданства актуализирует ряд проблем. Во-первых, в процессе идентификации индивид конструирует свою «идентичность». Во-вторых, если с началом 60-х гг. термин только начинал витать в атмосфере

научных дискуссий, а с 1970-х гг. был на «языке» у каждого ученого, то с началом 80-х становится главным опорным термином в социальных науках, став широко распространенной социальной категорией и культурным клише [13].

Как отмечает известный британский социолог З. Бауман «идентичность становится призмой через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [14].

Индивидуальная идентичность, в большей степени, формируется под влиянием социальных ролей. Образ «Я» включает в себя разнообразные идентичности – этническую, религиозную, расовую, в том числе, и национальную.

Согласно Э. Смиту, «Национальная идентичность... сложная конструкция, состоящая из многих взаимосвязанных компонентов — этнических, культурных, территориальных, экономических и политико-юридических» [15].

Соответственно, мы можем предположить, что современные демократии функционируют на особом культурном фундаменте, который составляет национальная идентичность.

Определяя данную категорию, с точки зрения политики британский ученый полагает: «пожалуй, самой очевидной политической функцией национальной идентичности является легитимация введенных юридическими институтами единых юридических прав и обязанностей» [16].

Однако, как было ранее замечено, в современном, в первую очередь, западном обществе наблюдается тенденция, когда все меньшая доля людей полагает для себя жизненно важным связывать личные перспективы с перспективами развития государства и того «общества», которое опирается на структуры национального государства. Ощущение себя частью национально-государственного сообщества не переживается как жизненная потребность, уступая в системе самоопределения человека иным — личностным и групповым — приоритетам.

«Национальная (ориентированная на страну происхождения, которая отождествляется с понятием исторической нации) составляющая в системе идентификационных ориентиров утрачивает бывшее нормативное значение для позиционирования индивида как полноправного члена политического сообщества. В результате продолжают размываться и устойчивые опоры национального государства. Образы и понятия, структурирующие национальную картину мира, вытесняются универалистскими моделями самоидентификации. Но идет и обратный процесс поиска социально значимых и эмоционально наполненных ориентиров развития, которые глобальный универсализм дать не может» [17].

На сегодняшний день, либеральная теория сталкивается с крайне сложной проблемой. До сих пор она определяла и рассматривала гражданство исключительно в терминах индивидуальных прав. Некоторые из таких прав подразумевали коллективные формы реализации, однако провозглашались они от лица индивидов. Требования же, связанные с «признанием идентичности», выдвигаются от имени групп, что затрудняет их включение в повестку либерального гражданства [18].

Важно отметить что, фактически, в западноевропейском пространстве политика «признания» подразумевала наделение особыми правами.

В англоязычной литературе существует подход, который предполагает отказ от традиционного либерального представления о приоритетности прав индивида по отношению к правам группы. Обосновывая данную позицию, А. Янг отмечает, что «хотя группы не существуют отдельно от индивидов, в социальном плане они первичны, ибо идентичности людей отчасти конституируются принадлежностью к группе» [19].

Исходя из этого, мы можем предположить, что речь идет о том, что если в социуме группа первична, соответственно конструирование общенациональной идентичности возможно при условии, что «институт гражданства» не будет нивелировать культурные различия отдельных групп.

Из этого следует, что наличие «мозаичной идентичности» скорее не ведет к разрушению «института гражданства». Однако, при анализе выше указанных категорий необходимо помнить о том, что концепт «идентичности» подвижен, он зависит от социокультурного контекста, от политической конъюнктуры. Также, необходимо учитывать процесс самоидентификации, который выстраивается вокруг наших установок «кем можно, нужно или стоит быть».

В результате исследования, мы пришли к следующим выводам: во-первых, размытие основ национального государства в свете глобализационных процессов, миграция, которая способствует усилению мобильности населения поставили перед научным сообществом задачу о переосмыслении «института гражданства» и идентичности, в том числе национальной. Данный тренд связан с тем, что в первую очередь, в западноевропейском обществе, мы наблюдаем тенденцию в формировании «дифференцированного гражданства». Эта модель предполагает предоставление различным меньшинствам расширенных прав на сохранение своей культуры, в том числе языка. Во-вторых, мы предполагаем, что подобный сценарий, может привести к кризису традиционного «института гражданства» и ослаблению национальной идентичности. К данному выводу, мы пришли после анализа выше указанных категорий и изучения мирового опыта в формировании «института гражданства». Это серьезные проблемы, которые нуждаются в более тщательном изучении. Поскольку, на наш взгляд, признание культурных различий и «плюрализма идентичностей» может привести к фрагментации общества и популяризации неравенства.

В заключение следует сказать, что современные либеральные демократии, которые выступают с позиции «политики признания» культурных различий, способствуют формированию «дифференцированного гражданства».

«Институт дифференцированного гражданства», который был призван уравнивать в правах представителей различных групп, на сегодняшний день, способствует расколу общества. Мы предполагаем, что культурные различия, так же как и «мозаичная идентичность» будут продолжать существовать, однако следование по пути предоставления особых прав различным группам будет сохранять и увеличивать завуалированное неравенство.

Перспективными являются исследования различных видов идентичности и того, как они могут вписываться в единую систему координат национальной идентичности.

Ссылки и примечания:

1. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология : учебное пособие / Г.Г. Дилигенский. Москва : Наука, 1994. 304 с.
2. Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий (Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии) // Полис. Политические исследования, 2004. № 5. С. 7 – 18.
3. Там же. С. 7.
4. Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис. Политические исследования, 2009. № 1. С. 143 – 157.
5. Малинова О.Ю. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник Института Кеннана в России, 2012. № 22. С. 48-56.
6. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как ресурс межнационального согласия: сегодня и завтра // В кн.: Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15—16 марта 2017 г. Москва : ВЦИОМ, 2017. С. 1073-1076.
7. Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. Москва : Весь мир, 2017. 992 с.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. Москва : Логос, 2002. 390 с.
9. Taylor C. Multiculturalism: examining the politics of recognition. Princeton : Princeton University Press, 1994. 175 p.
10. Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 8.
11. Там же.
12. Там же. С. 9.
13. Широкова Т. Концептуальные истоки и основы теории этнической идентичности // Власть, 2010. № 6. С. 95 – 98.
14. Бауман З. Указ. соч. С. 176.
15. Сміт Е. Національна ідентичність / Пер. з англ. П. Тарашука. Київ : Основи, 1994. 224 с.
16. Там же. С. 26.
17. Семененко И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // ПОЛИТЭКС, Том 7. №2. 2011. С. 5 – 24
18. Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 12.
19. Там же.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Сетевое издание

№2 (69) 2019

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук.

Члены редакции:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, **Бредихин А.В.** – д-р ист. наук, **Кузнецова Е.В.** – к-т полит. наук, **Морозов Р.Н.** – к-т ист. наук, **Пенькова О.Б.** – к-т ист. наук, **Разумный В.В.** – к-т ист. наук, **Черкашин К.В.** – к-т полит. наук.